

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА:
ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ,
ПОЛИТОЛОГИИ, ФИЛОСОФИИ,
ИСТОРИИ**

Новосибирск, 2012 г.

УДК 3
ББК 6/8
С69

С69 «Актуальные проблемы современного общества: вопросы социологии, политологии, философии и истории»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (17 декабря 2012 г.) — Новосибирск: Изд. «СибАК», 2012. — 170 с.

ISBN 978-5-4379-0188-5

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного общества: вопросы социологии, политологии, философии и истории» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современных общественных наук.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития общественных наук.

Рецензенты:

- канд. ист. наук, доцент Прошин Денис Владимирович;
- канд. филос. наук Гужавина Татьяна Анатольевна;
- канд. ист. наук Купченко Константин Владимирович.

ISBN 978-5-4379-0188-5

ББК 6/8

© НП «СибАК», 2012 г.

Оглавление	
Секция 1. Политология	7
1.1. Методология политического анализа	7
ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В XXI ВЕКЕ Репина Наталия Валериевна	7
Секция 2. Социология	15
2.1. Методология и методика социологического исследования	15
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА Хомерики Елена Андреевна	15
2.2. Социология личности	24
ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЙНОГО РЯДА «ЧЕЛОВЕК, ЛИЧНОСТЬ, ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ» Корсакова Ирина Анатольевна	24
Секция 3. Философия	29
3.1. Философия и ее роль в современном обществе	29
ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА СМЫСЛОВ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ Порхачев Василий Николаевич	29
3.2. Динамика современной культуры	38
ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ РИТУАЛЫ В СОВРЕМЕННЫХ МАССМЕДИА В СВЕТЕ СИСТЕМНО-ВЕКТОРНОЙ ПСИХОЛОГИИ ЮРИЯ БУРЛАНА Баскакова Наталья Викторовна Очирова Валентина Батуевна	38

3.3. Социальная философия	43
ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ВЗАИМОСВЯЗИ СВОБОДЫ С СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ Аллахвердиев Гариб Вели оглы	43
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ИНТЕРНЕТ (INTELLECTNET) — ВАЖНЫЙ ФАКТОР В СТАНОВЛЕНИИ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА Грищенко Алла Анатольевна	48
СОЦИОГУМАНИТАРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИННОВАТИКИ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА Другова Елена Анатольевна	53
ПРОБЛЕМАТИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА: КОНТУРЫ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА Литвин Тимур Сергеевич	59
ПОНЯТИЯ «ФЕНОМЕН» И «ЕДИНСТВО» В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА Соколов Егор Александрович	65
К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЕСТЕСТВЕННОГО И СОЦИАЛЬНОГО В ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА Тищенко Нонна Дмитриевна	71
3.4. Философские проблемы образования	76
ОБРАЗОВАНИЕ — НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ БЕССРОЧНАЯ ПЕРСПЕКТИВА УСПЕХА? Мелешко Ольга Станиславовна	76
Секция 4. История	81
4.1. История России	81
К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРБИТРАЖА В СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ Воронин Дмитрий Васильевич	81

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФИЛАРМОНИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЮЖНОГО УРАЛА В 1946—1950 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ФИЛАРМОНИЙ ЧКАЛОВА И ЧЕЛЯБИНСКА) Запольских Марина Сергеевна	85
ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ В 20—30-Е ГОДЫ Крыжан Анна Викторовна	89
ОБРАЗОВАНИЕ ОРГАНОВ ВОЛОСТНОГО И СЕЛЬСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. Купченко Константин Владимирович	96
КАЗАЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО КУБАНИ В СЕЛЬСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917 Г. Нещеретов Иван Валерьевич	100
4.2. Всемирная история	109
ИСТОРИЯ И ОТНОШЕНИЕ К ХРИСТИАНСТВУ (ПРАВОСЛАВИЮ) В ЯПОНИИ Кохов Павел Юрьевич	109
ДИПЛОМАТИЯ СССР ВО ВРЕМЯ ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ 1967 Г.: СПОСОБЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ИТОГИ Мирошниченко Илья Витальевич Орехова Марина Сергеевна	116
К ВОПРОСУ О ДОСУГЕ ИНЖЕНЕРНО- ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ДОНБАССА (1965—1985 ГГ.) Сергеева Марина Вячеславовна	120
ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ АКТРИСА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ ГЛИКЕРИЯ ФЕДОТОВА В ТЕАТРАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КРЫМА Шендрикова Снежана Павловна	127
4.3. Этнология	132
«ВСЯ СЕМЬЯ НА МУЗЫКУ ИГРАЛИ НА ВСЯКИЕ»: СКРИПИЧНОЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВО НА ДОНУ Пальгов Сергей Юрьевич	132

ОПТИМИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УКРАИНСКОГО ИНСТИТУТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ Чуприй Леонид Васильевич	138
4.4. История науки и техники	143
К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТКАНИ ПАРИНД Иброхимов Муродали Файзалиевич	143
4.5. Книговедение и библиотековедение	148
РОЛЬ БИБЛИОТЕКИ КАК КУЛЬТУРНО- ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА В ПОСТРОЕНИИ НЕЗАВИСИМОГО ГОСУДАРСТВА (ИЗ ОПЫТА НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ УКРАИНЫ ИМЕНИ В.И. ВЕРНАДСКОГО) Захарова Наталия Борисовна	148
4.6. Историография, источниковедение и специальные исторические дисциплины	157
ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕТОДОЛОГИИ СТАТИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ ДЕРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИСТОРИКОВ Бражникова Анна Сергеевна	157
СОВЕТСКАЯ ЦЕНЗУРА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ Дианов Сергей Александрович	164

СЕКЦИЯ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В XXI ВЕКЕ

Репина Наталия Валериевна

ст. преп. кафедры международных отношений КНУКиИ, г. Киев

E-mail: N35n@i.ua

Актуальность темы обусловлена тем, что феномен политической культуры долгое время не подвергался специальному теоретическому изучению с точки зрения общей теории культуры. Лишь в последнее время появляются попытки систематического исследования политической культуры в философском, политологическом и историческом аспектах. На сегодняшний день феномен политической культуры заслуживает более пристального внимания и всестороннего анализа, который позволит глубже понять ее социальную природу, общественную обусловленность и характер изменчивости, выявить доминирующие тенденции в этой сфере, что важно как для научного прогнозирования, так и для практического применения в становлении гражданского общества в Украине.

Научные разработки по этой теме осуществляли Платон и Аристотель, в XVIII в. — Ш. Монтескье и И. Гердер, в XIX в. — Гегель и А. Токвиль, в XX в. — М. Вебер и О. Шпенглер. В. Герье и В. Ивановский, М. Острогорский и Бердяев — в русском, Грушевский, М. Драгоманов, Б. Кистяковский, Попович, С. Крымский — в украинских. В их творчестве прослеживается преемственность многих политико-культурологических идей. Заслуживает внимания и такие деятели как Костомаров, Д. Донцов, В. Липинский, П. Христюк, Хвылевой и другие, внесшие весомый вклад в развитие

политической мысли. Все они подчеркивали необходимость установления демократической республики, в которой господствует справедливый закон как выражение справедливости, истины, а также обязательность равенства всех слоев населения перед законом.

В XVIII в. западноевропейские мыслители, используя термин «политическая культура», обозначенный как имплицитный, переосмыслили феномен политической культуры. В 1784 году И.Г. Гердер вводит в кн. XII и XIII работы «Идеи к философии истории человечества» [5], философский подход к анализу политической культуры, характеризуя культуру как «носителя политической культуры». Он обращает внимание на ее носителей — народ, нацию. Если у этого народа будут знания и убеждения, то он будет более культурным.

Методически исходным и необходимой ссылкой анализа сущности политической культуры является общее родовое понятие «культура». Без правильного толкования этого понятия проникновения в сущность политической культуры практически невозможно.

Понятие «культура», благодаря многогранности явления, выраженного им, представляет немалую сложность для научной интерпретации. По мнению украинского ученого С. Безклубенка, оно имеет три аспекта выяснения того, что представляет собой культура. Во-первых, — это «антропологический» аспект, где культура подразумевается как способ жизни общества, народа или группы народов (первобытная культура, восточная культура и т. д.), во-вторых — «отраслевой» аспект, когда под культурой подразумевается определенный аспект общественной жизни (культура, экономика, политика и т. д.) и в-третьих — аксиологический, или гуманитарный, когда оценивается степень «цивилизованности», «культурности» лица или группы людей, а то и народов (культурный человек, некультурно, высокая культура, массовая культура, элитарная культура) [4, с. 198].

Энциклопедии и словари дают типичное определение культуры: «Культура (от латинского *cultura* — возделывание, выращивание, воспитание, развитие, планирование) — исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в созданных ими материальных и духовных ценностях [12].

Если рассматривать культуру в узком смысле — это определенные достижения человеческой деятельности, в широком — она выступает как все то, что является не только ожидаемым

результатом, но и неожиданным результатом деятельности людей, именно деятельности, и именно людей, то есть их общественной деятельности [4, с. 199].

В такой трактовке понятия культуры совпадает с понятием общественной жизни людей, и вся человеческая история предстает как история культуры, ибо передобщественное существование людей относится к их биологическому бытию и составляет собственно предысторию. Термин «политика» в научный оборот ввел Аристотель [Политика Аристотеля. М., 1911; *Politica*]. В IV в. до н. э. Греческий философ определил ее как искусство управления государством, под которым понимался полис. Аристотель считал, что полис — это город-государство, где в первую очередь по определению философа, полис был, не политическое образование, а сакральное место, которое охраняется богами. Для античного человека Вселенная — это все, человек, который живет вне полиса — считается идиотом (так называли человека, который живет вне полиса, и который ставит личные интересы выше общественных). Полис — единственная возможная форма существования человека в античном мире. Только в нем он сакрально защищен, и только полис делает человека — гражданином [1].

В советской традиции, определение понятия политика трактуется так: политика — (искусство управления государством) сфера человеческой деятельности, которая осуществляет управление обществом через структуры власти. В периоды, когда в обществе все стабильно, политика реализуется через взаимодействие различных социальных групп и их интересов, в критические периоды политика оказывается сферой борьбы за власть в обществе. Политика может быть направлена в любую область деятельности общества (экономическая, научная, культурная, социальная, религиозная, духовная политика), особенно, если эта деятельность рассматривается как инструмент власти [12].

В украинской традиции политика — (от греч. государственные и общественные дела) организационная, регулятивная и контрольная сферы общества, в пределах которой осуществляется социальная деятельность, направленная главным образом на достижение, удержание и реализацию власти индивидами и социальными группами, за для осуществления собственных запросов и потребностей. Политика является результатом общения, взаимодействия людей, решения ими общих дел, определения позиции относительно центров власти. Конкретными проявлениями ее могут быть — явления согласованности, подчинение, господство, конфликта, борьбы между

отдельными людьми, социальными группами и государствами. Политика является синонимом других политических явлений, прежде всего — власти, господства, государства, которые образуют единый содержательно-терминологический ряд, имеют примерно одинаковые источники, ресурсы, потенциалы, средства, символику и могут использоваться как аналоги при исследовании сложных общественных явлений [11].

Трудности в четком видении понятия «политическая культура» возникают, прежде всего, потому, что многозначными являются оба термина — как «культура», так и «политика», от которых оно является производным. Если понимать под культурой совокупность фундаментальных ценностей, созданных человеческой цивилизацией, а под политикой — науку и искусство управления, то политическая культура выступает как продукт исторического опыта общества, индикатор его цивилизованности, инструмент согласования интересов и социума [9].

Известный американский политолог Д. Дивайн считает, что политическая культура — историческая система широко принятых, фундаментальных политических ценностей, образцов поведения, которых придерживаются члены данной общественно-политической системы, она охватывает как политические идеи, ценности, установки, так и действующие нормы политической практики [3].

Французский философ и культуролог — Мишель Фуко предполагал, что политическая культура — как и власть, присутствует в любом феномене нашей жизни, влияя (прямо или косвенно) на наши действия, мысли и чаяния [7].

Ф. Фукуяма рассматривает политическую культуру как глубокий уровень, который, вбирая в себя структуры семьи, религии, моральные ценности, этническое сознание, «гражданственность» и исторические традиции, меньше подлежит трансформациям и поэтому объясняет взаимодействие между уровнями гражданского общества (как сферы спонтанно созданных социальных структур), институтов и идеологий [14]. Политологи и философы, считают, что политическая культура — это специфический, исторически и классово обусловленный продукт жизнедеятельности людей, их политического творчества, выражающее процесс освоения классами, нациями, другими социальными общностями и индивидами политических отношений [6]. Благодаря воспроизведению, передаче из поколения в поколение и усвоению предыдущего политического опыта, политическая культура рассматривается в обществе как средство

деятельности людей в сфере политики для реализации своих классовых, национальных и групповых интересов. В общем понимании, политическая культура — это культура политического мышления и политической деятельности, степень цивилизованности характера и способов функционирования политических институтов, организации всей политической жизни в обществе.

Категория политической культуры отражает качественное состояние политической жизни социума, уровень его цивилизованности. В широком понимании ею определяются базисные знания об обществе, которые усвоены и восприняты большей частью социума и определяют ценностные ориентации и политическое поведение на уровне общества, группы, личности. В узком смысле понятие политической культуры включает язык политического дискурса, культуру политического мышления и политического общения, культуру поведения политиков и населения как субъектов политического процесса [9]. Однако вряд ли можно сконструировать сегодня универсальное определение политической культуры, которое могло бы устроить всех. Определений политической культуры приближается к 30.

На сегодняшний день перспективы развития политической культуры в Украине заключаются прежде всего в развитии гражданского общества, то есть демократических форм управления, обеспечение приоритета прав и свобод гражданина над правами нации, народа, государства, разделения функций власти, диктатуры закона для всех граждан и должностных лиц. Но это может произойти только через осуществление реальных, решительных перемен в экономической жизни общества, активизацию производства, формирования соответствующих культурно-политических и социально-психологических установок большинства населения Украины, брать на себя ответственность за судьбу своего государства [13].

Политическая культура современности — сложное многоструктурное явление, которая находится под влиянием новейших технологий. Глобализация информационно-коммуникативных технологий приводит к формированию виртуального мира. Сегодня Интернет влияет на формирование сознания людей больше, чем традиционные средства массовой информации, а значит и на политическую культуру. Некоторые ученые утверждают, что под влиянием Интернета, с его языком и огромными техническими возможностями, исчезает культура, а с ней и политическая культура.

Если сравнивать XXI век с прошлыми эпохами, то мы можем увидеть, что информационно-коммуникативные технологии произвели

не только радикальные изменения основ экономики, но и изменения в социально-политической, культурной сфере. В XXI веке усложняется не только социальная структура общества, но появляются и новые социальные группы, что приводит к имущественному неравенству. Усиление вертикальной и горизонтальной мобильности — к переоценке ценностей и модификации мировоззренческих и поведенческих ориентаций людей, т. е. всех компонентов политической культуры.

В статье Ульриха Бека и Даниэля Кон-Бендита «Мы — Европа! Манифест перестройки Европы с самого ее основания», авторы ставят вопрос, как во время экономического кризиса, сохранить ценности европейской цивилизации? По их мнению, долгой кризис, затронувший все Европейские страны, проблема не столько экономическая, сколько политическая и мировоззренческая. Авторы утверждают, что Европе, если она и в дальнейшем стремится защищать права человека, нужно начинать осуществлять перестройку культуры, политической культуры (снизу вверх), разработать новые правила игры, правила, характерные для современных глобализационно-информационного мира, и эти правила очень простые — это диалог (слышать друг друга), компромисс (идти на уступки), толерантность (уважать друг друга), умение принимать и находить консенсус между всеми культурами, политическими культурами [8].

Британский социолог, философ З. Бауман, в своей работе «Куда течет «текущая современность»?», акцентирует внимание на изменчивости современного мира, что делает невозможным его понимание и как следствие затрудняет его управления. Главная идея, которую хочет донести до современности автор, заключается в том, что жизнь непредсказуема и в ней отсутствует любой четко очерченный вектор развития. По его мнению, цели, которые раньше ставили люди, сейчас размыты, и меняются каждую минуту, и поэтому уже не могут служить основой рационального поведения современного человека, то есть ее политической культуры [2].

В каждом обществе политическая культура выполняет две важнейшие функции. Во-первых, она является средством организации и показателем развития политической жизни общества, а во-вторых, она выступает как фактор формирования массового политического сознания, средство политической социализации человека.

Таким образом, глубокие изменения, которые происходят во всем мире, и в украинском обществе в том числе, нуждаются в кардинальной переоценке доминирующих представлений о нашем

мире и о нас самих. Потому что только через культуру, толерантность, духовность, политическое сознание и политическую культуру, через новейшие технологии и Интернет, формируется каждый человек, а с ним и общество, гражданское общество.

На сегодняшний день, культура — это не только собрание творений определенных реальных «живых» человеческих знаний и умений, «закодированных» и «зашифрованных», находящихся в уме людей, культура — это безостановочный процесс взаимодействия, в ходе которого люди обогащаются, совершенствуются и пополняют свои знания и умения путем освоения созданного предшественниками, и самое главное пополняют и обогащают культурную сокровищницу не только своего народа, но и всего человечества.

Политическая культура XXI века — это время, когда культура уже предстает не только как составная общества, в котором находятся ассоциации и общества, нет, это время граждан, которые создают интеллектуальный капитал, где культура гарантирует вместе с другими социальными ценностями общественный порядок и взаимопонимание в обществе и выступает как ценность, как европейская ценность, где центром всего является человек.

Список литературы:

1. Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. — М.: Мысль, 1983.
2. Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008. С. 30.
3. Бебик В.М. Политология для политика и гражданина: Монография. — К.: МАУП, 2003. — 424 с.
4. Безклубенко Сергій. Мистецтво: терміни та поняття: Енциклопедичне видання: у 2 т.: Том 1 (А — Л) / Сергій Безклубенко. — К.: Інститут культурології АМУ, 2008. — 240 с.
5. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. (Серия «Памятники исторической мысли») — М.: Издательство «Наука», 1977. — 705 с. — (Перевод и примечания А.В. Михайлова.)
6. Дахин В. Политическая культура и власть. // Свободная мысль — 1996, № 1.
7. Мишель Фуко. История сексуальности-III: Забота о себе / Пер. с фр. Т.Н. Титовой и О.И. Хомы; под общ. ред. А.Б. Мокроусова. — К.: Дух и литература, 1998.
8. Мы — Европа! Манифест перестройки Европы с самого ее основания. www.inosmi.ru / 4 мая 2012.
9. Нагорна Л.П. Політична культура українського народу: історична ретроспектива і сучасні реалії. — К.: Стило, 1998. — 278 с.

10. Пахомов Ю. Політична культура посттоталітарної доби // Політологічні читання. — 1992. — № 2. — с. 40.
11. Политологический энциклопедический словарь / Составитель В.П. Горбатенко Под ред. Ю.С. Шемшученка, В.Д. Бабкина, В.П. Горбатенка. — 2-е изд., Доп. и перераб. — М.: Генезис, 2004. — 736 с.
12. Современный философский словарь / Под ред. д.ф.н., проф. В.Е. Кемерова / 1996. — 608 стр. Современный философский словарь / Под ред. д.ф.н., проф. В.Е. Кемерова / 1996. — 608 стр.
13. Цимбалистий Б. Клеймо безгосударственности. Политическая культура украинской. — М., 1994.
14. Fukuyama F. The Primacy of Culture // Journal of Democracy. — 1995. — Vol. 6. — № 1. — P. 7—14, с. 9.

СЕКЦИЯ 2.

СОЦИОЛОГИЯ

2.1. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Хомерики Елена Андреевна

канд. пед. наук, доцент НАУ, г. Киев

E-mail: Khomeriki_helen@mail.ru

Аннотация. В статье осуществляется социологический анализ высшего образования как единой, сложной, полифункциональной, многокомпонентной системы. Исследуется теоретико-методологический аппарат функционирования образования в современном обществе, его социокультурная динамика. Анализируются основные подходы к исследованию проблем высшего образования в социологии, подходы к пониманию образования как социального института в контексте субъект — объектного анализа.

Актуальность темы

В нынешнем глобализированном мире особое значение и социальное звучание приобретает вопрос обеспечения равного и справедливого доступа к качественному образованию, о чем свидетельствуют основные акценты в международных документах по вопросам развития образования последних лет. Выработка системы равного доступа к образованию и оценки ее качества будет способствовать реализации современных и перспективных целей трансформации общества в Украине, станет ферментом активизации реформирования высшего образования. Поэтому особую актуальность в условиях современных модернизационных процессов в системе высшего образования приобретают вопросы изучения образования как сложного социального феномена в рамках социологии образования.

Цель статьи: провести основательный и разносторонний социологический анализ высшего образования как сложной и функциональной системы.

Изучению различных аспектов образования уделяли и уделяют значительное внимание представители различных социологических школ и направлений. В связи с этим необходимо назвать прежде всего те труды классиков социологии, содержащие анализ и оценку значимости образования в условиях индустриального общества, происходящих в системе образования, содержания образования и воспитания. Это работы О. Конта, Г. Спенсера, М. Вебера, Ф. Гиддингса, Л. Гумпловича, Э. Дюркгейма, Ч. Кули, Г. Лебона, К. Маркса, П. Сорокина, Л. Уорда и др.

Первые работы по этой проблеме, связанные с именами Э. Дюркгейма Дж. Дьюи, Т. Веблена и др. касались, прежде всего роли образования в обществе. Побуждением к социологическому анализу стала ограниченность аналитических и концептуальных возможностей педагогики и психологии по вопросам обоснования организации и содержания образования начиная с 20-х годов XX века. Центральные положения концепций К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера образуют идейно-теоретические предпосылки классических и современных социологических теорий образования.

В исследованиях же представителей структурно-функционального и конфликтологического направлений Т. Парсонса, Л. Альтюссера, С. Боулза, Г. Джинтиса осуществляется разработка теоретико-методологического аппарата функционирования образования в современном обществе, рассматривается социокультурная динамика образования и ее обособление как самостоятельной отрасли.

Образовательный бум в европейских странах в 60—70 годы XX века привел к восстановлению активных исследований в социологии образования. Об этом свидетельствуют, в частности, работы западных социологов П. Бурдьё, Ф. Кумбса, Т. Парсонса, М. Троу. Характерной чертой этого периода является становление и доминирование социокультурного подхода как методологической основы социологии образования.

Следует отметить, что в социологии выделяются несколько направлений в исследовании проблем высшего образования. Например, А.М. Осипов считает, что в зарубежной науке четко доминируют такие направления: моралистский подход (Лестер Ф. Уорд, Джон Дьюи, Джордж Э. Пейн), функционализм (Т. Парсонс, Р. Мертон, Р. Дрибин), теория конфликта (Г. Зиммель, Т. Веблен, К. Мангейм) и институциональный подход, в центре

которого, по мнению данного автора, стоят вопросы взаимовлияния образования и других институтов — экономики, семьи, управления, религии, где образование чаще выступало зависимой переменной, реагирующей на давление извне [5, с. 126].

В современный период проблемы трансформации института образования в Украине, социологические аспекты образования исследуют И. Гавриленко, В. Городяненко, Д. Дзвинчук, П. Куделя, В. Луговой, М. Лукашевич, Л. Сиднева, А. Скидин, А. Фурман, В. Пилипенко, В. Чепак, Е. Сирий. и др. Современная социология образования плодотворно занимается изучением структуры социального института образования, его систем и подсистем (В. Луговой), социальных организаций, объектов (В. Астахова, П. Куделя) и субъектов его деятельности, функций образования в социокультурном воспроизводстве общества (В. Навроцкой, М. Лукашевич), структуры и сущности содержания учебного процесса (И. Гавриленко), управления образованием (Д. Дзвинчук, А. Скидин, Я. Зоська), использует весь арсенал социологических методов исследования (В. Городяненко,). Эти исследования выявляют зависимость состояния образования от уровня развития экономики и развитости политических и социальных институтов. Установлено, что существует зависимость между социальным развитием и образованием. С одной стороны, для развития общества необходима развитая система образования, с другой — на развитие образования влияет динамика общественных процессов.

Несмотря на определенную дискуссионность проблематики характеристик образования, в социологии сформировался набор его признаков. Так, в исследованиях Н.В. Смирновой обнаружено несколько смыслов термина «образование»:

- Социальный институт;
- Образовательная деятельность и ее результаты, которые обозначаются понятием «образованность»;
- Система образования — иерархизированная совокупность образовательных организаций, связанных управленческой инфраструктурой;
- Разновидность социального процесса [6, с. 161].

Еще одна классификация подходов к развитию образования предложена сетевым клубом социологов «Парадигма»:

- Первый подход базируется на целеполагании образования как нормативного идеала образованного человека в обществе. Это особенно значимо, потому что образование не только

присутствует во всех сферах жизнедеятельности человека, но всегда встроено в соответствующую историческую эпоху.

- Второй подход предполагает, что в основе развития образования лежат типы культуры, которые были разграничены американским антропологом М. Мид. Сторонники этого подхода, основываясь на культурологической роли образования, считают, что развитие цивилизации представляет собой изменение приоритетных культурологических типов, соответственно этому меняется образование как транслятор культуры. В связи с этим М. Мид выделяет три типа культуры:

- а. постфигуративный тип, в котором доминирует культура традиций, обычаев, повседневной практики, когда в качестве субъекта образования выступает естественное социальное окружение. Человек учится в процессе повседневной трудовой деятельности;

- б. фигуративный тип, когда культура традиций уступает место культуре рациональных знаний, норм, ценностей, законов. Образование становится массовым и оторванным от источника знания. Основная задача — сформировать человека знаний;

- в. префигуративная культура — постиндустриальная. Ведущей становится технология производства знания. Это культура пока только предполагается. Нормативный идеал-мужчина, генерирующий знания, умеет самостоятельно ориентироваться в потоках информации [3, с. 108].

- Третий, институциональный подход рассматривает образование как социальный институт, поэтому в качестве доминанты выделяется нормативный, государственно детерминированный характер образования, целенаправленно воздействующий на молодежь с целью ее адаптации к потребностям общества и государства [4, с. 151].

В.И. Загвязинский рассматривает систему образования в нескольких аспектах:

- социально-институционализованного — сеть образовательных учреждений, обладающих образовательным потенциалом, и органы управления и деятельности;

- собственно-образовательного — целостная система и как часть системы образования государства и мира;

- структурно-уровневого — система непрерывного образования, которая охватывает дошкольный, школьный и профессиональный уровни [2, с. 62].

Иерархия отношений внутри системы образования может быть представлена следующим образом:

- Социальный институт образования;
- Институт высшего образования;
- Группа однопрофильных вузов;
- Конкретный вуз.

В этой цепочке отношений каждая следующее звено включает в себя общие черты предыдущих и осуществляет определенные управленческие функции по отношению к ним: организацию взаимодействия, распределение ресурсов, формирование эталонов и норм деятельности, трансформацию и конкретизацию выдвигаемых обществом задач.

Систему высшего образования определяют как целостную, так как она конструируется для достижения заданного социального, педагогического, психологического результата и реализации целей [4, с. 92]. В.В. Анисимов, О.Г. Грохольская и Н.Д. Никандров выделили отличительный признак целостной системы — полифункциональность. Полифункциональность системы, по мнению ученых, — это способность системы видоизменяться и выполнять различные действия для достижения заданного результата [1, с. 125].

Система высшего образования состоит из множества систем разного порядка. Подсистемы представляют собой, с одной стороны, структурные, с другой — функциональные звенья процессов обучения, воспитания и управления.

Вообще все подходы к пониманию образования как социального института современная исследовательница В.Чепак делит на три группы: субъектно-ориентированные, объектно-ориентированные и процессуально-ориентированные. Субъектно-ориентированные подходы предусматривают рассмотрение образование как горизонтальные взаимодействия между различными субъектами, которые конструируют соответствующие значения и выбирают на основе этих значений соответствующие рациональные (на микросоциальном уровне) способы действия и взаимодействия. В субъектно-ориентированных подходах образование выстраивается «снизу-вверх». Объектно-ориентированные подходы предусматривают рассмотрение образования как системы, вполне детерминированной другими социальными подсистемами (политикой, экономикой, религией). При этом отмечается несамодостаточность образования и ее вертикальная зависимость от власти политиков, бизнеса, церкви. Процессуально-ориентированные подходы дают возможность понять логику системы образования как внутренне организованной целостности, которая, с одной стороны, взаимодействует с другими социальными институтами макроуровня, но, с другой стороны,

не детерминированной стопроцентно этими институтами, то есть — имеющей вполне автономный сегмент деятельности в социальной системе.

Сущностью социологического подхода в исследовании образования являются три основные положения, отличающие его от других подходов (экономического, педагогического, философского). Образование рассматривается в контексте ее места и роли в современном обществе, во всей совокупности системы общественных отношений как ее элемент, который взаимодействует с другими элементами. Первоначально, образование ориентировано на подготовку конкретных индивидов, на улучшение жизненных шансов каждого из них. При этом, как часть единой социальной системы, оно взаимосвязано со всеми подсистемами общества (экономической, политической, социальной, культурной) [7, с. 109].

С одной стороны, система образования постоянно подвергается критике представителями радикалистских течений в социологическом теоретизировании: здесь на первый план выступают неомарксизм, «критическая педагогика» и различные направления феминистской социологии. Образование упрекают в поддержке системы угнетения и неравенства, дискриминационных практиках, символическом принуждении, навязывании комплекса неполноценности нижним и средним социальным группам, применении репрессивных дидактик, приводящие к формированию «армии рабов» [7, с. 9] и т. п.

С другой стороны, по меткому выражению американских специалистов в области социологии образования Куксона и Садовника, звучат «интеллектуальные дифирамбы» в адрес образования со стороны позитивизма, неопозитивизма, структурного функционализма и неофункционалистских направлений. Образованию приписывают просветительско-реформационно. роль в обществе, роль освободителя от социального порабощения и статусных ограничений, института, повышающего социальную мобильность, осуществляющего селекцию и перераспределение человеческих ресурсов по способностям [7, с. 123].

В этом контексте по мнению В. Чепак, дискурсивные и парадигмальные доминанты социологических теорий образования задаются двумя типами социологического мышления — модерна и постмодерна. В современном социологическом мышлении образование выступает скорее как социальный институт, что способствует прогрессу общества (система), в постсовременном мышлении — скорее как институт воспроизводства неравенства и принуждения. Следовательно, оценка системы образования в современном

и постмодерном мышлении отличается преобладанием теоретического оптимизма над теоретическим пессимизмом [7, с. 12].

Исследовательские подходы к анализу высшего образования возможно представить как логически выстроенную систему, компонентами которой являются: деятельностный, процессуальный, институциональный и социокультурный подходы. В связи с этим закономерно появление комплексного подхода к исследованию высшего образования, поскольку в нем учитываются концептуальные особенности всех подходов. Это особая стратегия научно-исследовательской деятельности, которая опирается на ряд принципов: принцип разносторонности, принцип единства, принцип мобилизации релевантных знаний, принцип конгруэнтности и др. [7, с. 35—37].

Исходя из вышеперечисленного, рассмотрение образования как социального института может быть представлено в четырех контекстах и типах дискурса.

Системный подход можно охарактеризовать как «базовый», который позволяет раскрыть специфику изучаемого явления, выделить полифункциональность образования как системы в целом, так и отдельных ее элементов и структур.

Деятельностный подход к образованию может быть реализован как на институциональном уровне, когда предметом анализа является деятельность социального института образования в целом (так и на уровне личности (социальной группы)). В последнем случае образование определяется как вид деятельности в структуре способа жизни индивида.

Целью институционального подхода, как отмечает О.О. Шуклина, является «охарактеризовать реализацию потребностей, которые имеют как индивидуальный, так и общественный характер и реализуются в практической образовательной деятельности различных учебных заведений». Согласно современной парадигмы, определяющим элементом всей системы образования является человек, с его потребностями и интересами [8, с. 69].

Социокультурный подход начал формироваться в 30-е годы XX в., Получил развитие в концепции «реконструкции социальной позиции» французских социологов Бурдьё и Пассерона, и сейчас стал основным в отечественной социологии образования [9].

Социокультурный подход приобретает особую актуальность в современных процессах гуманизации и гуманитаризации высшего образования. Высшая школа осуществляет передачу культурных норм, принятых в обществе, и именно так ставит пределы для естественных проявлений человеческой природы или социальной группы, которые

не помещаются в определенных нормах, влияя таким образом на стиль жизни человека. Помимо трансляции норм, высшее образование — это способ культурной регуляции человеческой деятельности, которая осуществляется через систему ценностей. Ценности помогают обществу и человеку отделить хорошее от плохого, правду от лжи, прекрасное от безобразного и т. д. Итак, высшее образование имеет влияние на общество и личность не только как система взаимосвязанных элементов или особый вид деятельности, но и как социокультурный феномен.

Рассматривая подходы в рамках социокультурного направления, сложившиеся в социологии по изучению образования, нельзя не коснуться тех из них, которые были начаты и сформулированы за последние 20 лет в социологии образования и могут считаться если не инновационными, то хотя неординарными. Такую попытку предпринял в 90-х г. XX в. уже названный нами российский социолог В. Нечаев [4]. Автор рядом с социокультурным подходом, обосновал социосемантичный, или же, согласно с авторским названием, социокоммуникативный подход к изучению образования. Социологическому контексту социокультурного подхода к высшему образованию посвящены работы Налетовой К., Петрович О., Киридиной Л. На Украине этой теме посвящены работы В. Навроцького, В. Пилипенко, М. Пирен.

В свете всего вышесказанного следует отметить в рамках социокультурной парадигмы анализ системы образования не может происходить вне анализа всей совокупности разнонаправленных социокультурных процессов образующих жизненную бытийность конкретного общества как отдельной культуры, в основе которой лежит определенная культурная традиция, как уникальная матрица, социокод. Подвергаясь влиянию современных глобализационных процессов мирового масштаба общество адекватно реагирует на это трансформацией системы собственных базовых социальных институтов, одним из которых выступает и высшее образование.

Подытоживая, следует отметить, что мы совершили анализ высшего образования как логически выстроенной системы, компонентами которой являются: деятельностный, процессуальный, институциональный и социокультурный факторы. Возрастающая актуальность концептуализации социокультурного подхода в рамках социологического анализа детерминирована фактом постоянной трансформации общества в контексте глобализации. Следует отметить, что развитие этого подхода берущее начало с работ П. Сорокина на сегодняшний момент активно продолжается.

Список литературы:

1. Анисимов В.В., Грохольская О.Г., Никандров Н.Д.. Общие основы педагогики. — М.: «Просвещение», 2006. — 574 с.
2. Загвязинский В.И. Теория обучения. Современная интерпретация: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений М.: 2001. — 192 с.
3. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. — М.: Наука, 1988, СС. 308 — 321.
4. Нечаев В.Я. Социология образования. М.: Республика, 1992. — 305 с.
5. Осипов А.М. Социология образования: очерки теории. Ростов-на-Дону: Рин, 2006. — 445 с. 126.
6. Смирнова Н.В. Структурно-функциональные характеристики образовательного процесса // журнал CREDO NEW. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://credonew.ru/content/view/236/26/> (дата обращения 21.12.2012).
7. Чепак В.В.. Теоретико-методологические основания становления и развития социологии образования. — Монография. — К.: ТОВ «Геопринт», 20011. — 304 с.
8. Шуклина Е.А. Социология самообразования: предпосылки, методология, методика. — Екатеринбург: Изд. Екатеринбургского пед. ун-та, 1999 — 459 с. с. 69.
9. Bourdieu P., Passeron Y.-C. Reproduction in Education, Society and Culture. Beverly Hills, CA: Sage. 1977.

2.2. СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЙНОГО РЯДА «ЧЕЛОВЕК, ЛИЧНОСТЬ, ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ»

Корсакова Ирина Анатольевна

канд. филос. наук, доцент РГСУ, г. Москва

E-mail: korsak.rgsu@mail.ru

В современных научных трудах по различным отраслям культуры признается важность и эффективность применения комплексного подхода к обучению, исследованию и развитию. В различных областях (педагогике, философии, музыковедении) понятие «комплексность» приобретает различные трактовки, однако можно выделить общие характеристики этого феномена, такие как:

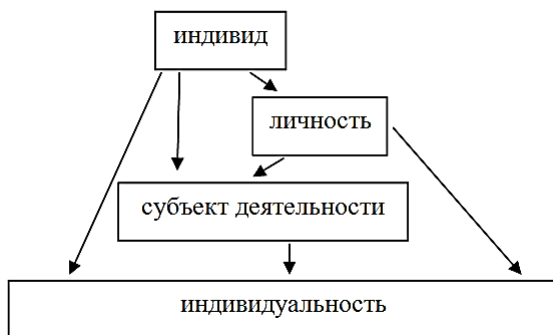
- совокупность различных сторон единого целого;
- развитие явления под влиянием комплексного воздействия;
- многоуровневое взаимовлияние различных составляющих в их диалектическом единстве;
- между отдельными компонентами комплекса устанавливаются многомерные связи.

Наряду с термином «комплексный» в научной литературе используются понятия «целостный», «системный», а также «синергетический», «интегративный».

Основателем комплексного подхода в психологии (и фактически в истории философско-психологической науки) был Б.Г. Ананьев, который предложил этот подход к изучению человека [1].

В основание структурной модели Б.Г. Ананьева легли принципы антропологизма, целостности, научности. Согласно антропологическому принципу ученого, психическое можно понять только в его связях с объективными свойствами человека, свойствами, которые определяются его включенностью в природные и социальные системы. При этом сам человек представляет собой полисистему природно и социально обусловленных элементов. В своих трудах Б.Г. Ананьев обосновал наиболее дифференцированную структурную модель человека, в которой отражены основные классы его свойств.

Основные элементы модели Б.Г. Ананьева — понятия «индивид», «личность», «субъект деятельности», «индивидуальность».

Эта модель противостоит встречающемуся в науке отождествлению понятий человека и личности. Ананьев различает собственно личностные свойства, а наряду с ними свойства психофизического организма, индивида. Индивид и личность — основные формы существования человека как природного и социального явления. Наряду с этим ученый вводит понятие «субъект деятельности» (или просто «субъект»), которое, с одной стороны, интегрирует свойства индивида и личности, с другой — не сводится ни к природным задаткам, ни к общественным отношениям, поскольку субъект — познающее и сознательно действующее существо.

Наиболее интегральной формой существования человека, по Б.Г. Ананьеву, является индивидуальность, которая может быть понята только при знании полного набора основных характеристик и свойств человека как индивида, личности и субъекта. Но индивидуальность не сводится к сумме этих свойств, она предстает как новая полисистема, в которой интегрируются все три указанные системы свойств. Пользуясь метафорой Б.Г. Ананьева, можно сказать, что она — производная второго порядка (после субъекта деятельности).

Рассмотрим более подробно составные части модели Б.Г. Ананьева [4].

Для человека как индивида характерны следующие признаки:

1. возрастно-половые, индивидуально-типические, конституционные особенности, нейродинамические свойства мозга;
2. психофизиологические функции (сенсорные, мнемические, вербально-логические и др., структура органических потребностей);

3. темперамент и задатки.

Человека как личность характеризуют:

1. статус в обществе (экономический, политический, правовой и др.);
2. общественные функции-роли; цели и ценностные ориентации;
3. мотивация поведения; структура общественного поведения;
4. характер человека и склонности.

Как субъекту деятельности человеку присущи такие характеристики как: сознание (отражение объективной реальности); деятельность (преобразование действительности).

Индивидуальность как высшая стадия развития человека раскрывается в таких понятиях как: самосознание, самосовершенствование; талант, творчество.

Очень похожая структура человека имеется в концепции Л.Б. Ермолаевой-Томиной. Исследуя природу человека, автор пишет: «В формировании способностей участвуют три составляющие индивидуальности: природные задатки, воспитуемые качества, необходимые для адаптации к конкретной социальной среде, и качества, развиваемые в конкретных видах деятельности — игровой, учебной, профессиональной, творческой» [3, с. 72—73].

Структура индивидуальности в концепции Л.Б. Ермолаевой-Томиной выглядит следующим образом:

Индивидуальная неповторимость начинается с внешних форм строения тела, черепа, лица, которые не являются случайными и служат своеобразными индикаторами скрытых потенциальных возможностей и способностей человека. Эти биологические задатки лежат в основе строения костных, мышечных тканей, а также в основе нервной системы, а следовательно, некоторых характерологических особенностей, способов адаптации к среде. В число физиологических задатков входит тип нервной организации, или темперамент. Именно тип нервной системы определяет специфику контакта со средой, динамику работоспособности, потребность в той или иной деятельности, стойкость и сопротивляемость внешним влияниям. К нейрофизиологическим задаткам относится и специфика эмоционально-волевой сферы, тесно связанная с типологическими особенностями деятельности регуляторного блока.

Социальное, преломляясь через индивидуальное, создает неповторимость человеческих характеров и способностей. Социальная среда, предъявляя к человеку свои требования, формирует «социальные характеры». Под влиянием культурно-исторической

среды, профессиональной деятельности образуется «социально-типическое». К числу воспитуемых относятся все социально-ориентированные качества человека, направленные на приобщение к социальным нормам, соблюдению морально-этических правил в поведении, общении, деятельности. Ведущей в формировании этих качеств является внешняя среда: ее социальные ценности, система обучения и профессиональная деятельность.

Исследователь делает вывод о том, что особо пристальное внимание должно быть направлено «на знание и понимание фундаментальных основ индивидуальности, базирующихся на общих законах нейрогуморальной системы и высшей нервной деятельности, законах эмоций и волевой саморегуляции, а также развития высших психических функций, лежащих в основе интеллектуальных процессов» [3, с. 73—76].

Модель, предложенная в работах В.И. Слободчикова, Е.И. Исаева [5], включает следующие составляющие феномена «человек»:

1. Индивид — человек, как представитель рода, имеющий природные свойства и телесное бытие человека.
2. Субъект — человек, как носитель предметно-практической деятельности; распорядитель душевных сил.
3. Личность — человек, как представитель общества, определяющий свободно и ответственно свою позицию среди других.
4. Универсум — высшая степень духовного развития человека, осознающего свое бытие и место в мире.

М.А. Ариарский в книге «Прикладная культурология» говорит, что становление личности проходит в четыре этапа, начиная с первых дней жизни и не заканчивается с наступлением зрелости, продолжаясь в процессах самостановления: «в обществе сложилась система социальных институтов..., которые призваны вовлекать новые поколения в мир культуры, обеспечивать сложный и многогранный процесс хоминизации, социализации, инкультурации и индивидуализации формирующейся личности, стимулирования саморазвития ее творческих потенций» [2, с. 52].

Первый этап — хоминизация — связан с овладением индивидом элементарных основ культуры (питания, речи, общения и других компонентов быта). Он начинается с момента рождения (а по некоторым версиям даже раньше) и проходит в семейной среде, в общении с родителями и ограниченным числом самых близких людей. В этот период закладываются основы всех важнейших процессов, которые разовьются в навыки, знания, систему ценностей, сложные психические структуры.

Второй этап — социализация — вовлечение человека в общество, формирование культуры социального общения, познания, трудовой деятельности, культуры нравственных и общественных отношений. Этот период связан с поступлением человека в детский сад, музыкальные и художественные студии, спортивные секции и т. д. Особенностью данного периода становления личности является овладение новыми формами социальных отношений за пределами семьи.

Третий этап — инкультурация (дословно включение в культуру) — связан с освоением понятий и ценностей художественной культуры, в которой живет индивид. На уровне смыслов, значений, аксиологических и эстетических форм коммуникации происходит включение человека в родную культуру, являющуюся частью мировой художественной культуры. Через освоение различных видов искусства, через знакомство с лучшими образцами творчества человек овладевает широким спектром культурных универсалий, постигая культуру как целостное явление.

Четвертый этап — индивидуализация — этап самореализации своих творческих способностей, когда индивидуальность раскрывает себя в полной мере, внося в социально-культурную сферу свое «я», свою оригинальность и неповторимость. Главным признаком вступления индивида в четвертую стадию является раскрытие личностных культуросозидающих возможностей, которые были сформированы на предыдущих этапах. Осознание своей индивидуальности, нахождение своего места в культуре завершает процесс формирования человека, который вступает в новую фазу самосовершенствования и самореализации.

Схожесть приведенных концепций говорит о том, что комплексный подход к человеку является не отвлеченной научной теорией, а моделью и актуальной научной программой, которая используется в практике многих педагогов и психологов.

Список литературы:

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб., 2001. 288 с.
2. Ариарский М.А. Прикладная культурология. Монография. Изд. 2-е. СПб., 2001.
3. Ермолаева-Томина Л.Б. Психология художественного творчества. 2-е изд. М., 2005. 304 с.
4. Логинова Н.А. Опыт человекознания: История комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. СПб., 2005. 285 с.
5. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека. М., 2000. 416 с.

СЕКЦИЯ 3.

ФИЛОСОФИЯ

3.1. ФИЛОСОФИЯ И ЕЕ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА СМЫСЛОВ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Порхачев Василий Николаевич

канд. филос. наук, доцент КемГСХИ, г. Кемерово

E-mail: porhach@mail.ru

Анализируя тенденции развития современного мира в последние десятилетия, можно уверенно констатировать, что ускорение исторического процесса за счет постоянного внедрения в жизнь новых технологий пагубно сказывается не только на природной среде, но и на социуме. Сложность определения последствий практически бесконтрольного использования технологических новшеств для общества оставляет одной из актуальных проблем гуманитарной науки проблему управляемости социальными процессами и их предопределенности. Огромную важность в связи с этим приобретает социальное проектирование, которое не только выявляет насущные социальные потребности, но и дает почву для создания новых социальных объектов.

Корни социального проектирования кроются в технических науках и архитектуре — это изначально междисциплинарный род исследований. Будущий объект — как технический, так и социальный — человеку необходимо представлять во всей полноте и реальном объеме. Социальное проектирование многие интуитивно связывают с социологией, но это на наш взгляд некорректно. Вводит в заблуждение использование определения «социальное», но социальное в социальном проектировании не значит социологическое. Социология, безусловно, крайне нуждается в социальном проектировании и поэтому, так сказать, «узурпировала» право на использование социально-проектировочных

методик. Конечно нужна социологии в социальном проектировании очевидна, но социальное проектирование — это самостоятельное и, отметим еще раз, междисциплинарное направление.

Социальное проектирование ведет свою историю с возникновения проблемы формирования крупных социальных объектов. В этом процессе ставились задачи создания не только некоего объекта, но и всей инфраструктуры, связанной с ним. Данный процесс отличался сложностью и неопределенностью. Поэтому поставленные задачи каждое из проектных направлений попыталось решить по-своему, предполагая найденный путь единственно верным в создании любого социального объекта.

Сама идея социального проектирования возникла только в 60-х годах XX века, как суммирование опыта создания социального объекта без материального воплощения. История техники пестрит множеством примеров создания подобных объектов. Порой поражает, насколько точно проектировщиками были предугаданы нюансы техники. Когда подобный опыт (вероятно в силу успехов проектирования технического) стал проецироваться на общество, возникла сама идея социального проектирования. Естественно изначально никто не думал об обществе в целом. Исследователей интересовали его конкретные части и элементы, такие как завод, поселок, город. Центральным звеном размышлений было создание желаемой социальной практики: не просто завод, а с инфраструктурой, в которой себя комфортно бы чувствовали рабочие и служащие; не просто поселок, а с заданным вектором развития, сообразно особенностям расположения в конкретной среде, с достижением в конечном итоге наиболее рационального для жителей использования условий обитания. В этот период возникла идея о том, что вся окружающая нас действительность является проектной, в том числе и природная среда. Отметим, что подобные мысли высказывались и ранее, например, Тьер де Шарденом, который заявлял, что рано или поздно человек будет проектировать и природу.

Основы социального проектирования в отечественной философии были рассмотрены в ряде работ конца 1960 — начала 1970-х годов. Первоначально под социальным проектированием понималась деятельность, направленная исключительно на проектирование конкретных социальных систем — заводов, городов, экономических комплексов. В дальнейшем идеология проектирования стала применяться для осмысления многообразия функционирования самых разнообразных социальных систем и культуры в целом на достаточно длительных исторических этапах. Наличие разнообразных трактовок социального проектирования требует их анализа, как, например

понимание данного феномена Г.А. Антонюком. По его мнению, социальное проектирование — это разработка научно обоснованной модели рациональных характеристик конкретных социальных организмов или их состояний в плане решения определенных задач [1].

Возникнув из архитектурного и технического, социальное проектирование занимается разработкой проектов сложной общественной реальности, причем в первую очередь имеется в виду проектирование не развития общества как такового, а исходного, начального состояния новых общественных объектов, с которого потом и начнется их социальное развитие. Именно в силу этого социальное проектирование является одним из видов социального планирования.

Проектирование означает определение версий, или вариантов развития, или изменения того или иного социального явления. «Подход к проблемам проектирования не может быть чисто экономическим или технологическим. Важно не только то, что будет достигнуто определенное увеличение производства какого-то продукта..., важно, каким путем это сделано, к каким социальным результатам это приведет» [2, с. 14]. Социальное проектирование — это проектирование социальных объектов, социальных качеств, социальных процессов и отношений. Здесь невозможно обойтись без интуиции, внелогичных решений и спонтанных действий, для решения поставленной проектной задачи.

Проектирование социальных процессов направлено на внесение изменений в социальную среду человека. Оно является конструированием социального будущего. Возможность социального конструирования вытекает из «комбинаторной», многосвязной и динамической природы социальных явлений. Ведь формирование будущего в предпочитаемых конструктивных формах — это реальный общественный прогресс, поскольку конкретная перспектива будущего не фатальна. Преобразующее действие субъективного фактора имеет прочное объективное обоснование. Во-первых, наряду с наиболее вероятной тенденцией развития существуют менее вероятные, но реально возможные тенденции; во-вторых, обычно имеется запас внутренних социальных ресурсов, который может быть мобилизован для решения данной социальной задачи; в-третьих, общественным структурам присуще свойство испытывать значительные деформации, что может быть использовано для реализации предпочитаемого варианта будущего развития; в-четвертых, перспективные цели, родственные по содержанию, могут быть заменяемы одна другой в ходе развития, а одна и та же цель может быть реализована различными средствами [3, с. 21—22].

Социальное проектирование зарекомендовало себя как направление, которое успешно работало со сложными социальными объектами и яви-

лось оптимальным инструментом, регулирующим и гармонизирующим в социальной среде взаимоотношение процессов устойчивости и изменчивости. Возможность социального проектирования вытекает из динамической природы социальных явлений, формирования будущего в предпочитаемых конструктивных формах, реализующих социальное и индивидуальное творчество проектировщика, (либо индивида, либо коллектива).

Нас интересует социальное проектирование с точки зрения теоретического созидания глобальных и принципиально новых, то есть не существовавших ранее систем и объектов, сама возможность выхода в рамках подобного исследования из привычных, набивших оскомину схем. Человечество, так или иначе, передает эстафету технологий из поколения в поколение и, смеем предположить, где-то в историческом прошлом произошел едва заметный сбой, усиливающий во времени социальную неустойчивость; проблему можно преодолеть только через нечто принципиально новое; то, что спасет человека в будущем. Это могут быть, например, принципиально новые технологии или принципиально новые идеологические аргументы, которые облегчат выживание людей в агрессивной среде при минимуме затрат.

Социальное проектирование используется везде, где осуществляется направленное изменение объекта. Это одна из форм социальной деятельности, которая способствует реализации в действительности некоторого прогноза, модели, сценария, плана или прообраза в виде их теоретического или практического осуществления. Это теория социальных изменений или теоретическая практика социальных преобразований. Результатом социального проектирования является социальный проект, выраженный в соответствующей знаковой форме (словесное описание, блок-схемы, графы, матрицы, сети взаимодействий и др.), идеальная модель, сконструированная в соответствии с заданными требованиями намечаемой к построению организации социальных отношений.

Проектирование как процесс создания проектов — процедура сложная в силу не совсем четкой определенности, связанной, как можно предположить, с неким новым видением реальности, с предвосхищением таковой. В проектировании кроется отнюдь не предвидение, а, скорее, на самом деле героическое созидание. В качестве примера можно привести развитие ракетных технологий, от Кибальчича до Королева. Сама форма ракеты, ее конструктивные элементы — все рождалось в муках, поскольку отсутствовал действующий аналог. Как только он появился, заработала технология, и проект успешно реализовался. В этом, прежде всего, и кроется

неоднозначность проекта как такового: как только мы понимаем, каким образом проект заработал, к его реализации подключается масса смежных специалистов, для которых уже понятный проект становится технологией, отработанной в каждом конкретном случае. То есть следует определять границу, до которой проект — идея сродни утопии, фантастике, и после которой — внятные и четкие чертежи, заготовки и машины. Вся суть социального проектирования — постоянное балансирование на этой границе и, пожалуй, в большинстве случаев выхода в технологический аспект может не быть в ближайшей исторической перспективе. Если не заработает спроектированный механизм машины, ничего катастрофического не произойдет — технический проект всегда можно подвергнуть повторному анализу и пересмотру. В случае начала реализации проекта социальные оплошности непростительны, к социальным проектам нужно относиться с крайней степенью осторожности — история об этом свидетельствует.

Например, непосредственно проект Утопии Томаса Мора и попытки его реализации осуществлялись в совершенно разные исторические периоды. Труд Мора содержит ряд разительных противоречий. Конечно, Мор предвосхитил целую социальную эпоху, увидел, что должно прийти на смену вырождающимся феодальным отношениям, но в его Утопии есть, к примеру, рабы, из чего следует, что, видя будущее и даже представляя его технологически, Т. Мор оставался человеком своей эпохи и мог бы его конкретный проект быть реализован в принципе? В известном нам виде и во времена Мора его реализация была просто невозможна. Однако схема была создана и послужила точкой отсчета для многочисленных вариаций социальных метаморфоз впоследствии, в изменившихся исторических условиях.

Для нас социальное проектирование также в какой-то степени является способом создания и сопровождения утопических проектов, например проекта устойчивого развития. Является ли устойчивое развитие проектом? Безусловно, это проект, намеченный, но недоработанный и недодуманный. Изначально громко заявленная декларация устойчивого развития не была превращена в сеть развернутых схем внедрения, в технологию. Например, если бы кто-то захотел жить согласно концепции устойчивого развития, это ему не удалось бы, поскольку «пошаговая инструкция» отсутствует, декларация осталась всего лишь декларацией. Однако в устойчивом развитии нас интересует сама попытка проекта. С этой точки зрения устойчивое развитие можно интерпретировать

как утопию, описание желаемой общественной реальности. Так, Т. Мор, творя мир будущего, изначально придавал ему черты реальности, которой он не наблюдал воочию.

Как бы мы не относились к устойчивому развитию, идея уже существует и от нее можно оттолкнуться. И социальное проектирование может стать механизмом создания комментария для будущих утопий. Мы знаем конечную цель, знаем примерный вектор движения, но даже примерно не представляем, что может встретиться в пути в силу недоработки теоретических оснований. Задача в принципе является уникальной не только для теоретической мысли, но и для истории как таковой. Что взять за основу создания подобных комментариев? На наш взгляд для этой роли больше всего подходит философия истории.

Философия истории должна стать полем конструктов для будущего социального проектирования: здесь очевидно существуют механизмы, способные проектировать не только прошлое, но и будущее. Философия истории хранит в себе элементы изначально цельной картины целого общества. Философия истории может быть теоретически представлена как предельная реальность.

На данный момент эта мысль является интуитивным тезисом, возникшим из потребности иметь некий инструмент объяснения. На чем основывается наше интуитивное знание? Как и вся философия истории — на умозрениях, без неоспоримых эмпирических доказательств. Но задача данного использования наработок философии истории состоит не в том, чтобы создать развернутую картину этой отрасли науки, как таковой, а в том, чтобы вывернуть философию истории как карман. Сам материал, создаваемый философией истории, подвижен и зыбок, но он предлагает обществу варианты социальной устойчивости через систему мировоззренческих координат.

Философия истории есть поле смыслов, заведомо неправильных с точки зрения отдельной исторической эпохи, ее задача — развить навык глобального видения времени. Здесь возможно все, что невозможно в истории: округление фактов, сослагательное наклонение и т. д. Это пограничная отрасль знания, бесконечное размышление о месте общества в истории и о самой истории. Это раствор, скрепляющий фундамент лаборатории, где проводятся постоянные эксперименты с пониманием истории. Отсюда исходят условность, спекуляции и частый перебор в основаниях гипотез. В бесконечности и хаосе истории найти прочное дерево и построить из него корабль — вот та задача, которую пытается решать философия истории. С точки зрения прагматической реальности, это, казалось бы,

занятие безнадежное, но оно необходимо с точки зрения идеологической, как канал генерации идей, жизненно нужных социуму в периоды социальных трансформаций.

Для примера возьмем творчество Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби и рассмотрим наличие проектного потенциала в их работах.

Перечисленные авторы олицетворяют собой цивилизационный подход в философии истории. Они были непопулярны в советское время, так как противопоставлялись марксистскому подходу, хотя и марксистский подход имеет свой (и немалый) проектный потенциал. В силу сложившейся в данный отрезок времени политической недоброжелательности к марксизму мы выберем вышеназванных мыслителей. Во-первых, они считают, что история строится нелинейно. Это предполагает наличие некоего кода или проекта, который нам в принципе неизвестен. Если взять формационный подход по Марксу, то там было нечто, что, так или иначе, передавалось дальше, что-то, что преодолевалось, согласно гегелевским законам диалектики, то есть линия исторического развития была намечена весьма определенно. У идеологов цивилизационного подхода все строится с чистого листа, каждый раз развертывается по-новому (хотя бывают и повторения). Во-вторых, они уподобили историю живому организму, но не историю вообще, а историю конкретно взятого исторического индивида, и из этого вытекало следующее — у живого организма есть коды жизни, стадии рождения, расцвета и упадка, только ему присущие характерные черты. Например, по Шпенглеру, каждая культура разрабатывала что-то свое, отличное от других, имела свой взгляд на природу, пространство, время. Этим трех авторов объединяет одна общая черта: неочевидные с точки зрения чисто научной мотивации причины для написания своих работ. Данилевского взволновали события Крымской войны, в которых он увидел тревожный симптом для России в целом, Шпенглер писал книгу, которая должна была лечь на алтарь победы немецкого государства в первой мировой войне, Тойнби пытался охватить единым взглядом всю историю человечества во времена борьбы с фашизмом и первого расцвета «холодной войны». То есть их размышления не просто рождались на конкретном политическом фоне, но были весьма привязаны к нему, что, впрочем, не умаляет заслуг авторов в разработке конкретных философско-исторических идей.

Современный взгляд на философию истории — это попытка сплести воедино разрозненные точки зрения, авторов, заслуги которых очевидны, даже при всех имеющихся минусах. Например, у Шпенглера очевидной заслугой считается теория цивилизации,

при том факте, что многие другие рассуждения кажутся сомнительными. За Тойнби признают теорию элит, закрывая глаза на исторические неточности, у Данилевского, несмотря на отрицание теории Дарвина, есть много общего с современной геополитикой.

Чем же все-таки привлекательна философия истории? Прежде всего попыткой спроектировать историю в глобальном смысле. Когда человек пытается осмыслить огромные объемы времени, он, соответственно, пытается разобраться с огромными объемами фактов. Однако для философии истории факты являются лишь абрисом каналов, по которым будет течь информация. В угоду некой глобальной идее, ее создатели могут что-то отбросить, что-то притянуть. Спорность научной обоснованности философско-исторических теорий очевидна и этот вопрос весьма важен для нас. Философия истории занимается областью неизведанного, она проектирует историю общества в конкретной социальной среде, пытается через нее воссоздать какие-то общие моменты, проверить, предугадать будущее возможное развитие, и все свои догадки неизбежно сравнивает и связывает с современностью. Важно понять, что философия истории определяет смыслы, но не выдает готовых решений.

В изучении истории есть школы, методологии. Рассматривая то или иное современное событие, человек неизбежно обращается к истории. Обычно его не интересует точная датировка или конкретика акций, он пытается совместить прошлое и настоящее, чтобы увидеть выход из похожей ситуации. Философия истории пытается создать атлас таких законченных ситуаций, дать ответы на вопросы, возникающие в процессе поиска смысла существования. Возвращаясь к устойчивому развитию, мы как раз и предполагаем, что черпать основополагающие смыслы устойчивому развитию необходимо именно из философии истории.

Декларативно устойчивое развитие происходит в обществе, в котором ресурсов должно хватить нынешним и будущим поколениям. Но в истории такого прецедента еще не было. Для реализации устойчивого развития необходимо провести «ревизию» всех доступных философов истории с помощью системного подхода, т. е. выявить общие положительные конструкты будущего устойчивого развития. Выявляя у каждого автора, предположительно, один-два таких конструкта, мы пытаемся с помощью того же системного подхода создать теоретически действующий проект. Естественно, когда мы вставим эти конструкты в модель устойчивого развития, мы сразу увидим недостающие элементы, и нам придется их додумывать, но не с пустого листа, а в рамках уже существующих конструктов. А дальше уже можно размышлять, чем является

получившееся: теоретическим «чудищем Франкенштейна», нежизнеспособной моделью, сборищем распадающихся фактов, или же чем-то более конструктивным? Это будет проект творческого осмысления размышлений людей, думавших о прошлом так же, как мы сейчас думаем о будущем, что представляется продуктивной идеей.

Еще одной проблемой, связанной с проектированием устойчивого развития является необходимость первичного образа будущего объекта. Образ всегда не рационален, но при этом всегда содержит что-то, от чего можно оттолкнуться в рациональном действии. И взять основу для образов будущих социальных проектов также можно в философии истории. Далее запускается гносеологическая схема «образ-модель-проект», о которой мы уже говорили. Схема «образ-модель-проект» представляет собой замкнутый методологический цикл, где созданный проект может стать прообразом и так до бесконечности. Модель необходима для того чтобы пространственно ошутить первичный образ. Основное свойство модели — наглядность, ее можно конкретно представить, осмотреть, потрогать. Но как смоделировать новое состояние общества? Только через образ. Коль нет социального образа — нет и социального проекта. Но образ рождается, когда информация есть, а слов еще нет, образ нуждается в безусловной вербализации, что становится началом социального моделирования. И здесь важную роль играет точно избранный язык, так как адекватное вербальное обоснование, внятная формулировка, уже прокладывает путь конкретному проектному структурированию. В любой образности, в том числе и в социальных образных схемах, можно утонуть, как в мифологии, и поэтому мы настаиваем на использовании в процессе вербализации социального образа того концептуально-смыслового потенциала, что уже наработан философией истории.

Подводя итоги можно констатировать, что для социального проектирования философия истории может стать надежным фундаментом смысловой наполненности вариативности общественного развития в силу ее общепринятой терминологической составляющей и методологических разработок.

Список литературы:

1. Антонюк Г.А. Социальное проектирование и управление обществом — Минск, «Наука и техника», 1986. — С. 270 с.
2. Ляхов И.И. Социальное конструирование. — М.: Из-во АН ССР, 1970 — 160 с.
3. Социальное проектирование. / Ж.Г. Тощенко, И. Аитов, И.И. Лапин. — М.:Мысль,1982. — 220 с.

3.2. ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ РИТУАЛЫ В СОВРЕМЕННЫХ МАССМЕДИА В СВЕТЕ СИСТЕМНО-ВЕКТОРНОЙ ПСИХОЛОГИИ ЮРИЯ БУРЛАНА

Баскакова Наталья Викторовна

канд. филос. наук, г. Великий Новгород

Очирова Валентина Батуевна

соискатель, СПбГУ, г. Санкт-Петербург

E-mail: oyuna170@gmail.com

В XXI веке проблемы человеческой уникальности и идентичности стали особенно актуальными потому, что именно сегодня массовое или конвейерное производство, стандартизация и типологизация образа жизни для большинства людей затмевают индивидуальность, творческое начало, неповторимость в каждом отдельном человеке. Оригинальный взгляд на проблемы личностной идентичности выдвигает сегодня системно-векторная психология Юрия Бурлана, сопрягая конструируемые в обществе образы с врожденными свойствами человека [7].

Не одну тысячу лет информация в основном передавалась в устно-визуальной форме. Это происходило довольно медленно, строго дозировалось и было доступно лишь немногим. Изобретение книгопечатания дало толчок для ускорения распространения и популяризации знаний. Ситуация кардинально изменилась в XX веке с появлением новых информационных технологий. И сегодня огромный поток информации стремительно захлестывает как все общество, так и каждого индивидуума отдельно. Нынешние тинэйджеры — первое поколение, которое выросло «в многомерном медиа пространстве» [4, с. 69].

Важную роль в этом процессе играют аудиовизуальные массмедиа, прежде всего, телевидение и Интернет. А на детей в самом раннем возрасте особое влияние может оказывать телевидение, предполагающее пассивное восприятие. Очень часто воздействие ТВ на общий уровень культуры в социуме и понижение моральных

критериев оценивают как наиболее пагубное [11]. Согласно исследованиям, каждый час, проведенный за телеэкраном, резко снижает способность детей к запоминанию слов [2], в отличие от времени, которое ребенок уделяет чтению, играм, общению и пр. Но сейчас невозможно не считаться с «мегамифами детского сознания» [5, с. 6.], конструируемыми именно телевидением.

Сегодня, как и в прошлом, знания и опыт людей по-прежнему важны, они являются составными частями основного богатства человека. Вместе с тем, в современной фазе развития цивилизации, когда, по терминологии системно-векторной психологии, определяющим является кожный вектор [1], на лидирующее место выходит информация, привнося новые акценты как в процессы личностной самоидентификации, так и в инструменты формирования социального ландшафта.

Досистемные попытки объяснить поведение человека, способы формирования и осознания идентичности единственно через интеллектуальную, якобы осознанную деятельность индивида в малых и больших группах не приводили к ясной и последовательной исследовательской методологии, раскрывающей мотивы поведения и сценарии формирования идентичности.

Возникший в XXI-м веке инновационный системный подход через 8 системных мер вскрывает истинные причины, которые кроются в глубинных слоях психического и которые большинство людей рационализируют и не выводят наружу [10, с. 99].

На этом фоне можно говорить о процессе информационной революции, затрагивающем практически все стороны повседневной жизни и общественные институты, как далеко не однозначном по своей природе.

При все возрастающих возможностях реализации индивидуальности каждого стремление к осознанию и выражению идентичности традиционного типа зачастую снижено. В массмедиа широко транслируется образ космополита, способного в любой момент проявить свою индивидуальность.

Вышедшие на авансцену истории переменчивые и подвижные социальные образы [12, с. 78], отражающие бытие и сознание некоторой части общества, наилучшим образом вписываются в современную «кожную» цивилизацию, в соответствии с определениями системно-векторной психологии [9, с. 250—255]. Но подобными качествами кожного вектора обладают только 24 процента социума. Люди различаются по своим врожденным свойствам,

и часто навязываемые массмедиа образцы поведения, недифференцированные системно, просто противопоказаны большинству людей.

Во времена крайнего индивидуализма и одновременно глубокой деперсонализации человек стремится, с одной стороны, действовать согласно собственным представлениям о жизни и своем предназначении, заниматься «своим» делом, с другой, он зачастую не осознает, откуда и от кого он получил эти представления. Испытывая мощнейшее внешнее давление на осуществляемые способы жизни, рано или поздно индивид начинает стремиться к соответствию неким социальным стандартам, часто групповым и субкультуральным, которые жестко требуют от человека отождествить себя с определенными шаблонами — «матрицами», «принимая такую матрицу как свою идентичность» [8, с. 388].

Способы, которыми конструируется социальная реальность и личная идентичность — это медиамифы и медиаритуалы, пронизывающие повседневные практики современного человека. Развитие современных массмедиа характеризуется двумя, на первый взгляд, взаимоисключающими тенденциями — демассификацией и своего рода информационной диффузией, созданием недифференцированного информационного продукта, что становится все более очевидным в наши дни.

Демассификация ведет к усилению интерактивного характера массмедиа, индивидуализации предоставляемой информации, ведет к децентрализации информационной эмиссии, исчезновению информационного диктата со стороны любых политических и коммерческих структур. К негативным последствиям демассификации относятся фрагментация картины мира, возникновение клипкультуры — потока разнородных образов, «обстреливающих» потребителя информации и лишаящих его целостной позиции, как жизненной, так и идеологической. Одновременно, именно развитие массмедиа есть окончательное преодоление унификации и путь информационного разнообразия.

Сегодня медиопотребление само по себе выступает как ритуализированная социальная практика, которая регулирует интерактивную структуру частной жизни. Причем эта практика распространяется на самые разные кластеры населения, независимо от того, насколько показана она людям в соответствии с их природными свойствами и потребностями. Ритуальная практика в массмедиа может также принимать форму социального контроля, включаясь в реализацию властных отношений.

Совершенно новый взгляд, что же на самом деле происходит в общественном сознании, дает системно-векторная психология Юрия Бурлана, которая учитывает как общие тенденции в развитии российского менталитета, так и особенности индивидов, составляющих его [3]. В результате смены цивилизационных тенденций значительно трансформировалось и содержание медийного пространства, которое теперь заполнено обладателями кожного вектора различной степени развития и реализованности и в качестве героев, и поведенческих стереотипов, присущих этому вектору. При этом данные паттерны часто противоречат природе вещей, т. е. тем качествам и предпочтительным способам действия, которые свойственны людям с другим векторным набором.

Как утверждал М.К. Мамардашвили, когда какие-либо «нравственные ценности и убеждения не опираются на сформировавшиеся личностные структуры, то это не убеждения, потому что «в реальной экзистенциальной ситуации они не воплощаются в реальный выбор» [6, с. 44.]. Полноценно сформировать данные структуры человек может, лишь полностью осознавая как собственный потенциал, так и реалии общества, в котором он действует. А новейшая системно-векторная психология Юрия Бурлана помогает сделать это наиболее позитивным способом, выстраивая в полный осознанный объем как заданные от природы качества каждого индивидуума, так и культуральные и ментальные надстройки определенных социальных общностей.

Список литературы:

1. Грибова М., Мурина М. Кожный вектор. [Электронный ресурс]. // Режим доступа. URL: <http://www.yburlan.ru/biblioteka/kozhniy-vektor> (дата обращения: 02.07.2010).
2. Джекоби Сьюзен. Тупеющая Америка, «The Washington Post», 17 февраля 2008 [Электронный ресурс]. // Режим доступа. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20080220/239749.html> (дата обращения: 20.02.2008).
3. Каминская И.Ю. Как нам не разрушить Россию, которую мы не потеряли [Электронный ресурс]. // Режим доступа. URL: <http://www.yburlan.ru/biblioteka/kak-nam-ne-razrushit-rossiyu-kotoruyu-my-ne-poteryali> (дата обращения: 12.08.2012).
4. Ленская Н.А. Опыт приобщения к культуре в условиях «медиакратии» во Франции и в России. // Вопросы культурологии. 2006, № 8.
5. Луков М.В. Телевидение: конструирование культуры повседневности. М., 2006.

6. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995.
7. Маточинская А. Подсознание: сознание и бессознательное [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.yburlan.ru/biblioteka/podsoznanie> (дата обращения: 28.11.2011).
8. Ницше Ф. Избр. произв.: В 2 кн. М., 1990. Кн. 2.
9. Очирова В.Б. Векторный психоанализ в подборе персонала фирмы как путь успешного управления. // Управление и власть: Материалы междисциплинарного научного семинара. — СПб.: ЗАО «Полиграфическое предприятие № 3», 2004.
10. Очирова В.Б. Инновации в психологии: восьмимерная проекция принципа наслаждения. // Сборник трудов I Международной научно-практической конференции «Новое слово в науке и практике: Гипотезы и апробации результатов исследований»; Новосибирск, 2012.
11. Соловьев В.Р. Современное телевидение: гламурные подонки и служители Мамоны [Электронный ресурс]. // Режим доступа. URL: <http://treli.ru/newstext.mhtml?Part=15&PubID=20932> (дата обращения: 17.07.2008).
12. Сощенко И.Г. Индивидуальность и идентичность человека в условиях информационного общества // Вестник Ставропольского государственного университета. — 2006. — Вып. 47.

3.3. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ВЗАИМОСВЯЗИ СВОБОДЫ С СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ

Аллахвердиев Гариб Вели оглы

*канд. филос. наук, доцент, НГУ,
город Нахчыван, Азербайджанская Республика*

E-mail: g.allahverdiyev@yandex.ru

Взаимосвязь свободы с социальной справедливостью, прежде всего, проявляет себя в том, что они обе являются высшими ценностями человечества, идеалами, на которые направлено материальное и духовное развитие мира. Однако свобода и социальная справедливость являются не только идеалами, но и выступают как принципы реальной деятельности конкретного индивида социального объединения и в целом всего общества. Последний момент отражает органическую связь общих и конкретных, устойчивых и изменяемых сторон в содержании этих понятий. Поэтому не ошибемся, если скажем, что обе они являются основной целью, выражающей главные принципы нормального общества и социальную сущность человечества. В понимании социальной справедливости как обеспечения связи, согласованного, сбалансированного положения в отношениях и интересах между людьми, следует подчеркнуть, что ее конкретное содержание носит не абсолютный, а относительный характер. Это объясняется нижеследующими причинами: во-первых, уровень развития современного общества, степень созерцаемости социальных отношений и субъективные показатели, которыми владеют люди, недостаточны для реализации справедливости в абсолютном значении. В этом отношении, как и настоящая свобода, справедливость остается тем желанием и идеалом, принуждающим людей стремиться к вечному творчеству и прогрессу.

Социальная справедливость, будучи очень важным интегральным качеством существования общества, его нормальной деятельности и развития в целом, является основным показателем приобретенного уровня согласованных интересов общественной жизни, системы социальных и нравственных отношений отдельных индивидов

и социальных объединений. Она является также очень важным критерием осуществления социальными субъектами своих способностей и сил, материально-духовных потенциалов, существующих возможностей.

Эти основные качества социальной справедливости составляют фундамент ее единства и связей со свободой. Так, данные свойства также составляют очень важный уровень свободы (естественно, в несколько в другом аспекте). Вообще, в содержании социальной справедливости и свободы настолько много общих черт, что трудно представить их в разрыве друг от друга. Выступая с этой позиции, нельзя не согласиться с нижеследующим мнением В. Давыдовича, отметившего, что «Справедливость и свобода составляют гармонию. Существование и справедливости, и свободы важно для общества как воздух. Жить без них, причем жить достойно, невозможно» [2, с. 26].

При этом следует отметить, что в укреплении единства справедливости и свободы очень важное место занимает равенство, с которым обе они тесно связаны. Обеспеченный уровень социального равенства играет роль критерия, отражающего развитие в обществе справедливости и свободы. Точно также нельзя говорить о существовании справедливости и свободы в общественной среде, где господствует социальное неравенство, потому что все выше отмеченные три понятия тесно связаны между собою. Нам думается, что совершенно правы авторы, подчеркивающие этот момент их связей: «Справедливость — это соответствие равенства и свободы. Справедливость, свобода и равенство возможны именно там, где царит правда» [1, с. 98].

Сказанное доказывает, что свобода, равенство и справедливость, будучи в неразрывных связях, являются главными критериями, определяющими социальный облик общества. Понятию социальной справедливости характерны и ряд других аспектов, что открывает благоприятные возможности для ее единства со свободой. Во-первых, социальная справедливость является и желаемым идеалом, и повседневным принципом деятельности, т. е. к претворению в жизнь справедливости люди не относятся как к доброму желанию и будущей цели, а стараются в повседневной практической материальной и духовной деятельности реализовать ее определенные аспекты и критерии. С другой стороны, в основе претворения в жизнь справедливости стоит необходимость взаимосвязи, соответствия и согласования интересов индивида с интересами других людей и, в целом, с интересами общества. А это означает, что социальная

необходимость, выступающая как фундамент поведения и деятельности людей, с одной стороны создает возможности для ее эффективной реализации, а с другой, превращая эти возможности в реальность, требует выполнения определенных обязательств, обязанностей, долговых обязательств во взаимном влиянии и отношениях людей. Взаимосвязь свободы и справедливости проявляет себя в нижеследующих трех направлениях, охватывающих их основное содержание:

- а. определение и оценка цели деятельности;
- б. осмысление и оценка средств ее претворения в жизнь;
- с. анализ и оценка результатов деятельности с личной и общественной точки зрения.

Первое направление находит свое выражение главным образом в том, что свобода и справедливость носят реальный характер, т. е. они адекватно отражают назревшие потребности общества. В противном случае цель свободы и справедливости приобретает ненормальное и преувеличенное содержание, изолируется от реальности. Такая справедливость сталкивается с опасностью превратиться в несправедливость, а свобода — в эйфорию. При этом следует подчеркнуть, что соблюдение этого требования не носит формальный характер. Таким образом, вся будущая судьба деятельности во многом зависит именно от определения реальной цели.

Очень важно и второе направление единства свободы и справедливости. Речь идет о нахождении и претворении в жизнь эффективных средств и путей реализации определенной цели. В связи с этим отметим, что иногда в теоретической мысли и на практике имеет место девиз «цель оправдывает всякие средства». На самом деле такая позиция не может считаться верной. Так, с одной стороны, если цель обладает несправедливым и не имеющим свободу содержанием, то выбранные в соответствии с ней средства и пути непременно будут носить такой же характер. С другой стороны, в тех случаях, когда цель справедлива и выражает реальную свободу, выбор средств представляет собой важный этап, приобретающий независимое значение. Поэтому при неиспользовании адекватных средств для претворения в жизнь цели, правильно отражающей справедливый и свободный выбор, значение названных качеств становится ненужным. Отсюда становится очевидным, что выбранные для достижения цели конкретные средства и пути в обязательном порядке должны быть оправданными с моральной стороны, не препятствующими свободе других, считающимися справедливыми с точки зрения общего развития общества. Наконец, общность

и единство справедливости и свободы проявляют себя в анализе результатов деятельности, в направлении оценивания их с точки зрения личных и общественных интересов.

Этот аспект находит свое полное выражение в различных видах ответственности и уровне их соответствия свободе и справедливости. Упомянутое направление играет исключительную роль в общих связях свободы и справедливости. Это обуславливается тем, что именно данный этап и аспект определяет сущность деятельности, степень ее значимости с личной и общественной позиции. В отмеченном смысле он выступает не только простым итогом прежних этапов, но и как основной критерий, выражающий их эффективность и эффективность деятельности в целом. Неслучайно, что ответственность, выражающая долг субъекта перед своей совестью и обществом за последствие выполненных работ, более полно проявляет себя именно на этом уровне. Конкретное содержание ответственности находит отражение в определенных для ее правовой и духовной ценности награждении и одобрении или порицании и наказании.

Вышеуказанное доказывает, что главные качества, характеризующие содержание свободы и справедливости (ценности, обосновывающие их, порядки их реализации и реальная деятельность, т. е. приобретенные результаты) в основном являются общими и идентичными.

Очень важная линия соприкосновения свободы и справедливости выражается в праве. Так, и свобода, и справедливость самое полное свое проявление находят в правовой сфере. Это вполне естественно, потому что свобода, будучи неотделимой от законов, фиксируется именно в них. Возможные, допустимые и в тоже время запрещенные стороны свободы в законах государства показываются как категорические, ясные и общие нормативы. Было бы правильным представить их как своеобразные свободы. В этом смысле в законодательстве свобода и справедливость выступают в объединенном виде. По этому поводу А. Спиркин совершенно справедливо пишет: «Право — мера реализации свободы, одновременно норма политической справедливости» [4, с. 664]. С другой стороны, справедливость также является фундаментальным понятием современного права. Поэтому широкомасштабные правовые реформы, проводимые в Азербайджанской Республике, одновременно служат укреплению справедливости в этой сфере. Бесповоротное соблюдение законности является важнейшим условием охраны справедливости. Неслучайно, что в Конституции Азербайджанской Республики и других законодательных актах часто подчеркиваются моменты справедливого подхода. С этой точки зрения можно считать справедливой следующую

мысль: «По своей социальной природе право является не только формально равным масштабом свободы, но и масштабом справедливости» [5, с. 37].

Подход к праву как к масштабу свободы основывается на том, что очень трудно поверить в то, что все законы и правовая деятельность, не опирающаяся на справедливость, будут одобрены и восприняты как свобода со стороны общественности. Отсюда становится очевидным, что справедливость и свобода, проникая в составные части права, играют роль его необходимых качественных показателей. Фиксирование справедливости в правовых нормах имеет очень важное значение, потому что она выступает гарантом защиты свободы личности от всевозможных нападков на нее со стороны других лиц, разных органов и организаций.

Поскольку справедливость носит не абсолютный, а относительный характер, она играет роль идеала, к которому вечно стремятся люди. И по этой причине она постоянно выступает как требование, нуждающееся в вечном совершенствовании. Юридическая ценность и нравственный императив, имеющиеся в конкретном содержании справедливости, реализуются в обществе только при существовании условий политических свобод. Тем не менее, было бы неверным претендовать на то, что справедливость и свобода являются совершенно одними и теми же понятиями. На самом деле их единство в определенном смысле носит в отношении друг к другу относительный характер. Выдвинутый нами данный тезис находит свое подтверждение в аналогичных мыслях Л. Скворцова: «Полная свобода порождает социальную несправедливость; последовательная реализация принципа социальной справедливости требует определенного ограничения свободы» [3, с. 137].

В ходе усовершенствования общества создаются реальные условия для сближения объективных законов общественного развития с общечеловеческим содержанием принципа справедливости. В этом отношении характерен переходный период от закрытой системы, в которой проживало наше общество, к открытому, демократическому общественному строю. В Азербайджане достигнутые успехи на пути реализации стратегической цели, направленной на создание правового государства и гражданского общества, наряду с увеличением свобод людей, требуют беспрекословного осуществления принципа социальной справедливости. В настоящее время в корне меняются экономические, социальные, политические и культурные отношения, унаследованные от тоталитарного режима, формируется свободная рыночная экономика, всесторонне и последовательно осуществляются процессы

демократизации общества, функционируют органы власти, сформированные на основе свободных выборов, расширяются права и свободы граждан, воцарились плюрализм мнений, свобода слова, печати и совести. Все это доказывает последовательное и целенаправленное приближение нашего независимого и суверенного государства к идеалам свободы и справедливости.

Список литературы:

1. Бербешкина В.Е. Справедливость как социально-философская категория. М.: Политиздат, 1983, 179 с.
2. Давидович В.Е. Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности. М.: Политиздат, 1989, 254 с.
3. Скворцов Л.В. Информационная культура в контексте глобализации// Глобализация и столкновение идентичностей. Под ред. А. Журавского и К. Костюка. М.: 2003, с. 133—140.
4. Спиркин А.Г. Философия. Учебник. М.: Гардарики, 2000, 810 с.
5. Явич Л.С. Сущность права. Л.: Наука, 1985, 213 с.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ИНТЕРНЕТ (INTELLECTNET) — ВАЖНЫЙ ФАКТОР В СТАНОВЛЕНИИ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

Грищенко Алла Анатольевна

*канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных
и естественно-научных дисциплин Филиала НОУ ВПО
«Московский психолого-социальный университет»
в ст. Полтавская Краснодарского края
E-mail: alla.gr14@gmail.com*

Современный человек, как человек мыслящий, получает благодаря Интернету (англ. Internet, от Interconnected Networks — объединённые сети), доступ к гигантскому хранилищу мыслей, идей, который с нашей точки зрения, можно рассматривать как виртуальный аналог «Мирового Ума», или («Разумный океан» по С. Лему [5]). По сути, речь идёт о глобальном гиперинтеллекте (индустрии данных и знаний), к которому современный человек получил доступ, благодаря информационно-технологическим системам нового поколения.

На основе этого подхода Интернет можно рассматривать как интеллектуальный (мыслительный) центр мира, через определение его многомерных интеллектуальных возможностей. Так, отечественный исследователь А.Л. Ерёмин, основываясь на определении «интеллекта» [лат. — *intellectus*, гр. — *νοο*], трактуемого как «ум, рассудок, мыслительные способности, высшая ступень познавательной деятельности, активного отражения реальности, совокупный умственный потенциал, который целесообразно используется для адаптации к различным условиям жизни; понятие, объединяющее в себе память и мышление, способ приобретения знаний, умственную активность и деятельность» [2], прогнозирует стремительное формирование интеллектуальных возможностей человечества, благодаря интерактивным возможностям и способностям Интернета к аккумуляции и поиску больших объемов информации, среди других информационных технологий [1].

На основании приведенных выше подходов к сущностному определению Интернета, возможно представить последний, как не только как интеллектуальное вселенское «хранилище», но и как духовное основание, «умственный потенциал», необходимый для качественно нового уровня развития современного глобализирующегося общества.

В данном контексте, следует отметить тот факт, что состояние и уровень развития любого общества, в том числе, в частности и современного, определяется в степени познания окружающей действительности, адекватности её самоотражения и способности управлять, гармонично развиваться и эволюционировать. В нашем представлении, именно *интеллект*, отражает всю совокупность уникальных субъектных свойств, представляя определённую его минимальную целостность и достаточную, для эффективной «внутренней» организации его жизнедеятельности, необходимой для того, чтобы по-особому, уникально/субъективно, отражать социокультурную действительность. Понятием *интеллект*, мы хотим подчеркнуть особенность и уровень культуры современной эпохи, поскольку он представляет тот важный инструмент и процесс без которого невозможен процесс успешного функционирования и развития сложной социотехнокультурной системы. Так как, *интеллект*, изначально включает в себя такие процессы — как соединение (сборка), рационализация и развитие отдельных составляющих его частей и становление предмета (явления) как «целого в себе». Благодаря чему, интеллекту отводится важная роль в процессе становления глобального общества. И прежде всего, о процессе

формирования интеллекта глобального общества. Ссылаясь на мнение А.А. Зиновьева, конкретизируем понятие *интеллект общества*, под которым исследователь, понимает свойство общественного организма как единого целого, определенный компонент его социальной организации. Он воплощается в структурных компонентах ее, функционирование которых охватывает общество именно как целое [3]. К числу компонентов, в которых воплощается интеллект общества, по мнению исследователя, относится прежде всего система образования (общее образование); вторым по степени важности компонентом интеллекта общества являются научные исследования, и в первую очередь те, которые называются фундаментальными. Третий по степени важности компонент интеллекта общества образует идеология, и в первую очередь те из многочисленных и разнообразных идеологических учений, в которых гражданам общества прививаются определенные представления о человеке, о его природном и социальном окружении, о жизненных ценностях и т. д. Четвертый по степени важности компонент интеллекта общества образует искусство, и в первую очередь — художественная литература, театр, кино и (в наше время) телевидение. Теперь к ним, пожалуй, следует добавить Интернет, поскольку и в нем развиваются новые явления, которые можно относить к сфере искусства [4].

Согласно точки зрения отечественного исследователя А.А. Субботина, *Интеллект — это и принцип, и процесс, и инструмент*, который неразрывно связан с микро- и макроинтеллектуальными структурами Единого в своих взаимосвязях целостного мира. При этом, исследователь подчёркивает особую значимость интеллекта в современных социотехнокультурных условиях, отмечая при этом, что техника, рынок, материальное производство, это всего лишь объекты управления общественного интеллекта, не более чем производные, податливые орудия, то есть, никак не самодовлеющие ценности, или тем более идола, как мы видим это в сегодняшнем свете доминирования сугубо материалистических технократических представлений [9].

Формирование «информационного», «интеллектуального», «инновационного», Ноосферного, и т. д., или попросту разумного, общества, основанного на человеческом разуме, А.А. Субботин, связывает с *идеей «общественного интеллекта»*, который есть отражение «интеллектуальной мощи» определённого общества. «Интеллектуальная мощь» представляет сугубо созидательную силу, являясь в свою очередь необходимым компонентом при сборке

глобального интеллекта. Феномен «общественного интеллекта», можно рассматривать как непосредственное, прямое отражение матрицы национального сознания, уровень общественного интеллекта, который формируется в условиях особого «интеллектуального пространства», такой среды, где достигает наивысшей концентрации организационная «интеллектуальная энергия». Ссылаясь на мнение А.Л. Ерёмкина, можно предположить, что сложная человеко-машинная система — социальная сеть, имеет возможность скачкообразно становиться интеллектуальной, когда количество ее элементов очень велико, и достигает некоторого критического значения, порядка миллионов [8].

Возможности построения интеллектуальной среды, вследствие нарастания его пассионарности [6], а соответственно и интеллектуальности, отражено в *гипотетическом проекте развития сети пассионариев В.М. Сазанова*. Речь идёт о программно-технологических возможностях Интернета в формировании саморазвивающейся виртуальной социальной сети с нарастающей интеллектуальностью и пассионарностью. Среди основных целей и задач практической реализации проекта «интеллектуального центра», развиваемую В.М. Сазановым, — наработка социально-сетевых технологий, формирование новых элит, необходимых для решения задач модернизации общества. Таким образом, в результате, как считает автор проекта, будет создан исследовательский стратегический центр социально-сетевых технологий, создана команда, обладающая знаниями, опытом и навыками в данной области, исследованы возможности осуществления социальных преобразований с привлечением сетевых инструментов [7].

Возможно, что разворачивание сети Пассионариев и ее пропаганда в сети Интернет, которая проводится на основе сайта Лаборатории СВМ — (www.v-school.narod.ru), будет способствовать формированию интеллектуальной интернет-среды. Так, практической реализацией концепции интеллектуального Интернета можно рассматривать UpSelf (www.UpSelf.ru) — это умная сеть личного развития, обмена опытом и повышения квалификации.

Таким образом, социально-сетевые ресурсы Интернета — *Intellectnet*, можно рассматривать не только как средства пропаганды и рекламы, но и как социально значимый интеллектуальный капитал, так необходимый для построения нового общества и культуры.

Список литературы:

1. В настоящее время на 6,4 млрд. населения Земли примерно 5 млрд. грамотных (данные ООН), более 2,2 млрд. сотовых телефонов, 1,2 млрд. телевизоров, 0,7 млрд. телефонов, 1,4 млрд. компьютеров, 1,4 млрд. интернет-пользователей. Так, если для достижения аудитории свыше 50 миллионов пользователей радио понадобилось 38 лет, телевидению — 13, кабельному телевидению — 10, то интернету — всего 5 лет [Еремин]. [Электронный ресурс] Режим доступа. — URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/sazonovvv.htm>.
2. Ерёмин А.Л. К интеллектуальному Интернету. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.i-intellect.ru/articles-of-intellect-theory/by-intelligent-internet.html>.
3. Зиновьев А.А. Интеллект общества. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.zinoviev.ru/ru/articles/zinoviev-intellekt.html>.
4. Там же.
5. Лем С. Солярис. М.: Лаборатория СВМ. [Электронный ресурс] E-Library: Режим доступа — URL: <http://ntl-cbm.narod.ru/E-LIBRARY/LEM/colajris.doc>.
6. Понятие пассионарности по Льву Николаевичу Гумилеву — признак, возникающий вследствие мутации (пассионарного толчка) и образующий внутри популяции некоторое количество людей, обладающих повышенной тягой к действию, способностью к напряжениям, концентрации на себя некоторого количества излишней «энергии» — физической, психической, интеллектуальной. См. Сазанов, В.М. К социальному Интернет, через интеллектуальность и пассионарность. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/sazonovvv.htm>.
7. Сазанов В.М. К социальному Интернет, через интеллектуальность и пассионарность [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/sazonovvv.htm>.
8. Сазанов В.М. Социальные сети – публичная сфера. С. 15. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://v-school.narod.ru/BOOK/virt-soc.doc>).
9. Субботин А.А. Интеллектуальный принцип как системный фактор социогенеза [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/subbootinn.htm>).

СОЦИОГУМАНИТАРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИННОВАТИКИ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Другова Елена Анатольевна

*соискатель факультет философии, Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
Томск*

E-mail: e.a.drugova@gmail.com

Инноватика как новое научное направление изначально формировалась по принципу междисциплинарности. Проведем краткий обзор основных теорий и идей, составивших ее ядро. Становлению инноватики способствовало научно-техническое и социально-экономическое развитие индустриальных стран во второй половине XX века. За инновациями быстро закрепились роль двигателя экономического прогресса и средства выхода из экономических кризисов, была переосмыслена роль предпринимателя как значимой фигуры экономической жизни. Этому способствовали разработки экономистов, прежде всего Н.Д. Кондратьева, экономиста и социолога Й. Шумпетера, и целого ряда их последователей. Вслед за экономическим измерением инноваций стал оформляться организационно-управленческий аспект, практическим выражением и применением теоретических разработок в области инноватики стал инновационный менеджмент (П. Друкер, М. Портер, Р. Коуз, И. Ансофф, Т. Питерс и др.). Важное влияние на становление инноватики оказало развитие техники, необходимость управления которым привела к исследованию технологических укладов и становлению теории технологических систем (К. Фримен, Дж. Кларк, Л. Суйте, С.Ю. Глазьев), где экономический рост связывается с появлением новых отраслей, возникающих за счет старения прежних технологических систем и их замены новыми системами.

Переосмысление инновационной деятельности с масштаба единичных фирм, организаций, корпораций и отраслей до государственного и мирового уровня, международная конкуренция и необходимость специализации, привели в конце 1980-х к развитию теории национальных инновационных систем — НИС (К. Фримен, Б.-А. Лундвалль и Р. Нельсон). Сегодня НИС понимается преимущественно как «исторически сложившаяся подсистема национальной экономики, которая состоит из различных институтов и экономических структур, оказывающих влияние на темпы и направления

технологических изменений в обществе» [3]. Таким образом, в инноватику вошли представления из системного анализа, а также кибернетики, информационных технологий.

Выявившаяся потребность в прогнозировании научно-технологического и сопутствующего социо-экономического развития способствовала становлению и развитию стратегического инновационного менеджмента, техник прогнозирования и предвидения, а также инструментов сценарирования, таких как форсайты и «дорожные карты» (roadmapping).

Обобщая приведенный выше краткий обзор магистральных направлений, по которым шло становление инноватики как самостоятельной сферы знания и практики, можно утверждать, что в наибольшей степени на этот процесс повлияли те субъекты, которые в настоящее время признаются основными субъектами инновационной деятельности (это, прежде всего, бизнес, государство и наука в ее прикладном аспекте), и те первоочередные задачи, которые стоят перед этими субъектами (реализация конкурентных преимуществ, максимизация прибыли, реализация научно-технического прогресса, повышение его социально-экономической эффективности, модернизация, повышение благосостояния нации).

Быстрый темп жизни и изменений во всех сферах жизнедеятельности привели к тому, что постепенно инновационный дискурс стал проявлять себя в самых различных областях деятельности. Помимо ставших уже обязательными инноваций в бизнесе, стали говорить об инновациях в самых разных сферах деятельности: образовании, строительстве, туризме, медицине, сельском хозяйстве, социальной сфере и сфере культуры... Инновационность стала важной, едва ли не главной чертой современности, признаком развития, конкурентоспособности, динамичности и рыночной ориентации. При этом осмысление происходящих в указанных сферах деятельности перемен происходит отнюдь не всегда с помощью наработанного инноватикой инструментария, и отнюдь не всегда отчетливо ясно, в чем в каждом конкретном случае выражена «инновационность» и чем она отличается от рядовых изменений, присущих данной сфере деятельности.

К тому же, на статус «инновационности» претендует сегодня так много разноплановых разработок (список «инновационные технологии в...» получился бы впечатляющим), что, при недостаточном развитии единых критериев оценки и экспертных методик, сложно относиться однозначно к провозглашаемому качеству «инновационности». Пожалуй, лишь одна характеристика будет общей

для всей этой разномастной и разноплановой «инноватики»: выраженная интенция целенаправленно управлять изменениями в трансформирующейся реальности.

Такая обширная «периферия» инновационного дискурса показывает размытость его границ, говорит о том, что инноватика как сравнительно новая область знания и практики является очень подвижной, гибкой, открытой, сочетающей в себе разные предметные и проблемные поля, включаемые зачастую просто по принципу копилки или мозаики, без четкой приверженности единой методологии и общих принципов, без устоявшихся терминов (определений «инновации» можно найти десятки, и в каждой области деятельности это определение носит свой специфический характер).

Итак, инновационный дискурс распространялся на все большие сферы деятельности и все больше размывался. Но в самом инновационном дискурсе, в тех подходах, что составляют его ядро (экономика, наука и техника, менеджмент) назревал определенный дефицит социогуманитарного знания.

На этом этапе нужно остановиться и сделать одно важное различие. Хотелось бы отличить встречаемые и обсуждаемые в профессиональной научной литературе *«социально-культурные инновации»* (как те перемены в социуме и культуре, которые обсуждаются с помощью теоретического аппарата инноватики, и которые мы бы обозначили как раз как «периферические» для «инновационного мейнстрима» теоретические разработки) и собственно *социогуманитарную проблематизацию непосредственно инновационного типа развития* как особого типа развития, доминирующего сегодня в развитых и ряде развивающихся стран. Т. е. мы методологически разделяем *«инновационное измерение социума и культуры»* и *«социокультурное измерение инноватики»*. Это отличие в определенной мере условно, т. к. современные перемены в социуме и культуре зачастую обусловлены именно несдерживаемым и стремительным научно-технологическим прогрессом, сложностью адаптации к нему и прочими сопутствующими трудностями и проблемами, обзору которых следует посвятить отдельную работу. Однако данное различие сделать крайне необходимо, как для ясности целей проводимого исследования, так и для различения применения разных методологий (в первом случае методы и категории инноватики применяются к социокультурному контексту; во втором случае разнородные социальные теории и концепции проблематизируют инновационный тип развития).

Итак, в определенный момент в инновационном подходе назрел дефицит: перед исследователями, проектировщиками и учеными начали вставать вопросы, которые мы бы отнесли к социогуманитарной сфере. Один из первых вопросов звучал так: какие качества человека способствуют тому, что он начинает заниматься тем, что никто не делает, и так, как никто не делает, или, как сказали бы мы сейчас, заниматься инновационной деятельностью? Впервые этим вопросом задался Й. Шумпетер, когда обсуждал сущность предпринимателей, их личностные качества, мотивы деятельности. Далее этот вопрос в инноватике приобрел формулировку «инновационного потенциала личности», «инновационных качеств», «креативной способности», и др. «Впервые целью, средством и условием экономической деятельности становится человек, что формирует новую методологическую парадигму и для экономики и, как ни парадоксально, для социума. Возникает в этой связи проблема развития человека, в первую очередь, за счет расширенного воспроизводства новейших знаний как условия экономического роста» [4]. Проблема «инновационного человека» (и, далее, «проблема инновационного общества») становится одной из главных в текущей социогуманитарной повестке инноватики: в терминах «человеческого потенциала» и «социального капитала» обсуждается способность к генерации инноваций и к их потреблению, адаптации к постоянным переменам, к самообучению, и т. д. Выдвигаются серьезные требования к науке и образованию как к сферам, воспроизводящим знания и человеческий капитал.

Обратим внимание, что при постановке социогуманитарной проблемы в рамках инновационного дискурса никогда не проблематизируется сам тип инновационного развития: технологическая возгонка, стремление к постоянным изменениям и инновациям, требование гибкости и адаптивности. Также незыблемой остается самая главная ценность инновационного подхода — ценность нового, новизны. Однако ученые и исследователи из разных научных областей, из разных фокусов и в разных языках, но все же фиксируют проблемы, которые мы бы классифицировали как социогуманитарные проблемы инновационного развития. Приведем несколько подтверждающих наше утверждение цитат. «Проблема заключается в том, что созданная человеком экономика начала жить по собственным законам и поработила своего создателя. Мы не успеваем даже осмыслить экономическую реальность, тем более контролировать ее. Научно-технический прогресс несетя на нас по законам лавины. Что является критерием научно-технического прогресса?

В чем его смысл, где границы? Проблема настоящего и будущего техногенной цивилизации, которая в качестве критерия развития признает исключительно успехи в области производственной деятельности, нуждается в серьезном осмыслении философией и другими общественными науками, здесь им еще предстоит сказать свое слово» [1, с. 101]. «Сложилось устойчивое «материально-техническое», «вещественное» понимание проблемы, доминированию которого, конечно же, способствовали господство материализма и прагматизма в XX в. Кроме того, подобное состояние ума является следствием исторического триумфа промышленной революции, и тот факт, что НТР очевидным образом реализовалась в сфере материального производства, предопределил преимущественное понимание инноватики как чего-то конкретного, «технического», или, по крайней мере, как некоего решения в области производства, именно поэтому и обладающего ценностью» [2, с. 52].

Из описанной выше ситуации мы делаем вывод о необходимости провести работу по выявлению и описанию онтологических оснований экономики инноваций, проблематизацию антропологических и аксиологических основ инноватики. Заметим, что целым рядом социальных и гуманитарных наук сегодня такая проблематизация осуществляется, но осуществляется «на своей территории» (своими методами, в своих терминах, на своих дискуссионных площадках), вследствие чего результаты этих исследований и эти рассуждения не попадают в прагматичный и нацеленный на результат инновационный дискурс. Так, философия техники уже давно и остро ставит вопросы о необходимости регулирования техногенной возгонки; вопрос о субъектах ответственности за технологические катастрофы; экологический вопрос; вопрос об управлении рисками. Философия науки обсуждает проблему уменьшения степени самостоятельности науки в результате ее переориентирования на НТП и уменьшение доли фундаментальных исследований. Социальная философия обсуждает общество потребления, атомизацию человеческой жизни, разрыв человека с миром природы, разрушение традиций, упрощение человека по образу и подобию машины. Культурология и антропология описывают ситуацию постмодерна, размывание границ, потерю идентичности, корней, смыслов, оснований жизнедеятельности, информационную усталость человека. И это отнюдь не полный список тех проблем, которые прямо или косвенно связаны именно с доминированием инновационной идеологии, но не ставятся в рамках инноватики, а обсуждаются в рамках других областей знания и практики.

Отчасти такая ситуация объективно обусловлена существующим положением дел в рамках самого устройства научного знания, дисциплинарным разделением науки. С другой стороны, междисциплинарность инноватики, ее открытость и гибкость, размытость ее границ, дают возможность постановки указанных социогуманитарных вопросов и расширения социогуманитарного измерения инноватики. Видится актуальной задача соединения знаний из разных социогуманитарных областей на «почве» инноватики, выработка нового инструментария, в том числе инструментов социогуманитарной экспертизы инновационного развития.

Список литературы:

1. Безвесельная З.В. Некоторые аксиологические аспекты инновационных процессов: опыт русской философии // Человек и инновационная экономика современной России: философские аспекты: м-лы Всерос. науч.-пр. конф. (Москва, 25.11.2011 г.) — Москва, 2012. С. 99 — 108. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://vgipusirotkin.files.wordpress.com/2011/01/d181d0b1d0bed180d0bdd0b8d0ba.pdf> (дата обращения: 07.12.2012).
2. Неклесса А.И. Инновация и революция // Дружба Народов. 2003. № 4. С. 45—55.
3. Оганесян Т., Розмирович С., Медовников Д. Рождение национальной инновационной системы // Эксперт. 2010. № 36 (720). [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: http://expert.ru/expert/2010/36/rozhdenie_innovacionoi_sistemy/ (дата обращения: 03.12.2012).
4. Шилина М.Г. Инновационный дискурс и теория общественных связей: методологические аспекты // Медиаскоп: электрон. науч. журнал ф-та журналистики МГУ им. Ломоносова. 2010. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/node/696> (дата обращения: 01.12.2012).

ПРОБЛЕМАТИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА: КОНТУРЫ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Литвин Тимур Сергеевич

асп. каф. филос. ПНПУ им. В. Короленко, г. Полтава, Украина

E-mail: timur.litvin@mail.ru

Материалы данного доклада содержат в сжатой, концентрированной форме некоторые концептуальные положения и выводы авторского диссертационного исследования посвященного социально-философскому осмыслению современных мультикультурных процессов.

Данная проблема актуальна в связи с недавними событиями в ряде европейских стран, где мультикультурализм потерпел крах [3; 6; 7]. Ниже мы рассмотрим ряд принципиально важных теоретических вопросов необходимых для адекватного понимания этих процессов. Мы попытаемся рассмотреть проблему мультикультурализма в ее взаимосвязи с феноменами постколониализма, глобализации и парадигмальными трансформациями; попытаемся очертить проблему Другого в контексте мультикультурализма, а также определить субъектов мультикультурных процессов исходя из специфики нашего исследования.

Следует отметить, что в данном докладе мы не претендуем на полноту изложения, учитывая формат и допустимый объем публикации. Поэтому мы не исключаем того, что некоторые наши соображения могут показаться неясными, и требуют, следовательно, уточнения и более подробного разбора.

Существует немало подходов к проблеме классификации мультикультурализма, менее или более дифференцированных и детализированных. Предлагаемый нами подход базируется на понимании мультикультурализма в первую очередь как дискурса. Исходя из этого можно, во-первых, понимать мультикультурализм как постмодернистский дискурс философии культуры.

Постмодернизм ополчился против классической европейской метафизики с ее рациональностью, логоцентризмом, претензиями на тотальность и универсальность, линейными, структурированными построениями. В области культуры эти взгляды отразились в критике европоцентризма, расизма и различных форм дискриминации. Здесь следует особенно отметить работы К. Леви-Стросса по структурной антропологии, идею деконструкции Ж. Деррида, идеи ризомы, номадологии, *différence* Ж. Делеза и Ф. Гваттари, гендерные

исследования С. де Бовуар и Ю. Кристевой, идеи диалогизма М. Бубера, Э. Левинаса, М. Бахтина, идеи конструирования «Я» через опыт «Другого» в экзистенциализме Ж.-П. Сартра и структурном психоанализе Ж. Лакана. Сюда же следует отнести присущую всем постмодернистам критику бинарного мышления и проистекающую отсюда идею деконструкции метанаративов и бинарных структур (Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар).

Тем не менее, реализация подобных идей на практике оказалась проблематичной. Следует отметить, что в основе мультикультурализма лежит принцип плюрализма, выражающий не просто многообразие культур, но еще и их равноценность. Практическое воплощение этого принципа ведет к деконструкции метанаратива национального государства, построенного на бинарной оппозиции большинства и меньшинства, где первый элемент есть структурный центр, ось, доминанта. В мультикультурном обществе не может существовать большинства и минорити-групп, так как все субъекты такого общества равноценны, а само оно функционирует подобно ризоме.

Тем не менее, все эти тренды не могли не повлиять на метаморфозы либерализма. Постмодернистская критика европоцентризма и ассимиляторства привела к появлению неолиберальных течений, иначе переосмысливших проблему культурных различий и многообразия. Так появляется мультикультурализм как неолиберальный дискурс социальной и политической философии. Если для классических либералов базовой аксиологической доминантой является индивид, примат его прав и свобод, то либералы-комунитаристы выдвигают тезис о том, что индивид и его идентичность определяются общностью, к которой он принадлежит, поэтому любая атака на эту общность автоматически является атакой на индивида.

Однако, внимательное рассмотрение проблемы дает нам возможность увидеть в либеральном мультикультурализме завуалированные коннотации культурного расизма и европоцентризма. Хронологически появление мультикультурализма как конкретного политического курса западных либеральных демократий совпадает с интенсивными процессами деколонизации. И в этом отношении политкорректный, основанный на принципах толерантности, мультикультурализм приходит на смену устаревшим, вульгарным и компрометирующим концепциям европоцентризма и культурного расизма, содержа их, однако, в снятом виде. Эта противоречивость и непоследовательность мультикультурного курса объясняет последние события в европейских странах связанные с провалом мультикультурного

курса. Мультикультурный коллапс, таким образом, надо понимать как следствие, проистекающее из специфики мультикультурализма как практического курса социальной политики западных либералов.

По нашему мнению главной ошибкой многих отечественных исследователей и аналитиков является понимание мультикультурализма как коммуникативного процесса основанного на принципе равноценности. Такая aberrация не дает возможности объяснить наличествующее в мультикультурной концепции не снимаемое противоречие универсализма и плюрализма. Коммуникация есть диалог на паритетных началах, предполагающий достижение некоего консенсуса; ни один субъект коммуникативного процесса не может быть пассивным.

В случае с мультикультурализмом мы наблюдаем абсолютно противоположную ситуацию, когда западный либеральный индивид или западное общество в целом проектирует на Другого свои клише, стереотипы, шаблоны, и сам Другой становится не более чем совокупностью проектированных на него смыслов. Здесь следует говорить не о попытках понимания Другого или осознания себя через опыт «Другого» а о попытках конструирования Другого. Мультикультурализм это взгляд западного индивида с точки зрения либерального метакультурного универсализма. То есть, относясь к «Другому» толерантно мультикультуралист априори отталкивается от позиции своего культурного превосходства.

Превентивная функция мультикультурализма состоит в ограждении пространства «негативной» свободы (свободы «от») западного индивида от феноменов имеющих метаиндивидуальную природу. Если же это не удастся мультикультурализм прибегает к попытке нейтрализовать последствия травматического опыта Другого посредством дескриптивных схем, «ведь Другой — это скандал, угрожающий нашей сущности» (Р. Барт), а западный обыватель как носитель духа буржуазности «ненавидит все, что недостижимо его пониманию» (А. де Бенуа) [1, с. 122; 2].

Первой такой дескриптивной схемой является «зеркало» или «отождествление», однако Другого не всегда удастся свести к аналогии, поэтому более эффективной является дескриптивная схема которую мы определяем как «экзотичность». Суть этой дескриптивной схемы состоит в том что Другой, независимо от того, воспринимается ли он как «сказочный», «завораживающий», «вычурный» или же наоборот как угрожающий и опасный, всегда помещается в локус лишенный временного исторического измерения, становясь

своеобразным «экраном» на который Запад проектирует свои фантазматические смыслы [1, с. 121—122; 4].

Так появляются различные дискурсы функционирующие как специфические семиологические надстройки (мифы — по Р. Барту). Яркими примерами таких дискурсов Другого являются «китаизм», «ориентализм», «балканизм»; их специфика состоит в том, что общности, которым навязываются эти клише и стереотипы, начинают усваивать их и воспринимать как собственную идентичность.

Таким образом, мультикультурализм является метадискурсом постколониализма. Задачей мультикультурализма не является диалог, коммуникация или понимание Другого и его инаковости; мультикультурализм создает Другого как искусственный конструкт. Более подробное рассмотрение вышеприведенных дискурсов Другого (например «ориентализм» у Э. Саида) ярко демонстрируют тотальное непонимание, неприятие инаковости и культурных различий. Другой воспринимается как априори отсталый, недоразвитый, нелепый. Единственной альтернативой пребыванию в созданном для него колонизатором вычурном экзотичном внеисторическом пространстве является инкорпорация в общность колонизатора.

Другого лишают перспектив самостоятельного исторического пути и модернизации; он может обрести историю и модернизироваться лишь путем утраты себя и своей инаковости. Но здесь возникает вопрос: какова эта инаковость? Если колониальная/постколониальная машина смогла создать симулякры идентичности Другого, прочно им усвоенные, и продолжает поддерживать их функционирование, возможна ли эмансипация Другого?

Следующий важный момент состоит в том, что мультикультурализм является пространством парадигмальных столкновений. Исходя из этого тезиса, мы можем выделить две группы субъектов мультикультурного процесса. Западное общество является выражением парадигмы модерна. С одной стороны ему противостоят сплоченные традиционной культурой и религиозным сознанием исламские общины как носители парадигмальных установок традиционного общества. Происходит столкновение парадигм Традиции и модерна, где модерн занимает императивную позиции.

Эту же проблему можно рассматривать как столкновение коллективных субъектов, репрезентирующих два противоположных фундаментальных взгляда на проблему свободы. При этом западное общество является носителем идеи «негативной» свободы (свободы

«от»), в то время как мусульмане — «позитивной» свободы (свободы «для») в данном случае проистекающей из креационистской традиции.

Но с другой стороны западное общество сталкивается с принципиально иными вызовами — феминизм, субкультуры ЛГБТ-сообщества. Это является следствием того, что парадигма модерна теряет свою легитимацию, постепенно уступая место новой складывающейся парадигме постмодерна. Естественно отношение либерального мультикультурализма, скажем, к сексуальным меньшинствам существенно отличается в положительную сторону от отношения к религиозным фундаменталистам, хотя и те и другие попадают под определение минорити-групп, являясь носителями специфического типа идентичности, отличающегося от идентичности большинства.

Уточним, что мультикультурализм оперирует понятием культуры в общем, поэтому его субъектами могут быть любые общности — носители специфического типа культуры, общности не только этнические или конфессиональные, но и социальные. К примеру, один ведущих теоретиков мультикультурализма У. Кимлика относит к субъектам мультикультурализма также инвалидов и женщин [5, с. 413—414]. Важно также отметить, что понятие мультикультурализма в современном западноевропейском политическом дискурсе используется исключительно в контексте проблемы иммигрантов из исламских стран, в чем не трудно убедиться, прочитав заголовки и содержание последних новостных сообщений в прессе и сети [3; 6; 7].

Наконец последним важным вопросом является соотношение мультикультурализма и глобализационных процессов. Здесь тоже усматривается явное противоречие универсализма и партикуляризма. С. Жижек обращает внимание на диалектику капитализма: сначала он зарождается и развивается как система отношений между национальными государствами (тезис), далее национальные государства захватывают колонии и эксплуатируют их (антитезис). Наконец в нынешних условиях возникает парадокс колониализма без метрополии, где роль виртуальной метрополии играет глобальный капитал, в то время как все суверенные национальные государства играют роль колоний (синтез). Таким образом, мультикультурализм является культурной стратегией мультинационального, глобального капитала, для которого различия между государствами и культурами не суть принципиальны [4].

Культурный партикуляризм расчищает пространство для тотальной экономической и политической гомогенизации мира,

маскируя планы глобального капитала. Первой задачей мультикультурализма как стратегии глобального капитала является удар по национальному государству как строго структурированной системы и превращение его в систему ризоморфную. В конечном итоге это приведет к созданию глобального квазигосударственного метаполитического пространства. Следующей задачей мультикультурализма является достижение фрагментации общества, что приведет к появлению мозаичного пространства отчужденных коллективных субъектов.

Список литературы:

1. Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с.
2. Бенуа А. де. Дух буржуазности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://ntz.org.ua/?p=2804> (дата обращения: 12.12.12).
3. Британский премьер осудил политику мультикультурализма [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.lenta.ru/news/2011/02/05/multicult/> (дата обращения: 12.12.12).
4. Жижек С. Мультикультуралізм, або логіка культури мультинаціонального капіталізму [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.provid.org/2009/10/01/multikulturalizm-abo-logika-kulturi-multinacionalnogo-kapitalizmu-slavoy-zhizhek> (дата обращения: 12.12.12).
5. Кимліка В. Ліберальний культуралізм: народження консенсусу // Лібералізм: антологія [Упор. О. Проценко, В. Лісовий]. — К.: ВД Простір, Смолоскип, 2009. — С. 411—423.
6. Меркель признала провал мультикультурной модели [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://lenta.ru/news/2010/10/17/merkel/> (дата обращения: 12.12.12).
7. Саркози признал провал мультикультурализма [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://lenta.ru/news/2011/02/11/fail/> (дата обращения: 12.12.12).

ПОНЯТИЯ «ФЕНОМЕН» И «ЕДИНСТВО» В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА

Соколов Егор Александрович

аспирант ЗабГУ,

г. Чита

E-mail: egor.philosopher@yandex.ru

Направление феноменологии зародилось в 20-годы XX в. В трудах немецкого мыслителя Э. Гуссерля. Это философское направление не потеряло своей новизны и актуальности в настоящее время, обращая на себя внимание своими методами и уровнем проникновения в различные сферы жизнедеятельности человека. Одним из ее методов является высвобождение потока сознания из под сил, которые сковывают его и не дают объективных представлений об окружающем мире (эта сфера чужого опыта, в какой-то степени предшествующий опыт человечества, устаревшие научные данные, ориентация процесса познания на окружающий мир, а не на самого человека и др.). Понятиями этой дисциплины, распространившей свое влияние на искусство, психиатрию и психологию являются «жизненный мир» [1, с. 74; с. 154; с. 209] «эпохе» [1, с. 184; с. 201], «феноменологическая редукция», «ноэзис», «ноэма». Ключевым же термином, с которого собственно и начинается феноменология как наука является «феномен». В одной из первых работ, в которой его смысл предстает в наиболее обобщенном и полноценном виде есть книга немецкого философа-идеалиста, основателя немецкой классической философии И. Канта. Для полноценного знакомства с феноменологией как дисциплиной необходимо ознакомиться с представлениями этого безусловного авторитета для любого ученого-философа, писавшего о ключевых категориях философии, в трудах которого упоминается и о вышеназванном многозначительном научном явлении.

Термин «феномен» в философии И. Канта тесно связан с теорией познания. Субъект познает окружающий мир с помощью присущих ему от рождения, данных от природы или приобретенных в процессе эволюции двух форм априорного чувственного созерцания, которые изначально даны человеку независимо от предмета исследования или познания. Это пространство — как априорное условие любого внешнего объекта и время как неотъемлемый атрибут внутреннего чувства. Соответственно этому все процессы, явления или предметы в окружающей нас действительности на которые, так или иначе,

направлен процесс познания находится в определенно данном пространстве и в конкретном времени. «Посредством внешнего чувства (свойства нашей души) мы представляем себе предметы как находящиеся вне нас и притом всегда в пространстве» [3, с. 65]. «Время есть априорное формальное условие всех явлений вообще» [3, с. 74]. Без этих форм предметы существовать в мире просто не могут. Сам процесс познания начинается с процесса чувственного созерцания окружающего, которое в современной философии называется пассивным познанием. «Восприимчивость нашей души, способность ее получать представления, поскольку она каким-то образом подвергается воздействию, мы будем называть чувственностью» [3, с. 90—91]. Чувственное созерцание по ходу времени перерастает в восприятие нашим рассудком данных эмпирического опыта. Таким образом, человек познавая окружающую действительность, исходит из первоначального посыла единства объекта и субъекта, но с развитием процесса познания у последнего накапливается все большее количество противоречий и он незаметно обособляется и приобретает самостоятельный статус в сознании индивида. Начинается этап активного познания.

Восприятие окружающего мира носит выборочный характер. События, явления и факты, пронсящиеся в сознании идут сплошным потоком, в котором не происходит разделение на категории. В какой-то момент происходит процедура «схватывания» явления, после которого оно уже поступает в распоряжение нашего рассудка. «Многообразное [содержание] явления мы всегда схватываем последовательно во времени, стало быть, это схватывание всегда подвержено смене» [3, с. 190]. На основе совокупности явлений воспринятых нашим рассудком происходит формирование понятий об окружающей действительности. Они разрознены и достигают единства, только попадая в разумную часть нашего сознания, в которой достигают самого высокого уровня обобщения и занимают свою нишу в единой системе синтетических основоположений о мире [3, с. 127]. С другой стороны наш рассудок всегда сам занят созданием категорий, которые конструируются в нашем сознании, а потом ищут реального воплощения в опыте.

Важным обстоятельством, занимающим особое место в философии И. Канта является порядок формирования явлений в рассудке. Здесь автор «Критики чистого разума» очень четко говорит о том, что учитывать и оценивать явления можно только строго по временным критериям [3, с. 190]. Для того чтобы получаемая картина мира была достоверной, получаемые явления должны

обрабатываться по моменту появления их в сознании. Только в этом случае наши представления об окружающей действительности могут претендовать на объективность и достоверность.

Явление, которое мы непосредственно созерцаем и которое доступно нашему познанию и пониманию называется феноменом. Феномен оказывает влияние на формирование понятий в рассудке. Но с другой стороны наш рассудок сам формирует представления о мире, создавая альтернативу чувственного созерцания. Подобный вид знания носит название интеллектуального созерцания, а способ, посредством которого происходит процесс познания, есть умопостижение окружающей действительности. Здесь мы подходим к пониманию, одной из самых важных категорий философии И. Канта — понятию «вещи — в — себе» или как пишут более современные словари «вещи самой по себе», именуемой в литературе ноуменом, т. е. объектом нечувственного созерцания, который существует в нашем рассудке, но который не доступен для нашего познания и понимания. «Тем не менее, когда мы те или иные предметы как явления называем чувственно воспринимаемыми объектами (Sinnenwesen, Phaenomena), отличая при этом способ, каким мы их созерцаем, от их свойств самих по себе, то уже в самом нашем понятии заключается, то, что мы как бы противопоставляем этим чувственно воспринимаемым объектам или те же самые объекты с их свойствами самими по себе, хотя мы этих свойств в них и не созерцаем, или же другие возможные вещи, которые вовсе не объекты наших чувств, и мы рассматриваем их как предметы, которые мыслит только рассудок, и мы называем их умопостигаемыми объектами (Verstandeswesen, Noumena)» [3, с. 244—245]. Необходимость выведения, подобной категории, потребовалось И. Канту для объяснения гипотезы о том, что помимо чувственного способа познания окружающего мира существует и другой. Впрочем, доказательства в пользу существования этого другого интеллектуального способа он не приводит, а лишь говорит о том, что мы не должны познавая мир, концентрироваться на одном способе видения действительности [3, с. 247]. Это основоположение легло в основу кантовского агностицизма, ярко говорящего о невозможности познания мира в целом и доступности последнего только с помощью феноменов.

Другой не маловажной категорией философской системы И. Канта является категория единство, которая также неотъемлемо связана, в первую очередь, с процессом познания. Здесь единство предстает, как возможность познавать окружающий мир, опираясь на единую систему синтетических основоположений, как способность

объединять явления, а через них понятия и категории в одно целое. «Единство его [т. е. самосознания — Е.С.] я называю также трансцендентальным единством самосознания, чтобы обозначить возможность априорного познания на основе этого единства» [3, с. 128]. Это называется у Канта единство апперцепции, которое бывает двух видов: трансцендентальное единство апперцепции, т. е. присущая от природы способность мыслить из первоначального единства самосознания. Второй вид — эмпирическое единство апперцепции, заключающееся в возможности соединять похожие явления, понятия или мысли вместе [3, с. 133—134].

Согласно феноменологии, мир с точки зрения познания его субъектом является феноменом как таковым, т. е. все процессы и явления, воспринимаемые человеком выглядят как чувственно воспринимаемые. Все, что доступно человеку для рассмотрения и исследования принимает вид загадки, которая раскрывается, только попадая в наше сознание [1, с. 154]. Рассудок формирует понятия о мире только посредством явлений, которые поступают в его распоряжения как данные эмпирического опыта. Созерцая окружающий мир, во всем его многообразии в нашем сознании происходит формирование определенных универсальных представлений о действительности. Учитывая вышеназванный принцип И. Канта о единстве трансцендентальной апперцепции мы можем говорить с одной стороны о феномене единства, который мы созерцаем в окружающих явлениях и который связан, с единством материальной, духовной сфер или единством нашего эмоционально личностного состояния. С другой стороны если попытаться перенести категорию единства на окружающее, то вполне уместно будет подметить ее распространение на предметы и процессы. Здесь вступает в силу один из законов диалектики, говорящий нам о том, что все категории, которые мы, так или иначе обнаруживаем в окружающем мире имеют свою противоположность, и развитие которых происходит в непрерывной борьбе, в результате которой происходит их кратковременное объединение. Одним из таких феноменов, который доступен нашему сознанию является — феномен единства.

На протяжении исторического времени развитие человечества происходило путем преодоления огромного спектра трудностей. Жизнь человеческого стада, а затем общества шла путем консолидации действий отдельных индивидов в единую систему операций выполняемых совместно всем коллективом. Обособление от животного мира, установление защиты от диких животных, появление огня, развитие трудовой деятельности, подготовка

и проведение охоты, появление собирательства — смогло появиться только благодаря осознанию и пониманию «человеческого я», необходимости его сохранения и развития, стремлению к сплоченности и желанием идентифицировать себя с подобными сущностями, находящимися рядом. К этому следует добавить те изменения, которые происходили в головном мозге человекоподобного существа в результате выполнения вышеупомянутых действий. Возможно, что именно к этому времени необходимо отнести появление кантовского единства апперцепции. Бесспорным остается тот факт, что для выполнения операций социально приспособленному человеку требуется гораздо больший масштаб обобщения информации, чем в схожих условиях взаимодействия с окружающими миром будет необходим даже высокоразвитому животному.

Дальше развитие шло путем усложнения социальных процессов. Появление производящих видов хозяйства в лице земледелия и скотоводства, изобретение более прогрессивных орудий труда, расселение человека по всей территории земного шара, независимо от температурных условий и совершенствование в соответствии с этим видов одежды требовало от человека усиления мыслительной деятельности, увеличения скорости связывания причины со следствием, необходимости объединения явлений и процессов, происходящих вокруг социального организма в один круг проблем. Решения и выходы из подобных ситуаций могли появляться только если было сформировано умение быстрого реагирования на ежедневные вызовы природы, причем ответы должны были быть мобильными и альтернативными, для того чтобы, в случае провала одного был запасной вариант решения трудностей. Все это давало человеку мощный импульс для развития как самой способности а priori создавать синтетические основоположения об окружающей действительности, возможной только благодаря трансцендентальному единству апперцепции, так и посредством возможности опытно воспринимая феномены и предметы окружающего мира аналитически отражать объективную реальность в рамках эмпирического единства апперцепции.

Мозг человека наряду с решением внешних проблем активно занимался укреплением внутреннего мира. Это выражалось в обработке через анализ явлений, которые поступали в распоряжение рассудка. На основе полученных аналитических основоположений человек вырабатывал единые нормы, правила поведения в зарождающемся обществе. Сопоставляя факты и феномены действительности он понимал необходимость закрепляемого вида поведения, видел

к чему ведет нарушение тех или иных запретов, стремился себя обезопасить от подобного и жестко, а порой и жестоко наказывал тех членов общества, которые нарушали утвержденные законы. Появление нравственных догм также неотъемлемо было связано с развитием способности нашего рассудка к трансцендентальному единству апперцепции.

Согласно И. Канту процесс развития возможен только благодаря умению сочетать в сознании двух компонентов: свободы и необходимости. С одной стороны человек от природы наделен разумом, который по своей изначальной природе является свободным, в отношении собственных поступков и мыслей [3, с. 425], а с другой он в силу всеобщей естественной необходимости вынужден выполнять действия, которые обусловлены рядом причин непрерывного хода явлений природы [3, с. 418] т. е. его поведение носит детерминированный характер. Компромисс разумное существо может найти только в постепенном преодолении зависимости от животного начала, а последнее становится возможным только через процесс социализации личности. В этом процессе ему помогает кантовская система императивов. «Сколько бы ни было естественных мотивов, побуждающих меня к хотению, сколько бы ни было чувственных возбуждений, они не могут породить долженствование — они могут произвести лишь далеко не необходимое, а всегда обусловленное хотение, которому долженствование, провозглашаемое разумом, противопоставляет меру и цель, более того, запрет и авторитет» [3, с. 422].

На первый взгляд может показаться, что два таких термина как «феномен» и «единство» не могут иметь собой никакой общей основы, но все знания, которые мы получаем об окружающем мире изначальны проистекают из единой способности самосознания, а, следовательно, должны носить единый характер, т. е. вписываться в единую картину мировосприятия человека, в которой новое явление или дополняет существующий порядок вещей или его опровергает.

Список литературы:

1. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. Владимир Даль. СПб. 2004. 399 с.
2. Калинин Л.А. Проблемы философии истории в системе Канта. Издательство Ленинградского университета. Ленинград. 1978. 152 с.
3. Кант И. Критика чистого разума. М. Эксмо. 2006. 736 с.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЕСТЕСТВЕННОГО И СОЦИАЛЬНОГО В ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Тищенко Нонна Дмитриевна

*ст. препод. каф. европ. языков и лингводидактики ЗабГУ
им. Н.Г. Чернышевского,
г. Чита*

E-mail: ol1537@mail.ru

Проведение социально-философского анализа феномена человека предполагает изучение сложнейшей проблемы соотношения естественного и социального в его историческом развитии. Дилемма «естественное или социальное» обсуждается священнослужителями, философами и учёными с древнейших времён. Дискуссии между сторонниками концепций о биотической и социальной сущности человека не утихают уже более сотни лет.

Несмотря на остроту споров между представителями противоположных концепций к началу 80-х годов прошлого века в научной среде постепенно стало формироваться понимание необходимости синтеза естественнонаучных и гуманитарных знаний для изучения феномена человека и особенностей его поведения. В отечественной науке данная тенденция нашла отражение в развитии представлений о биосоциальной природе человека, согласно которым, генезис человека и общества рассматривается как итог реализации и взаимодействия двух программ эволюционного развития — генетической и социальной. Большинство современных исследователей заявляют, что правильное понимание человеческой сущности невозможно без осознания того, что «гены и культура действуют вместе в ходе единого процесса генно-культурной коэволюции. Причём, человеческая биология служит необходимым фундаментом для освоения культуры — языка, верований, обычаев, морали» [3].

Совершенно очевидно, что социальное не возникает в готовом виде, словно «Афина из головы Зевса» [2, с. 16—19]. В основе социальности людей лежат определённые биотические предпосылки. Нейрофизиология утверждает, что с любой психической функцией человека связаны конкретные зоны мозга; психогенетика и психоэндокринология накопили большое количество данных, демонстрирующих существование связи между генотипом, гормонами и поведением индивида. Согласно А.В. Маркову, все аспекты человеческой психики,

включая самые высшие, например, такие, как мораль, имеют вполне материальную основу [6].

По мнению Д. Басса, у современного человека, несмотря на весь приобретённый им в процессе социальной эволюции культурный багаж, до сих пор сохранились генетически запрограммированные механизмы, унаследованные от природы. Эти механизмы продолжают существовать в относительно неизменном виде, поскольку сегодня не происходит отбор на выживание по их наличию, отсутствию или вариациям. Однако, как утверждает Д. Басс, сформировавшись, эти механизмы имеют возможность запускаться и в современных, хотя и очень далёких от исходных, условиях. Так, например, врождённый страх высоты, в той или иной степени свойственный всем людям, проявляется в боязни летать на самолётах; страх воды порождает боязнь передвигаться водным транспортом; страх пещер лежит в основе формирования фобии метро и т. д. И хотя подобные тревожные (или агрессивные) формы реагирования жителя современного города на тот или иной ключевой сигнал в большинстве случаев не обоснованы, они, по мнению Басса, являются вполне «нормальными», так как свойственны человеку как биологическому образованию и хотя бы в минимальной степени присущи всем людям [1].

Убеждённость И. Бауэра в том, что «мозг человека делает из психологии биологию», позволяет учёному говорить о наличии «биологического стержня» в любом социальном явлении. Однако при этом Бауэр подчёркивает, что естественные элементы присутствуют лишь в исполнительном звене, но не в управляющей части и не в пусковых механизмах поведенческой деятельности. По мнению исследователя, надстройка социального над естественным проявляется в том, что первое «перехватывает управление» и подчиняет биологические по сути реакции, вроде сексуальных, родительских, агрессивных и прочих, своим, чисто социальным стимулам и ситуациям, отстраняя от руля чисто биологические влечения. В процессе антропогенеза, когда биологическая эволюция постепенно сменяется общественной историей, социальное «седлает» существующий поведенческий механизм, уже не инстинктивной природы, и «эксплуатирует» его, подменяя его исходные цели и сигналы о целях своими, следующими из культуры. Одновременно модифицируются и реакции, служащие для достижения целей» [2, с. 16—19].

Изучая механизмы поведения человека и соотношение вкладов естественного и социального в процесс реализации его деятельности,

Н.А. Бондаренко, вслед за Бауэром, добавляет: «поскольку общественная жизнь у *Homo sapiens* (в отличие от животных), постоянно меняется и развивается, формируя *историю*, то «распознавательная» часть поведенческого механизма всё время также меняется и перенастраивается с более архаических схем социального взаимодействия на всё более современные» [2, с. 16—19].

Занимаясь вопросами влияния генотипа на поведение человека, эволюционные психологи отмечают, что «гены не кодируют непосредственно специфические физиологические или поведенческие особенности. Большинство особенностей полигенны, то есть они регулируются сложными взаимодействиями многих генов в сочетании с факторами внешней среды» [1].

Рассматривая проблему видового и индивидуального в развитии человека, Т.М. Марютина приходит к заключению о том, что каждая стадия развития в онтогенезе наступает в результате актуализации различных участков генома человека. При этом генотип выполняет две функции: типизирует и индивидуализирует развитие. При этом, как утверждает исследователь, вклад генотипа в обеспечение нормативных аспектов развития в ходе онтогенеза существенно уменьшается, а влияние генотипа на формирование индивидуально-психологических особенностей человека имеет тенденцию увеличиваться [7].

Разделяя мнение исследователей о том, что «наличие социального наследования диалектически снимает, но не уничтожает на уровне человеческого организма действие биологического наследования» [5], хотелось бы добавить, что человечеству вряд ли когда-нибудь удастся полностью разорвать связи со своим естественным началом, вне зависимости от того, насколько далеко мы ушли от него в процессе культурной эволюции.

Очевидно, что рассмотрение вопроса о взаимосвязи эволюционно-генетического процесса, культуры и психики человека требует диалектического подхода, поскольку «теоретически упрощённая постановка проблемы, принимающая во внимание лишь часть наследственных предпосылок» [5], может привести к опасным для науки, крайним точкам зрения — биологизаторству и социологизаторству. Было бы ошибочно подходить к рассмотрению проблемы естественного и социального в человеке и в обществе с позиции «или — или», поскольку «все признаки от биохимических и морфологических до признаков культуры всегда наследственны и всегда детерминированы средой» [4].

Наследственность и внешнее окружение не следует рассматривать как отдельные, абсолютно независимые стороны развития. Как отмечает Ф.Г. Добжанский, «ни один признак не может развиваться, если такая возможность не заложена в генотипе; если развитие протекает в разных условиях среды, то проявление генотипа будет варьировать соответственно меняющимся условиям среды» [4].

Понятно, что «одна биология не в состоянии дать полностью аутентичный и удовлетворительный образ человека» [4]. Для того чтобы стать человеком, одних биотических предпосылок оказывается далеко не достаточно. Для этого необходимо наличие «надбиотической», социальной надстройки.

Согласно Н.Д. Субботиной [см.: 8], в процессе эволюции естественное в человеке осуществляется и удовлетворяется в социальной форме, постоянно опосредуется и «очеловечивается» социокультурными факторами. Постепенно социальное усиливается и в конечном итоге «берёт под контроль» природное начало. Признавая примат социального над естественным, не следует, однако, думать, что в ходе антропогенеза биотическое «снимается» полностью. Отнюдь, нет. Пронизывая структуру социального многочисленными «нитями», естественное оказывает на него соответствующее влияние, а в критические моменты даже может играть определяющую роль в вопросах выживания не только отдельного индивида, но и популяции в целом.

Таким образом, можно говорить о том, что эволюция человека протекает на фоне постоянного взаимодействия естественного и социального, являющихся взаимозависимыми компонентами единой глобальной системы человеческого бытия, а в качестве движущей силы антропогенеза выступает разрешение противоречий, которые возникают в процессе реализации сложных, многоплановых отношений между естественными и социальными факторами, определяющими жизнедеятельность человека.

Список литературы:

1. Басс Д. Эволюционная психология: споры, вопросы, перспективы, ограничения [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://ethology.ru>
2. Бондаренко Н.А. Этологический подход к изучению механизмов поведения ныряния у лабораторных грызунов // Поведение и поведенческая экология млекопитающих. Мат. научной конф. 4—8 октября 2005 г., Черноголовка. М.: Товарищество научных изданий КМК. С. 16—19.

3. Бутовская М.Л. Этология человека: история возникновения и современные проблемы исследования. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://ethology.ru>.
4. Добжанский Ф.Г. Мифы о генетическом предопределении и о *tabula rasa*. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://ethology.ru>.
5. Кукаркин А.З. Критический анализ современной социобиологии о роли наследственных предпосылок в психическом развитии человека. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://ethology.ru>.
6. Марков А.В. Эволюция морали. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://ethology.ru>.
7. Марютина Т.М. Видовое и индивидуальное в развитии человека. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://ethology.ru>.
8. Субботина Н.Д. Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: дис. ... док. филос. наук. Улан-Удэ, 2002. 353 с.

3.4. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

ОБРАЗОВАНИЕ — НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ БЕССРОЧНАЯ ПЕРСПЕКТИВА УСПЕХА?

Мелешко Ольга Станиславовна

*аспирант каф. философии ХНПУ им. Г.С. Сковороды,
г. Харьков*

E-mail: andromeda2087@gmail.com

Образование неизменно присуще человечеству еще с поры зарождения цивилизации, а система образования — имманентная составляющая фактора эволюции общества. Оно является логичным императивом наряду с трудом — фундаментальным каноническим человеческому существованию, а сами по себе образование и труд являются собой положительную обратную связь — трудовая деятельность нуждается в определенных знаниях, которые, будучи получены путем образования, влияют на труд человека. Образование как социальный институт, как критерий сознательности и духовности, сертифицированный государством или уполномоченными ассоциациями, тем не менее, всегда уступало солидное место так называемому самообразованию — рефлексивному целеполаганию развивающейся личности.

В пространстве человеческого бытия набирают обороты хаос смыслов, действий и ценностей. Чем больше попытки рационализировать жизнь человека, иным образом — спрогнозировать, тем более размываются представления про смысл самой жизни. Классический тип рациональности, как якобы, эффективности, демонстрирует четкую организационную структуру, со всеми признаками бюрократии. Человек окунается в мир иерархических построений, размежевания личностного пространства в соответствии с нормами своего сообщества [3, с. 68]. С миром связывает человека уже не морально-этический аспект взаимодействия, а диспозиция ролей, субординация и прочие необходимые функциональные составляющие — знания, умения, навыки, компетенции. При таких обстоятельствах образование несколько искажается в своей первородной сущности — воспитание личности, индивидуальности. Согласно убеждениям американского педагога и философа Джона

Дьюи — образование должно быть демократичным, имеющим главное предназначение в формировании морально-общественной позиции учащихся [5, с. 84]. Однако стоит заметить, что собственно образование как таковое — не имеет цели, как вещь абстрактная, цель должна быть у личности, будь то родители или учителя, а цели учащегося (ребенка, студента) вовсе свойственно изменяться по мере того, как обогащается его опыт новыми знаниями, навыками. Назвать образование инструментом, способом — было бы уместно в контексте определенных плоскостей рассуждений, но образование само как понятие и явление — намного шире, что и сопровождается рядом гносеологических проблем. Инновационность, креативность выступают как неотъемлемые качества творческой личности, в формировании которой состоит ныне стратегическая цель образования. Если посмотреть на современную систему образования, то в ее основе лежит изучение фундаментальных наук, вместе с чем неявно воспринимается и ряд ценностей, соизмеримых с ценностью научной рациональности и аксиологической базой образования. В первую очередь, это ценность творчества и новаторства, без которых невозможно развитие науки. Стоит заметить, что эти ценности имеют приоритетный уровень лишь в рамках определенного типа культур, признаки которых принадлежат в основном к западной, как более техногенной цивилизации [2, с. 121]. Однако, если допустить цель образования как подготовку специалистов в соответствии с требованиями общества, чего порой добиваются достичь активисты-чиновники в политике и министерстве образования, то образовательная сфера фокусирует усилия на обеспечении ретрансляции знаний, формировании индивидуума с определенными квалификационными характеристиками для нужд общества. В результате, индивидуум не в состоянии полномерно выразить свой внутренний мир, отличный от положения вещей, а образование — отображать природу человека.

Антропоцентризм в образовании проецирует морально-этический порядок в плоскость отношений между субъектами обучения, где превалируют взаимоуважение, открытость, где культура присутствует не в виде отдельных фрагментов реакций и поведения, а как момент самосознания путем проникновения смыслов и значений, создающих единство социума. На практике формы организации обучения, которым соответствуют междисциплинарность, непрерывное обучение, самообразование, способствуют минимизации социальным проблем, рождаемых образовательными барьерами и глобальными миграционными процессами. Но массовый характер

образования, рассчитанный на «всех и каждого», регламентирует всеобщие стандарты в обучении, нормы и правила, алгоритмы, что, с одной стороны, формирует цельное образовательное пространство, а, с другой, — манкирует индивидуальное, личное, как возможность реализации человеческой свободы, поиска индивидуализированного статуса и сознательного выбора способов существования.

Касательно ценности образования, как совокупности предлагаемых дисциплин и факультативов, можно привести такие суждения. Невозможно установить иерархию ценностей учебных предметов. Пока какое-нибудь учение играет уникальную или незаменимую роль в жизни, пока оно будет обогащать его по-особенному, до тех пор оно и имеет внутреннюю значимость. Иными словами, если рассматривать дисциплины (предметы) или их комплекс, то каждая из них в одном из своих аспектов должна иметь абсолютную ценность. Если не осознавать ценности какой-нибудь вещи самой по себе, то во время достижения других целей не будет учитываться часть ее возможностей и особенностей [5, с. 191]. То есть, говоря о сравнении предметов и направлений знания как о внешних способах, критерии определения их настоящей ценности находим в конкретной ситуации, в которой они используются. Невозможно, например, дать ученику понять инструментальную ценность алгебры, описывая ему те блага, которые она принесет ему в далеком туманном будущем. Необходимо, чтобы он сам выявил, что от его способностей оперировать цифрами и формулами зависит успех того дела, которым он хочет заниматься. Полноценное образование, как процесс долговременный и непрерывный сам по себе не может задавать темпы обнаружения и формирования новых интересов у учащихся, создавать должную мотивацию познания. Среднее образование учитывает ценностные ориентации детей, постепенно подводя их к реалиям жизни, полной требований и необходимости решений, однако не дает окончательного видения природы вещей, так как преподаваемые знания лишены убедительности их прикладной ценности, что необходимо при выборе будущей профессии.

Существует большая разница между тем образованием, которое каждый получает благодаря сосуществованию с другими людьми и формальным образованием молодежи. В первом виде оно не есть окончательной самоцелью существования, хотя важно для его поддержания. Без преувеличения, такое «природное» образование есть главной мерой ценности какой-либо общественной институции (семейной, политической, экономической и т. п.), а также

способствует расширению кругозора и опыта [1, с. 233]. В основном лишь, когда речь заходит про формальное образование, тогда вспоминают про важную роль человеческих способностей и склонностей. Ведь даже в современном индустриальном мире ментальные и эмоциональные реакции формируют черты характера и склонности, — такой продукт жизнедеятельности, на который современный мир, развивающийся по рыночным законам «спроса-предложения» практически не обращает внимания; главными критериями являются — бережливость и работоспособность. Если молодые люди могут не осознавать до конца влияние близких на них в совместной деятельности, или подчиниться нашим советам и наставлениям, понимая, что это приближает достижение целей, то с взрослыми произвести это намного сложнее. Потребность в образовании очевидна, а стремление изменить или воздействовать на привычки и прочие динамические стереотипы настолько неотложно, что игнорировать все возможные последствия недопустимо.

Пожалуй, первым принципом функционирования любого установления, в данном случае образования и системы образования есть эффективность. Однако, зачастую, речь идет не про повышение уровня квалификации специалиста, а про целесообразность учебного процесса. Через призму схемы функционирования рационализованных социальных институтов, которую можно описать цепью «цель-способ-результат», учебный процесс рассматривается с точки зрения кратчайшего пути получения полезной информации, которая стоит сродни товару [4, с. 77]. Сегодня преобладают прагматичные взгляды на высшее образование как на капиталовложение. Ведущим мотивом для получения высшего образования является надежда (или убеждение) отдельного студента (и его родителей) на то, что после получения диплома он устроится на престижную и, главное, высокооплачиваемую работу, которая позволит компенсировать все затраты на образование. Со стороны государства это приводит к изменению образовательной политики. Если раньше целью высшего образования была подготовка государством квалифицированных кадров для народного хозяйства и постоянное осуществление расширенного производства, то сейчас государство лишь способствует удовлетворению общественно значимой потребности. То есть, оно превращается из заказчика на исполнителя образовательных услуг. А эффективность в глазах заказчика и исполнителя — зачастую вещи противоположные.

Соответственно цели меняются способы ее достижения. Не случайно главный вопрос, который волнует многих студентов,

это — «зачем мне это нужно?» Студент рационально рассчитывает, насколько конкретная дисциплина полезна для его будущей профессиональной деятельности, и сколько денег может принести знание в этой области в принципе. И тем не менее, множество выпускников так и не находят место под солнцем в избранной профессии, по ряду обстоятельств, описанию детерминированности которых стоило бы выделить отдельное поле дискурса. В лучшем случае, то есть при сознательности студента и его близких, учащийся начинает исследовать волнующие его вопросы в какой либо предметной области самостоятельно, то есть самообразовываться, что таит в себе множество препятствий и дилемм, в связи с мультидисциплинарностью многих отраслей знания. Ныне распространен такой феномен, как получение высшего образования как такового, как гаранта высокого самосознания человека, индикатора культурного статуса, без дальнейших притязаний на выбранную специальность. То есть, фактически, диплом выпускника — это свидетельство о потенциале профпригодности человека, ориентированности на прогрессивный, квалифицированный труд. Но это, пожалуй, не проблема института образования, это следствие глобальных политико-экономических процессов в стране.

Образование XXI-го века — это образование для человека. Ее стержнем является развивающая, культурная доминанта, воспитание ответственной личности, которая склонна к саморазвитию и самообразованию, личности, которая умеет критически мыслить и анализировать сложившуюся конъюнктуру, обрабатывать различную информацию, использовать приобретенные знания и навыки для творческого разрешения проблем и задач.

Список литературы:

1. Булатов С.Н. История философских учений. — М., 1997. — 545 с.
2. Кларин М.В. Инновации в обучении: метафоры и модели: Анализ зарубежного опыта. — М: Наука, 1997. — 223 с.
3. Ритцер Дж. Современные социологические теории / Джордж Ритцер. 5-е изд. — СПб.: Питер, 2002. — 688 с.
4. Я. Груф. Свобода вибору в освіті: передумови сучасної демократії // Освітня політика у філософських рефлексіях. — К., 2006. — 140 с.
5. Д'юї Дж. Демократія і освіта. — Львів: Літопис, 2003 — 294 с.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРБИТРАЖА В СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Воронин Дмитрий Васильевич

*канд. ист. наук, доцент Прокопьевского филиала ТГУ,
г. Прокопьевск*

E-mail: voronin@prk-tsu.tck.ru

Вопросы совершенствования экономического правосудия, оказавшись на стыке экономической и правовой реформ, привлекают пристальное внимание как политиков и общества, так и научных кругов. Общий курс реформирования определен: «все экономические дела должны перейти из судов общей юрисдикции в арбитражные суды» [1, с. 9]. Похожие соображения высказывались и в советский период.

В специальной литературе не прекращалась, начатая ещё в 1920-е годы, дискуссия о судебной природе арбитража, возможности и преимуществах его трансформации в хозяйственный суд. Так в годы НЭПа, с появлением хозяйствующих субъектов рынка, возникла потребность в быстром и объективном решении споров между ними. В функции органов государственного управления это не входило. Недавно созданные советские суды не были знакомы с хозяйственной практикой, разрешение хозяйственных споров ложилось на них дополнительной нагрузкой, мешавшей «делу укрепления социалистической законности». Согласно «Положению о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями», принятому 21 сентября 1922 г. ВЦИК и СНК РСФСР, имущественные споры между государственными учреждениями и предприятиями разрешала Высшая

арбитражная комиссия при Совете труда и обороны РСФСР (СТО РСФСР), а в губерниях (областях) — арбитражные комиссии при областных экономических совещаниях (ЭКОСО) [2, с. 769]. 14 марта 1923 г. СТО РСФСР утвердил первые «Правила производства дел в арбитражных комиссиях». «Положение о судеустройстве РСФСР», утвержденное ВЦИК 11 ноября 1922 г. относило арбитражные комиссии (ст. 2) к категории специальных судов [2, с. 902]. Н.В. Крыленко (в 1923г.) — заместитель наркома юстиции РСФСР и старший помощник прокурора РСФСР объяснял цель создания арбитражных комиссий стремлением разгрузить органы государственного управления от разрешения огромного количества имущественных споров и разногласий между предприятиями и организациями. СТО при этом оставлял за собой право изменять и исправлять постановление арбитража [3, с. 529]. При подготовке реформ управления народным хозяйством на рубеже 1950—1960-х годов в кругу специалистов обсуждались преимущества судебного порядка разрешения хозяйственных споров. Аналогичные предложения поступали и в ходе попытки хозяйственных реформ середины 1960-х годов. Практика показывала, что предложения о придании арбитражу статуса суда усиливались в периоды попытки экономических реформ, совершенствования управления экономикой страны, усиления экономических рычагов, попыток корректировки административных методов руководства. Все это настоятельно требовало внесения определенных корректив в законодательство, разработки и принятия новых законодательных актов, разработки неотложных проблем в теории права, связанных с обновлением законодательства. Необходимо отметить, что органы государственного арбитража осуществляли своего рода экспертизу различным министерским и ведомственным нормативным актам, что позволяет говорить о наличии нормотворческой функции у арбитража.

Совет Министров СССР в постановлении от 23 июля 1959 г. обязал арбитраж обобщать материалы рассматриваемых дел, о выявленных недостатках сообщать руководителям предприятий, областей, краев и республик, главков, министрам, которые должны были принимать меры к устранению недостатков. О грубых и систематических нарушениях плановой и договорной дисциплины Госарбитражи докладывали в правоохранительные органы, а Госарбитраж при Совете Министров СССР — Правительству СССР [4, с. 68, 105].

Ничего принципиально нового здесь не было. В 1930—1940-е годы важнейшей чертой деятельности арбитражных комиссий сразу

стала «вполне просматриваемая связь с органами хозяйственного руководства и управления (своеобразное двойное подчинение, учет «соображений общегосударственных интересов» при разрешении конкретных споров, тенденция арбитражных комиссий к расширению своей компетенции, главным образом в области организационно-регулирующей деятельности) [5, с. 6].

Таким образом, Госарбитраж выполнял две основные функции — контрольно-предупредительную и разрешения споров. Причем первая, дополненная аналитической работой, выработкой конкретных рекомендаций предприятиям, постепенно начинала преобладать. Выявить причины плохой работы предприятия или отрасли, вскрыть недостатки или злоупотребления и устранить их было важнее, чем взыскивать штрафы, платившиеся из государственного бюджета в государственный бюджет. Основная функция арбитража в литературе тех лет однозначно определялась как хозяйственно-организаторская.

Тезис об управленческих функциях Госарбитража неоднократно возникал в юридической периодике. В 1967 г. А.Ф. Козлов подчеркивал, что хозяйственные споры возникают в сфере производственно-хозяйственной деятельности. Рассматривая такие споры, арбитраж не только решает вопрос о праве, но и хозяйственные, производственные вопросы, участвуя тем самым в управлении народным хозяйством [6, с. 190].

К началу 1970-х годов взгляд на арбитраж как на орган государственного управления стал в отечественной литературе преобладающим [7, с. 9]. Управленческая функция, в значительной степени, была связана с руководством со стороны КПСС. Просматривался политический подход к решению экономических задач, что было характерным для того времени. Важной чертой в деятельности органов государственного арбитража было соблюдение принципов демократического централизма и плановости. Функции арбитража — учета и контроля соответствовали известному ленинскому выражению, что социализм — это, прежде всего учет и контроль. Управленческая функция арбитража базировалась на соблюдении социалистической законности, участии общественности в деле контроля. Следует сказать, что нередко реализация данной функции осуществлялась в своеобразной форме. Специфическим принципом в деятельности арбитража можно назвать принцип активности арбитра. Нередко арбитры инициировали рассмотрение возникающих проблем между хозяйствующими субъектами. Чаще всего это происходило при разрешении преддоговорных

хозяйственных споров. Взгляды исследователей, сходясь в основном, расходились в частности — оценке места Госарбитража в системе государственного управления (специальное контрольное ведомство по соблюдению законодательства, вспомогательный орган и т. п.).

На практике арбитраж продолжал оставаться лишь «сигнальщиком». Многолетние обобщения по нарушениям сроков и ассортимента поставок, припискам, недостачам и хищениям, незавершенному строительству и бракованной продукции, выявляя системные пороки социалистической экономики, не могли скольконибудь эффективно способствовать их устранению. Перед арбитражем, в силу специфики его деятельности, постоянно вставали системные проблемы, порожденные «социалистической общенародной» собственностью на средства производства.

Госарбитраж, входя в структуру органов исполнительной власти, имел наименьшие полномочия для воздействия на эти системные проблемы. Министры жаловались на арбитражные решения в Совет Министров СССР, который обязывал Главного арбитра СССР рассмотреть предмет жалобы. Статус арбитража не вызывал никаких сомнений у отечественных правоведов. Т.Е. Абова отмечала, что право правительства контролировать деятельность подведомственных ему органов не только не нарушает принципа законности в деятельности Госарбитража, но и способствует его усилению [8, с. 92].

Государственный арбитраж в своей основной функции являлся если не регулятором, то «дежурным наладчиком» действовавшего хозяйственного механизма, сглаживая сбои в его работе, помогая преодолевать «узкие места».

Список литературы:

1. Абова Т.Е. Арбитражный процесс в СССР: понятие, основные принципы / Т.Е. Абова; отв. ред. А.А. Мельников. — М: Наука, 1985. — 143 с.
2. Гапеев В.Н. Сущность арбитражной формы защиты права / В.Н. Гапеев: автореф. дис...канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 1971. — 16 с.
3. Крыленко Н.В. В последний раз об арбитражных комиссиях / Н.В. Крыленко // Еженедельник советской юстиции. — 1923. — № 23. — с. 529—531.
4. Козлов А.Ф. Суд первой инстанции как субъект советского гражданского процессуального права и другие органы, решающие правовые споры / А.Ф. Козлов //Сборник ученых трудов Свердловского юридического института. — Свердловск, 1967. — Вып. 7. — С. 190—192.
5. Путин В.В. О наших экономических задачах / В.В. Путин // Ведомости. — 2012. — 30 января.

**МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
ФИЛАРМОНИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ЮЖНОГО УРАЛА В 1946—1950 ГГ.
(НА ПРИМЕРЕ ФИЛАРМОНИЙ ЧКАЛОВА
И ЧЕЛЯБИНСКА)**

Запольских Марина Сергеевна

аспирант, ОГПУ, г. Оренбург

E-mail: nagukova@inbox.ru

В годы Великой Отечественной войны музыкальная культура продолжала своё развитие. В труднейших условиях, нередко в непосредственной близости от врага музыканты дали сотни тысяч концертов, пройдя вместе с солдатами по дорогам войны. Несмотря на тяготы военного времени, продолжали свою деятельность и культурные учреждения Южного Урала, в том числе филармонии Челябинска и Чкалова (Оренбурга).

Челябинская государственная филармония, впервые открывшая двери для посетителей ещё в довоенные годы (1937 г.), во время Отечественной войны так же продолжала давать концерты, обслуживать население области [12, с. 375].

В 1943 г. в Чкалове открылась филармония. Первый год её существования был ознаменован постановкой оперы «Иван Сусанин» в концертном исполнении. В целом за сезон 1943—1944 года филармония провела цикл лекций-концертов, концерты симфонического оркестра, авторские вечера В.П. Соловьёва — Седого. Артистические бригады филармонии обслуживали районы, давали концерты в воинских частях и госпиталях Чкаловской области [11, с. 152].

И, несмотря на активную деятельность в период войны, в первые послевоенные годы филармонические организации Южного Урала столкнулись с рядом проблем материального характера. Для их нормального функционирования были необходимы соответствующие условия материального плана. Во-первых, помещения для репетиций и стационарные площадки для проведения концертов, во-вторых, — музыкальные инструменты, сценические костюмы, нотный материал.

Особенно остро в послевоенную пятилетку встал вопрос о стационарных помещениях для филармоний. Оренбургская филармония с середины 40-х годов размещалась вместе с Домом народного творчества в здании областного Дома учителя по адресу улица Советская, дом 19. Согласно документам до 1949 г.

Она официально располагала и собственным зданием, и концертным залом на 500 мест. Здание, судя по архивным материалам, было передано филармонии по решению Облисполкома от 15 марта 1944 года за № 980 [4, л. 1]. Но в отчёте филармонии за 1946 год упоминается, что вышеупомянутое помещение по распоряжению областной администрации занято Областным драматическим театром [3, л. 10]. В мае 1949 г. здание на Советской вернули прежнему владельцу (Дому учителя). Репетиции музыкантов проходили в комнате, которую занимала бухгалтерия. Там стоял рояль, и после обычного рабочего дня там репетировали артисты [10, с. 81]. В течение 1948—1949 годов филармония отказывалась от приезда гастролёров от Всесоюзного гастрольно-концертного объединения в связи с «отсутствием соответствующего помещения для проведения данных гастролёв» [7, л. 5].

Начиная свою творческую деятельность, Челябинская филармония так же не располагала ни концертным залом, ни помещением для репетиций симфонического оркестра и артистов эстрады. Летом филармония занимала помещение Городского сада в 68 квадратных метров, а зимой — номер гостиницы «Южный Урал». Помещение, используемое для репетиций, было совершенно непригодно для работы в зимних условиях, несмотря на то, что топили две печи. Это обстоятельство не позволяло репетировать как штатным коллективам, так и приглашать приезжие бригады. С 1940 года филармония занимала комнату под контору, принадлежащую Горкомхозу, и арендовала зал для репетиций симфонического оркестра Клуба милиции. Организованный концертный зал в помещении Педагогического института требовал оборудования (портьеры, двери, сукно на сцену, осветительную аппаратуру, концертный рояль, стулья) [10, с. 80]. У филармонии не было на это средств. Лишь в начале 50-х годов Челябинская филармония получила собственный зал [9, с. 86].

Проблема нехватки квалифицированных кадров так же была связана с нехваткой площадей, только в данном случае жилых. Решение вопроса напрямую зависело от наличия жилых площадей, так как никто не хотел переезжать в город без предоставления жилья.

Концертно-филармонические организации с момента возникновения стали действовать на основании хозяйственного расчёта, то есть должны были свои расходы возмещать доходами от собственной деятельности. Но сразу же коллективы не могли обеспечить достаточный доход, так как не было средств на приобретение инструмента, оборудования, костюмов, нот. Поэтому

в первые годы своего существования филармонии Чкалова и Челябинска терпели убытки.

Управление культуры требовало, чтобы концерты проводились на условиях гарантийной оплаты. Так руководство филармонии должно было отвечать за финансовые результаты гастролей. Но на практике дело обстояло сложнее. Гастрольные высокохудожественные ансамбли, бригады, отдельные исполнители приезжали обычно по договору на гарантийных условиях не менее чем на 10 концертов, что областная филармония не всегда могла обеспечить [10, с. 85]. В 1947 году разгорелся скандал, связанный с концертной деятельностью Челябинской филармонии. По итогам проверки 1946 года и первой половины 1947 года оказалось, что бывший директор филармонии Левин П.М. и директор Кастальский П.В. допустили ряд финансовых и дисциплинарных нарушений [5, л. 5]. Левин и Кастальский предоставляли клубные площадки города и области на откуп «случайным» концертным бригадам, на условиях так называемых «процентных отчислений». Кастальский только в первом полугодии 1947 года провёл 252 таких концерта, руководители бригад получили свыше 720 тыс. рублей наличными. Если же концерт был организован на гарантийных условиях, то и Кастальский и Левин, к проведению относились безучастно. Так же директора не принимали мер к загрузке своих штатных коллективов, не работали над репертуаром. В 1946 г. Левин П.М. провёл 31 «левый» концерт, в том числе концерты Шульженко Клавдии и Руслановой Людмилы. Заплатив Шульженко за 11 концертов 93500 руб., Руслановой за 5 концертов — 55,0 тыс. рублей [5, л. 1, 5].

Так же у Чкаловской филармонии отсутствовал личный транспорт. Это делало гастроли по городам и сёлам области — убыточными. Не раз в отчётах директор и руководители коллективов филармонии просили предоставить им грузовик и автобус для гастролей по области [3, л. 8].

Следующим препятствием для нормального функционирования стало отсутствие хороших музыкальных инструментов. На 1 июля 1946 года клавишные инструменты Чкаловской филармонии требовали ремонта различной степени сложности (пианино фирм «Блюнтер», «Ратке» — капитального ремонта, пианино Киевской фабрики и «Шпонгель» — текущего), или были не пригодны (пианино «Беккер», «Ратке») [1, л. 12]. В отчёте о работе Чкаловской филармонии и оркестра народных инструментов за 1948 год указано, что оркестр не может давать самостоятельных концертов в связи

с отсутствием инструментов: баяна, духовых (рожка, свирели) и ударной установки [6, л. 7].

Ещё одной существенной проблемой было отсутствие костюмов. Костюмы, пошитые в 1945 году для оркестра народных инструментов Чкаловской филармонии, в связи с плохим качеством материала и амортизацией к 1946 году уже пришли в негодность и требовали замены. Отсутствовала обувь и верхнее бельё. Кроме того, совершенно не было сценических костюмов у подготовительной группы, вследствие чего они не могли участвовать в концертах [1, л. 4].

Для творческой деятельности коллективов филармоний были необходимы нотные издания, методическая литература. Крайне скудный нотный материал имелся в Чкалове. Пополняли его, как правило, двумя путями: при посредстве Московского отдела распространения Музгиза или путём прямого заказа необходимых произведений композиторам. Так, в 1949 г. в отчёте указано, что библиотека пополняется крайне слабо. И при этом в массовом издании отсутствует литература для оркестра народных инструментов, что «тормозит» процесс освоение нового материала [8, л. 3]. Хотя в первые послевоенные годы, судя по отчётам в архиве, нотная библиотека постепенно пополнялась, после пустоты военных лет. За 1947 год получено было 335 единиц нотной литературы [2, л. 15].

Таким образом, филармонии Южного Урала в послевоенную пятилетку столкнулись с рядом проблем материального плана. Вопрос о собственных помещениях в течение 1946—1950 гг. был решён лишь частично. В связи с отсутствием финансирования ощущалась нехватка нотного материала, музыкальных инструментов, а так же костюмов для выступлений. Всё это приводило к сбою в работе коллективов Чкаловской и Челябинской государственных филармоний. Кроме выше обозначенных проблем можно отметить нехватку квалифицированных кадров, а так же задержку заработной платы работникам.

Список литературы:

1. Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф. 1494. Оп. 2. Д. 20.
2. ГАОО. Ф. 1494. Оп. 2. Д. 25.
3. ГАОО. Ф. 1494. Оп. 2. Д. 27.
4. ГАОО. Ф. 1494. Оп. 2. Д. 28.
5. ГАОО. Ф. 1494. Оп. 2. Д. 32.
6. ГАОО. Ф. 1494. Оп. 2. Д. 34.
7. ГАОО. Ф. 1494. Оп. 2. Д. 37.

8. ГАОО. Ф. 1494. Оп. 2. Д. 41.
9. Синецкая Т. М. Челябинская филармония: люди и время (1937—2007 гг.). Челябинск, 2007.
10. Стахова Ю.В. Становление и развитие концертно-филармонических организаций на Урале в 1917—1970 гг.: дис. ... канд. ист. наук/ Ю.В. Стахова. Челябинск, 2005.
11. Фёдорова А.В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 1995.
12. Челябинская область: Энциклопедия/ Под ред. Бочкарёва К. Н. — Челябинск, Каменный пояс, 2008. — т. 3.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ В 20—30-Е ГОДЫ

Крыжан Анна Викторовна

*канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин РОСИ,
г. Курск*

E-mail: kryjhan@mail.ru

Одной из наиболее острых проблем первых десятилетий социалистического строительства являлся серьезный недостаток в квалифицированных кадрах. Применительно к юстиции эта проблема усугублялась тем, что, во-первых, юридический корпус дореволюционной России в большинстве своем враждебно воспринял новую власть. Во-вторых, в контексте ленинской теории государства в форме революционной диктатуры, опирающейся на непосредственный почин народных масс снизу, а не на закон, органам юстиции едва ли отводилась ключевая роль в государственном строительстве. Показательным является тот факт, что первый народный комиссар юстиции был самым молодым министром: Г.И. Оппокову (Ломову) в 1917 г. было 29 лет. Оппоков, а также сменивший его на этом посту И.З. Штейнберг, были левыми эсерами, что также характеризует отношение большевиков к Наркомату юстиции. Только в марте 1918 г. наркомом становится большевик П.И. Стучка, а в сентябре 1918 г. — большевик Д.И. Курский. Эти назначения были не просто кадровыми перестановками в руководстве Наркомюста, они характеризовали изменение отношения власти ко всей системе юстиции.

Летом 1921 г. Президиум ВЦИК, рассмотрев вопрос об органах юстиции, постановил: «...на деятельность органов юстиции должно быть обращено особое внимание, их авторитет должен быть укреплен и поднят на соответствующую высоту» [3, д. 27, л. 156]. Юстиция уже не воспринималась как временная система, перестала связываться только лишь с возможным проявлением девиантного поведения, её функции стали пониматься гораздо шире. Это заставило власть предпринять конкретные шаги к повышению профессионального и образовательного уровня работников этой сферы.

Следует отметить, что для улучшения ситуации с кадрами предпринимались разноплановые меры. В указанном выше постановлении ВЦИКа была дана четкая установка: «обеспечить отделы юстиции и другие местные органы юстиции лучшими силами, направляя в эти органы наиболее опытных и надежных работников» [3, д. 27, л. 157]. Однако опыт и надежность в тот период часто связывались не с профессионализмом, а с политической активностью человека и его преданностью революционным идеалам, в лучшем случае, с его организаторскими способностями. Более того, так называемые «выдвиженцы» скорее ухудшили кадровую ситуацию в сфере юстиции. В октябре 1927 г. Председатель Курского губсуда Малышев вынужден был написать секретное письмо в организационный отдел Курского губкома ВКП(б) и Председателю Курского губисполкома, в котором признавал, что «местные органы не достаточно внимательно подходят к вопросу выдвижения кандидатов на судебно-следственную работу, в результате чего Губсуд бывает вынужден возбуждать ходатайства перед ГИКом об отзыве Нарсудьи вследствие несоответствия его как по своей работе, так, зачастую, по нравственным его качествам. Немало среди нарсудей, отозванных ГИКом, за пьянство, за неавторитетность, за дискредитирование власти, взятки, растраты и за ряд других преступных деяний. <...> Число привлеченных за 1926/27 год нарсудей и нарследователей к уголовной ответственности (14 чел.) говорит, что подбор судебно-следственных работников производится без должного внимания и большая доля в этом вины, безусловно, падает на местные партийные и советские организации» [2, д. 716, л. 251].

Приток выдвиженцев ни в коей мере не решал проблемы отсутствия у работников специальных юридических знаний. Для её решения в 1923 г. повсеместно организуются областные юридические курсы. Областными они назывались потому, что, как правило, работали в областных центрах. Наркомост

распределял места среди разных областей, причем не обязательно соседних. Так 25 июня 1923 г. Курским губернским исполкомом было получено отношение, подписанное членом Коллегии Наркомюста Я.Н. Бранденбургским, о том, что Курской губернии предоставлено 14 мест на областных юридических курсах в г. Ивано-Вознесенске. Губсполком должен был принять на себя часть расходов по организации курсов, пропорционально количеству предоставленных мест [1, д. 362, л. 165]. Организаторы курсов сообщили Курскому губисполкому, что «согласно смете содержания курсов приходится по 100 товарных рублей в год на каждого курсанта» [1, д. 362, л. 170].

Потенциальные слушатели должны были иметь не менее 1 года служебного стажа в должности народного судьи или следователя. Если таковых не оказывалось, допускался прием «хорошо развитых членов РКП, командированных партийными и профессиональными организациями». То, что в губернии не удастся набрать достаточное количество судей, имеющих стаж работы в должности не менее года, было весьма вероятно, поскольку судебных работников вообще не хватало. Так, по поводу посылки судей на курсы в Иваново-Вознесенск исполняющий обязанности председателя Курского Губсуда писал в губисполком, «что ввиду недостатка судебного персонала с юридическим образованием, желательно командировать не менее 4-х человек, но ввиду невозможности снимать судебных работников для отправки на курсы, полагаю необходимым выставление кандидатур от Губкома РКП» [1, д. 362, л. 219].

От слушателей курсов требовалось: «а) общее и политическое развитие, знание основных понятий о марксизме и коммунизме; б) умение грамотно и в литературной форме излагать свои мысли; в) умение решать задачи и производить вычисления на все действия с целыми числами, знакомство с простейшими дробями». Курсанты обеспечивались общежитием и питанием, за ними сохранялась зарплата. Поскольку обучение на курсах длилось год, то курсанты могли взять с собой семьи, которые обеспечивались пособием до 25 товарных рублей в год [1, д. 362, л. 171].

Интересна учебная программа юридических курсов, которая включала следующие дисциплины: История ВКП(б) и основы ленинизма (16 ч.), Исторический материализм (16 ч.), Основы политэкономии (18 ч.), Общая теория права и государства, Конституции СССР и РСФСР (18 ч.), Гражданское право (46 ч.), Уголовное право (38 ч.), Карательная политика и исправительно-трудовой кодекс (8 ч.), Уголовный процесс (16 ч.), Гражданский

процесс (20 ч.), Земельное право (16 ч.), Трудовое право (12 ч.), Семейное право (8 ч.), Судоустройство (6 ч.), Судебная медицина (6 ч.), Нотариат, Положение о векселях и Гербовый устав (16 ч.), НОТ в нарсудах (2 ч.).

Занятия велись лабораторно-семинарским методом. Слушатели до занятия получали задания с указанием материала для проработки. «Для отсталых применялся метод конспектов. <...> Занятия велись в течение 8 часов: по 4 часа утром и вечером. Продолжительность занятий курсов была 50 учебных дней, а всего 400 учебных часов, из них 136 часов практических занятий». Обращает на себя внимание то, что идеологическим дисциплинам отводилось 50 часов из 262, то есть всего 19 [1, д. 1112, л. 49—50].

С середины 20-х годов начали предприниматься попытки не допускать на судебные должности лиц, не имеющих достаточного образовательного уровня. В 1924 г. при губернских судах были образованы экспертные комиссии, которые должны были экзаменовать кандидатов в народные судьи, имеющих стаж работы в органах юстиции менее 3-х лет. Но юридические курсы и экзаменационные комиссии могли лишь частично исправить ситуацию. Курсы финансировались из местных бюджетов, возможности которых были ограничены, а экзаменационные комиссии просто физически не могли проэкзаменовать всех претендентов. Так, в 1924 г. в Курской губернии в нарсудьи были выдвинуты 103 человека. Стаж работы более 3-х лет имели 16 претендентов. Из оставшихся 87 человек только 25 выдержали экзамен в губсуде [1, д. 423, л. 14—17]. В первой четверти 1926 г. через комиссию прошло 23 кандидата, из которых только 14 выдержали экзамен [1, д. 1112, л. 10].

Ситуацию несколько выправлял энтузиазм работников. А.Н. Сахаров отмечал, что «миллионные массы вошли в революцию в середине 20-х годов: поднялись к новой жизни глухие углы, забурила каждая деревня, каждая фабрика, <...> в революцию вошел обыватель» [6, с. 41]. О революционном пафосе свидетельствуют письма в губисполком, в которых курсанты областных курсов, имевшие часто большие семьи и ничтожный заработок, просили урегулировать вопрос «о выдаче причитающихся нам содержания на обеспечение наших семей за время пребывания нашего на курсах. Это обстоятельство даст нам полную возможность целиком направить все свои силы на получение требуемых от нас познаний не заботясь об участии наших семей. И тем самым оправдать доверие, выраженное нам высшей инстанцией» [1, д. 571, л. 155]. Местные исполкомы часто не выплачивали пособий не только семьям, но и самим курсантам,

но вопрос об освобождении от учебы последними никогда не поднимался.

В начале 30-х годов вопрос об организации юридического образования не перестал быть менее острым. В результате так называемого «орабочивания» численность сотрудников юридических учреждений увеличивалась за счет рабочих, привлекаемых непосредственно с производства, что делало необходимым расширение системы заочного образования. Между тем, оно было организовано из рук вон плохо, что заставило НКЮ специально рассмотреть этот вопрос. Коллегия НКЮ возвращалась к нему дважды — в мае и в июле 1931 г. Накануне майского заседания сотрудниками наркомата был изучен опыт организации заочного юридического обучения в Московском государственном университете. Заслушав представленные материалы, коллегия пришла к выводу, что существующая практика подготовки и переподготовки кадров для НКЮ была неудовлетворительной и привела к развалу заочного образования. Причиной такого положения называлось то, что «это дело при 1-м МГУ находилось в полном загоне, без специального руководства, без специального наблюдения, с неподготовленным составом преподавателей, при отсутствии правильного учета заочников и какой бы то ни было системы их комплектования» [5, д. 21, л. 17]. Коллегия внесла предложение передать контроль за организацией заочного юридического обучения непосредственно в руки Наркомюста (до этого он находился в компетенции Наркомпроса) и перейти от системы свободной записи на заочные курсы к системе их планового комплектования с учетом запросов краев и областей. В июле коллегия вновь вернулась к вопросу о юридическом образовании, подчеркнув необходимость организации работы с выдвиженцами НКЮ и членами Верховного Суда — рабочими от станка [5, д. 21, л. 18].

Эффективность усилий по организации различных форм обучения и оценки подготовленности работников юстиции зависела от множества факторов, немаловажным из них являлась доступность учебно-методической и юридической литературы. В декабре 1930 г. заведующий Госюриздата А. Стоклицкий признавал: «Из доклада на коллегии НКЮ как и из выступлений по данному вопросу выяснилось, что самым уязвимым местом в работе Госюриздата является издание учебников. Вопрос о создании учебника по линии правовой литературы необходимо рассматривать как одну из боевых задач» [4, Д. 21, л. 24].

Нужно сказать, что важность издания учебников по праву и популяризации юридических знаний хорошо осознавалась властью, доказательством чего являлся тот факт, что уже 12 декабря 1917 г. При Наркомюсте было организовано специализированное издательское отделение, в задачи которого входило издание «Собрания узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства». Практически сразу отделение было преобразовано в самостоятельный литературно-издательский отдел, который ведал всеми периодическими и непериодическими изданиями НКЮ и состоял из трех отделений. Первое издавало «Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства», второе выпускало журнал НКЮ «Пролетарская революция и право», третье отделение выполняло функции бюро печати. В 1922 г. произошло преобразование отдела в Юридическое издательство НКЮ, получившее название «Госюриздат».

В конце 20-х годов стала очевидной потребность в популярной литературе по праву. С этой задачей Госюриздат справился достаточно успешно. Значительными тиражами выпускались дешевые популярные книжки для массового читателя по наиболее актуальным правовым вопросам. Так, например, в 1929 г. издательством были выпущены брошюра «Сельские примкамеры», которая разошлась в три издания тиражом в 60 тысяч, «Как писать заявления и жалобы по крестьянским делам» — четыре издания тиражом в 75 тысяч, «Кабальные сделки» — два издания в 100 тысяч экземпляров [4, д. 24, л. 6].

С конца 20-х гг. явно обозначилась тенденция к повышению тиражей изданий, чему в немалой степени способствовало снижение их объема. Так, к 1930-му г. тиражи возросли на 65 % по сравнению с 1928 г., а объем снизился с 11,5 листов до 6,7 листа [4, д. 24, л. 8]. Популярная брошюра «Спутник колхозника» вообще выпускалась объемом в 1–2 листа.

С 1928 г. по 1930 г. заметно увеличились и тиражи юридических журналов, например, тираж «Советской юстиции» вырос почти на 20 % [4, д. 24, л. 11].

Журнал «Советская юстиция» и «Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства», содержащие нормативно-правовые акты и теоретическое их осмысление, несомненно, могли способствовать повышению качества юридического образования, усиливали доступность правовой информации и способствовали самообразованию практических работников. В 1930 г. большим тиражом начал издаваться популярный журнал «Суд идет», который распространялся среди рабочих фабрик

и заводов. Как свидетельствует ведомость подписчиков за декабрь 1920 г. по шести заводам Ленинграда было сделано 22879 заказов, из них 735 были аннулированы [4, д. 24, л. 23].

Таким образом, в 20-х — начале 30-х годов кадровый потенциал учреждений юстиции пытались улучшить путем направления в них партийно-советских выдвиженцев, организации различных форм юридического образования, организацией комиссий, оценивающих профессиональную компетентность претендентов на судебные должности, а также путем популяризации правовых знаний и усиления доступности правовой информации. Ни одну из мер нельзя признать эффективной. В реальной практике наблюдалось значительное снижение таких качественных кадровых показателей как образованность и профессиональный опыт. Во второй половине 20-х годов понятие «революционная законность» все больше теряло романтическую окраску первых лет революции. Революционные процессы постепенно утрачивали остроту, строительство нового общества переходило в разряд повседневности. Власть стала воспринимать органы юстиции как весьма удобное средство поддержания своего социального господства. Для выполнения такой миссии нужны были новые кадры, однако, задача их подготовки в первой половине 30-х годов казалась далекой от разрешения.

Список литературы:

1. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р–325. Оп. 1.
2. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. 65. Оп. 1.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А–353. Оп. 4.
4. ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 10.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 153. Оп. 1.
6. Сахаров А.Н. 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 40—69.

ОБРАЗОВАНИЕ ОРГАНОВ ВОЛОСТНОГО И СЕЛЬСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Купченко Константин Владимирович

*канд. ист. наук, старший преподаватель,
Смоленский филиал федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Российский государственный торгово-экономический университет»,
г. Смоленск
E-mail: konstan1977@yandex.ru*

Работа выполнена при поддержке Администрации Смоленской области и РГНФ. Проект регионального конкурса «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее», Грант № 12-11-67004 а(р).

В соответствии с «Положениями 19 февраля» на Смоленщине, как и в целом по стране, создавались органы крестьянского управления. Крестьяне объединялись в сельские общества и избирали должностных лиц. Несколько сельских обществ объединялись в волость, в которую, по закону, должно было входить от 300 до 2000 ревизских душ. В волости создавалось волостное правление во главе с волостным старшиной. Высшим органом крестьянского управления были сельские и волостные сходы.

Компетенция органов крестьянского управления была крайне ограниченной: наблюдение за отбыванием крестьянами податей и всякого рода повинностей, раскладка податей, наблюдение за исправным содержанием дорог, мостов, принятие «необходимых мер для охранения благочиния, порядка и безопасности лиц и имущества от преступных действий», предупреждение потрав помещичьего хлеба, задержание бродяг, беглых и дезертиров и т. д.

Органы волостного и сельского управления были поставлены под контроль мировых посредников, которые утверждали волостных старшин, имели право отстранить любое избранное крестьянами должностное лицо и наказать его за «неисправности». В обязанности волостных старшин и сельских старост входило беспрекословное исполнение «всех законных требований» мирового посредника, судебного следователя, земской полиции и всех «установленных властей». Не были свободны они и от повседневного влияния «своего»

помещика. Помещик оставался опекуном сельского общества, он мог жаловаться на неугодных ему должностных лиц и добиваться их отстранения.

К концу июля 1861 г. волостные правления были учреждены только в 5 сформированных мировых участках из 52. К началу сентября лишь в двух уездах (Сычевском и Смоленском) были открыты все волостные правления, а в остальных окончание этой работы относится к середине октября [3, л. 10, 15—16, 20 об., 29].

Помещики и местные власти активно вмешивались в ход выборов сельских старост и волостных правлений, оказывая давление на ход выборов и добиваясь избрания необходимых кандидатов.

В Бельском уезде, в деревне Овсяники сельский староста был «избран» самим помещиком Кубаровским, несмотря на несогласие крестьянского схода [1, л. 19].

Открытие волостных правлений в Ельнинском уезде предшествовало «совершению божественных литургий и молебствий», после которых священник произносил перед крестьянами «...вразумления о важности предстоящего им дела и увещевание о том, чтобы они делали выбор из крестьян самых достойных по чистой совести» [9, л. 156].

В то же время сами крестьяне активно добивались избрания в органы сельского своих кандидатов. Во время открытия сельского общества в имении ельнинского предводителя дворянства Краевского «крестьяне... возмутились против... местных властей» [9, л. 152]. Дело разрешилось тем, что руководителя волнения предали суду. В Краснинском уезде крестьяне отказались подчиняться старосте, который «был избран не всем обществам» и избрали другого. Но благодаря вмешательству мирового посредника, станowego пристава и земского исправника прежний избранный староста был восстановлен в должности [4, л. 70].

Иногда крестьянам удавалось проводить в органы крестьянского управления собственных кандидатов.

Во владении смоленского помещика Пятницкого был избран старостой Сафон Егоров, который заявил, что его власть выше власти помещика, потому что он поставлен от правительства и освободил пятидесятилетнюю женщину от барщинных работ. Узнав, что его указание не выполнено, он заявил напрямую Пятницкому, что «власть помещика нынче прекращена и право распоряжаться предоставлено одному ему», потребовал выполнения его распоряжения [8, л. 345—346].

В Рославльском уезде крестьяне Ворошиловской волости избрали старшиной Гаврилу Петрова. Но местные власти отстранили его за «слабый надзор за исполнением крестьянами их обязанности» и «различные беспорядки». Крестьяне отказались избрать нового волостного старшину, отстаивая кандидатуру Петрова и написали на имя губернатора прошение, в котором, просили оставить Петрова в должности, поскольку его избрали единодушно избрание «за честность» и безвозмездную службу [5, л. 593—595]. Дело дошло до губернатора, который приказал произвести новые выборы.

В конце концов, несмотря на противодействие крестьян, местным властям удалось добиться того, что органы крестьянского управления, по словам губернатора «в отношении к коронным властям... являются деятельными исполнителями распоряжений начальства» [2, д. 17, л. 524—525].

Часто добиться этого было возможным благодаря предоставленному властям праву отстранять волостных старшин и сельских старост. В 1861—1867 годах было отстранено 154 волостных старшины, в том числе в Вельском уезде — 23, Гжатском — 24, Ельнинском — 29, Сычевском — 22, Юхновском — 22, Вяземском — 5, Дорогобужском — 13, Духовщинском — 11, Краснинском — 12, Смоленском — 5 [2, д. 92]. Основными мотивами для отставки были «нетрезвое поведение», растраты, упущения по службе, и невыполнение распоряжений мирового посредника и других должностных лиц. Согласно имеющимся архивным данным, из 154 отстраненных волостных старшин около 100 были отстранены от должности за неисполнение своих обязанностей [6, л. 7, 8]. Так, старшина Трубинской волости был лишен своего поста «за неисполнение предписаний посредника, нераспорядительность по должности и за допущение беспорядка при отправлении крестьянами рекрутской повинности» [3, л. 129].

В Бельском уезде Иоткинский и **Шолтовский** волостные старшины были переизбраны, поскольку неоднократно подвергались «взысканиям и штрафам за допущение разных беспорядков и бездействие по взысканию с крестьян выкупных платежей и оброков» [7, л. 219].

Нередко крестьяне вставали на защиту смещенных волостных старшин. Так, в Егорьевской волости Дорогобужского уезда крестьянский сход заступился за волостного старшину Федора Елисеева, который не выполнил приказания продать 26 лошадей крестьян деревни Теличено, арестованных помещиком за потраву. Разбиравшему дело мировому посреднику крестьяне заявили,

что они другого старшину не признают, поскольку мир выбрал Елисеева и только мир может его сместить [8, л. 347—360]. Но в итоге, Елисеев был отстранен от должности волостного старшины.

Обвиненного в должностных преступлениях одного из волостных старшин Бельского уезда Андрея Петрова крестьяне в письменном представлении характеризовали как скромного, высоконравственного, хорошего работника, который заслуживает повторного избрания на пост волостного старшины [7, л. 195].

Часто основанием для смещения волостного старшины являлось подозрение в неблагонадежности. По этой причине за короткий срок в некоторых волостях сменили по нескольку старшин: например, в Брызгаловской волости Гжатского уезда в 1861 году был отстранен старшина Борис Петров, в декабре 1862 года — Иван Афанасьев, весной 1863 года — Иван Казьмин [5].

Но все же, несмотря на имевшиеся случаи противостояния бывших крепостных крестьян с помещиками и представителями местных властей, органы волостного управления предоставили возможность местному населению принимать участие в самостоятельном решении вопросов местного значения.

Список литературы:

1. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации), Ф. 129. Оп. 2, Д. 152.
2. ГАРФ, Ф. 1181, Оп. XV, опись дел, не вошедших в реестр, Д. 92.
3. ГАСО (Государственный архив Смоленской области), Ф. 172, Оп. 1, 1861, Д. 102.
4. ГАСО, Ф. 1, Оп. 4, 1861, Д. 211.
5. ГАСО, Ф. 1, Оп. 4, 1862, Д. 896.
6. ГАСО Ф. 172, Оп. 1, 1862, Д. 257.
7. ГАСО, Ф. 172, Оп. 1, 1861 Д. 92.
8. ГАСО, Ф. 172, Оп. 1, 1861, Д. 23.
9. ГАСО, Ф. 172, Оп. 1, 1861, Д. 72.

КАЗАЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО КУБАНИ В СЕЛЬСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917 Г.

Нещеретов Иван Валерьевич
аспирант КубГУ, г. Краснодар
E-mail: neshheretovi@mail.ru

«По данным сельскохозяйственной переписи за 1917 г. на Кубани без посева или с посевом до 5 дес. (около 5 Га) было 42,7 % казачьих хозяйств» [1, с. 108], которые относились к бедным хозяйствам. К числу середняков принадлежало 26 % хозяйств, имевших пару рабочего скота и более. Казаков, имевшие 3 и более головы рабочего скота, насчитывалось 40 %. Для сравнения по той же переписи можно проследить, что развитие казачьих хозяйств горские. Так из расчета одного сельскохозяйственного орудия на одно хозяйство у казаков находилось до трех единиц, а у горцев не выходило и одного.

В казачьих хозяйствах находившихся в степных участках широко использовались паровые молотилки, сноповязалки и другие машины. В горских хозяйствах они не применялись. Соизмеряя индекс применения наемной рабочей силы (отношение семей с наемными работниками к числу семей, выделивших батраков) у казаков степных отделов, составлял 3,2, у закубанских горцев — 0,8 [2, с. 6].

Основой мелкого индивидуального хозяйства является семейная кооперация и поэтому процессы, происходящие в казачьей семье, не могли не отражаться на развитии и функционировании хозяйства. Демографические факторы появления, роста и распада семей тесно перекликались с социально-экономическими факторами эволюции казачьих хозяйств. Разделы разросшихся семей, соединенных в результате браков, и некоторые другие процессы, развивающиеся на стыке естественно-биологического и общественного, приобрели непосредственное значение и в развитии сельскохозяйственного производства и его социальной структуры. Далее рассмотрим таблицу.

Таблица 1.

**Областная сводка за 1917 г.
Население (группировка хозяйств), грамотность, источники существования хозяйств [3, л. 5]**

Поселения, состоящие в административном отношении вместе с причисленными к ним хуторами	Группировка хозяйств по числу душ в семье				Обеспеченность хозяйств мужчинами		Грамотность			Главные источники существования хозяйств							Хозяйства, имеющие сельхоз. отрасли подсобным занятием							
					Число хозяйств		Число грамотных			Сельскохозяйственные занятия														
					Без наличия мужчин в рабочем возрасте																			
до 3 человек в семье	4-6 человек в семье	7-10 человек в семье	11 и более человек в семье	Всего	в том числе других мужчин в рабочем возрасте	мужчины	женщины	обоего пола	число всех хозяйств	хлебопашцев	табаководов	огородников	садоводств	скотоводств	пчеловодств	число хозяйств, имеющих главным источником не сельхоз занятия	число всех хозяйств	хлебопашцев	табаководов	огородников	садоводств	скотоводств	пчеловодств	
По казачьим	391	754	645	164	73125	51981	2612	1028	3641	1730	1718	99	43	21	68	21	1977	27	163	63	15	18	17	37

	02	77	00	55			88	91	79	08	72		8	5		6	0	57	20	76	83	80	70	47
По крестьянским	281 8	742 1	688 1	142 4	7481	6104	2179 2	1024 1	3203 3	1519 7	1488 3	13 8	26	25	85	20	3221	12 6	310 0	15 30	71 5	36 2	27 5	20 5
По горским	324 9	601 4	470 5	122 9	1012	149	4286	412	4698	1314 6	1214 2	13	14	3	973	1	1895	15 6	228 3	11 52	15 5	29 1	8	62 0
По карачаевским аулам	214 4	222 2	168 1	238	519	8	1809	138	1947	3563	62	-	4	-	3495 8212 7	-	1428	29 4	492	42 9	-	45	-	14
Всего:	463 13	911 34	777 67	193 46	82137	58212	2891 75	1136 82	4028 57	2049 14	1989 59	27 0	48 2	24 3	4623	23 7	2631 4	33 33	221 95	94 87	24 53	15 78	20 53	45 86

Из представленной таблицы мы видим, что категории хозяйств делятся на четыре группы: первая группа — семья до трех человек, вторая группа 4—6, третья 7—10 и четвертая группа — 11 и более человек в семье. Для сравнения в казачьей приписке во второй группе наибольшее количество людей — 75477, в крестьянских хозяйствах — 7421, в горских — 6014 и в карачаевских аулах — 2222 человека. Из данных цифр выделим число мужчин, достигших рабочего возраста. У казаков — 122410 человек, у крестьян — 11063, горцев — 14185 и карачаевцев — 238. В казачьих семьях был довольно высок уровень грамотности. Так среди казачек и казаков было 364179 грамотных, среди крестьян — 32033, горцев — 4698 и карачаевцев — 1947.

Вместе с тем насчитывалось 173008 казачьих хозяйств, из них было 99 табаководств, 438 огородничеств, 215 садоводств, 68 скотоводческих хозяйств, 216 пчеловодств и 171872 хозяйства, которые занимались выращиванием пшеницы. Число всех крестьянских хозяйств составляло 15197, из них хлебопашцы — 14883, табаководы 138, огородники — 26, садоводы — 25, скотоводческие хозяйства — 85 и 20 пчеловодств.

Таким образом, в Кубанской областной сводке за 1917 г. ведущую роль играли казачьи хозяйства, которые доминировали над крестьянскими и горскими.

Решительное и повсеместное преобладание дробления над другими процессами, менявшими общую численность хозяйств, также меняло классовый состав. Анализируя статистические данные 20-х годов, полностью подтверждается наблюдения, сделанные еще дореволюционными историками, что делятся преимущественно крупные хозяйства, принадлежащие крупным семьям. В дроблении хозяйств высвечивались конечно демографические процессы, указывающие на возникновение внутри казачьей семьи новых семей. Развитие данных соответственно вело к распаду патриархальной большой семьи на самостоятельные ячейки. Далее рассмотрим таблицу.

Таблица 2.

**Площадь посева главнейших сельскохозяйственных культур
в Кубано-Черноморской области в 1920 и в 1921 гг. [4, с. 49]**

Отделы	В казенных десятинах																
	Пшеница		Рожь		Ячмень	Овес	Гречиха	Просо	Полба	Кукуруза	Горох	Чечевица	Картофель	Лен	Конопля	Подсолнечник	Всего
	Озимая	Яровая	Озимая	Яровая	Озимый, яровой												
Баталпашинский 1920 г.	46465	2500	1044	120	15423	9833	2550	5855	26	23951	7	70	4004	32	655	10969	123504
1921 г.	49671	2530	1139	103	11417	6313	2187	7737	22	24023	22	70	3631	40	524	7415	117141
% отношения 21 г. к 20 г.	106,9	101,2	109,1	85,8	74,0	64,2	97,5	132,1	84,6	100,0	314,3	100,0	89,9	125,0	80,0	67,6	94,8
Ейский 1920 г.	80765	131969	1405	2476	127189	4439	26	1386	62	5620	40	30	1083	920	838	10063	368308
1921 г.	92474	118938	1523	204,5	83596	5349	7	2027	-	7867	40	180	616	1809	1316	10530	328317
% отношения 21 г. к 20 г.	114,6	90,1	108,4	82,6	65,7	120,5	28,0	146,2	-	139,9	100,0	600,0	56,9	196,9	157,0	108,3	89,1
Кавказский 1920 г.	83369	39740	1079	711	74250	2210	34	1546	17	8890	37	11	902,	32	942	14964	228734
1921 г.	76866	22215	1319	711	37791	2981	34	6349	17	14891	41	12	769	92	905	11375	176368
% отношения 21 г. к 20 г.	92,2	55,9	122,3	100,0	52,0	134,9	100,0	410,7	100,0	167,5	110,8	109,1	85,3	287,5	96,1	76,0	77,1

Краснодарский 1920 г.	13016 4	1151 9	2132	872	48899	6611	79	585	113	18325	169	209	5747	70	1907	26467	25386 8
1921 г.	12430 6	1104 7	2143	1477	34262	6704	72	2106	161	21543	40	3033	5483	386	2662	19744	28516 9
% отношения 21 г. к 20 г.	95,5	95,9	100,5	169,4	70,1	101,4	91,1	360, 0	142, 5	117,6	23,5	1403,3	95,4	551,2	139,6	74,6	92,6
Армавирский 1920 г.	14159 7	2642 4	1124	749	62813	1323 6	1392	1498	46	31577	58	108	6027	83	1293	28707	31675 2
1921 г.	14003 9	3226 4	1049	—	55361	1188 1	1913	3514	47	36756	62	91	5971	81	1452	24188	31436 9
% отношения 21 г. к 20 г.	98,9	123,1	93,3	—	88,1	89,8	137,4	234, 3	102, 2	116,4	106, 9	84,3	99,1	97,6	89,1	34,2	99,2
Майкопский 1920 г.	87454	6274	832	485	11660	9859	987	1363	20	24197	22	72	3879	56	1389	21713	17026 2
1921 г.	57456	9311	530	1213	10722	7867	1829	2361	23	25264	26	98	3215	106	1404	15327	13675 2
% отношения 21 г. к 20 г.	65,7	148,4	63,7	250,1	92,0	79,8	185,2	173, 2	115, 0	104,4	118, 2	136,1	82,9	189,3	101,1	70,6	80,3
Славянский 1920 г.	58189	4066	3254	897	38455	1671	24	136	9	5399	34	16	1795	58	475	8127	12258 5
1921 г.	57898	8571	3166	901	40642	2386	9	625	34	7872	16	18	1109	129	580	5810	12976 6
% отношения 21 г. к 20 г.	99,6	210,8	972	100,4	105,7	142,8	37,5	496, 0	377, 7	145,8	64	112,5	61,8	222,4	122,1	71,5	109,9
Темрюкский 1920 г.	26188	1300	794	115	13715	4526	12	63	12	2055	78	68	722	608	29	1156	5254
1921 г.	23883	1778	198	115	11795	4858	30	23	7	4433	58	641	261	378	28	794	4977
% отношения 21 г. к 20 г. 1183	91,2	136,8	49,7	100,0	86,0	105,0	250,0	512, 7	58,3	145,1	74,4	942,6	36,1	62,1	96,6	68,7	94,7

Тимашевск 1 612-ий 1920 г.	10034 0	1401 6	1183	702	68137	2239	21	366	6	1035	76	22	922	62	488	5550	19516 5
1921 г.	92012	1988 9	1612	702	71314	2866	11	592	6	1280	177	49	595	885	339	4879	19700 8
% отношения 21 г. к 20 г.	91,7	141,9	136,3	100,0	104,4	128,0	52,4	65,8	100, 0	123,9	236, 0	222,7	64,4	427,4	69,3	87,9	100,9
Новороссийс кий 1920 г.	8140	339	620	72	2406	611	2	10	1	1461	193	7	293	1	13	747	14916
1921 г.	6642	1558	838	216	25508	1140	2	10	2	1966	370	6	295	2	175	3287	19067
% отношения 21 г. к 20 г.	81,64	459,6	135,1	300,0	106,3	186,6	100,0	100, 0	200, 0	134,6	191, 6	85,6	100,6	200,0	1346, 2	440,0	127,8
Туапсинский 1920 г.	302	51	42	3	28	25	4	20	2	2819	2	8	123	1	6	3	3444
1921 г.	634	51	44	9	28	25	5	20	2	2740	2	8	123	—	6	3	3705
% отношения 21 г. к 20 г.	209,9	100,0	104,8	300,0	100,0	100,0	125,0	100, 0	100, 0	93,6	100, 0	100,0	100,0	—	100,0	100,0	107,6
По Кубано- Черноморско й области 1920 г.	76297 0	2381 98	13809	7202	62975	5536 0	5135	1282 3	314	126329	706	621	25497	1923	8035	128486	18500 079
1921 г.	72188 1	2281 52	13758	7192	35928 6	5237 0	6399	2566 0	321	148635	854	4206	2208	3908	9091	103852	17074 39
% отношения 21 г. к 20 г.	94,6	95,8	101,8	104,0	77,6	94,6	124,7	208, 3	102, 2	117,7	121, 0	677,3	86,5	203,2	113,1	80,4	92,3

Из приведенной таблицы рассмотрим 11 отделов Кубано-Черноморской области в 1920 и 1921 годах. По данным таблицы мы видим, что большие площади выделялись под пшеницу, так как Кубань была одним из главных поставщиков хлеба в стране. Так в Баталпашинском отделе в процентном отношении 1920 г. К 1921 г. по озимой пшенице составил 106,9 %, по яровой — 101,2 %. Достаточно большие площади в Баталпашинском отделе выделялись и под рожь — 109,1 % озимой и 85,5 % яровой. Значительно меньшие площади выделялись под такие культуры как ячмень, овес, гречиха, просо, полба и т. д.

Вместе с тем советская власть допускала существование подворной системы землепользования, но всячески ограничивала ее развитие, так как она представляла очень благоприятные условия для роста зажиточного хозяйства.

Ограничения развития хуторского и отрубного землепользования осуществлялось в основном мерами экономического прядка и прежде всего самим по себе фактом содействия (выделение льгот и создание особых условий) росту и усовершенствованию общих форм землепользования. Далее рассмотрим таблицу.

Таблица 3.

**Классовый состав казацких хозяйств
«Краснодарский район Кубанского округа землеустроенных
в 1923—1924 годах по формам землепользования» [5, л. 5]**

Социальная группа	Многодворные общины (станции)		Поселки с общим землепользованием (выселки)		Колхозы		Хутора		Отруба	
	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %
Бедняки	10627	46,3	1628	64,5	39	81,3	38	25,4	35	31,2
Средняки	10668	46,8	1112	37,2	8	14,6	73	48,6	49	43,8
Зажиточные	1638	6,9	249	8,3	1	4,1	39	26,0	28	25,0
Итого	22933	100,0	2989	100,0	48	100,0	150	100,0	112	100,0

Из представленной таблицы мы видим огромную разницу в социальном облике представленных землепользователей. Беднейшая часть населения области землепользователей составляет в многодворной станице 46,3 %, среди отрубного хозяйства и хуторян

не составляет и трети. Рассматривая участковое землепользование мы отмечаем, что удельный вес серядняков такой же, как и в общинном. Однако зажиточных казаков станицы среди хозяйств, разделившихся на участки, втрое-вчетверо выше, чем в общине соответственно (25,6 % вместо 6,9 %). Исходя из процента заявок на выдел со стороны зажиточных хозяйств, на самом деле является немного больше процента действительно выделенных (26,1 % против 25,6 %).

Таким образом способствовали развитию участкового землепользования в Кубанском округе зажиточные казаки. Большую роль в развитии крупного частно-собственного производства играла форма землепользования хутора и отруб.

«В советских условиях земли под хутор или под отруб, как и при всякой другой системе поземельных отношений, отводилось только на право пользования» [6, с. 146]. Возрастание хуторского и участкового землепользования в первые годы новой экономической политики в основном становился отражением оживления и дальнейшего развития капитализма в станицах и хуторах.

Список литературы:

1. ГААФК ФР-234. Оп. 1. Д 101. Л. 5
2. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хоз-во / В.П. Данилов. — м.: Наука, 1977. — 317 с.
3. Козлов А.И. На историческом повороте / А.И. Козлов. — Ростов н/Д, 1977. — 323 с.
4. Население и хозяйство Кубано-Черноморско области. Таблицы (к отчету СТО Кубчероблэкос на 1 апр. 1922). — Краснодар: [Б. и.], 1922. 121 с.
5. Ратушняк В.Н. В споре рождается истина: сб. историографических ст. и рец. / В.Н. Ратушняк. — Краснодар: КубГУ, 2012. — 143 с.
6. ЦГАР. Ф. 4085 Оп. 9 Д 305 Л 35.

4.2. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ И ОТНОШЕНИЕ К ХРИСТИАНСТВУ (ПРАВОСЛАВИЮ) В ЯПОНИИ

Кохов Павел Юрьевич

соискатель, МПГУ, г. Москва

E-mail: kvpl@yandex.ru

Христианство (западное) пришло в Японию задолго до православия, в августе 1549 года. В Японию прибыли иезуитские миссионеры во главе с Франциском Ксавье (1506—1552 гг., впоследствии канонизирован Римской Католической Церковью [8, с. 9]). Миссионерская деятельность католической миссии продолжалась почти в течение столетия. Япония всегда была страной достаточно веротерпимой, однако агрессивность проповеди, сопровождавшаяся вмешательством во внутренние дела и поставками огнестрельного оружия южным княжествам [5, с. 291] в период сёгуната Токугава, когда власть сёгуна начинала слабеть, не могли остаться незамеченными. В результате христианство было изгнано японским правительством как «волшебное искусство, обманывающее народ, возбуждающее его к неповиновению властям и имеющее конечную целью лишь приготовление Японии к покорению её иностранцами» [8], все католические миссионеры были высланы за пределы Японии, а за принятие японцами христианства введена смертная казнь, как за измену родине. Хотя, как отмечает святитель Николай, закон этот хоть и не был отменён до 1873 года, однако ни разу не был применён в полной мере во второй половине XIX века, хотя случаев для этого было достаточно много.

В течение двух столетий японцы воспринимали христианство, как религию захватчиков, что предопределило отношение и к православию как ветви христианства. Об отношении японцев к христианству свидетельствует одна из записей в дневнике святителя Николая о жреце одной синтоистской кумирни: «Горд он был своим отечеством, верой своих предков, а потому презирал иностранцев, ненавидел их веру, о которой имел самые неосновательные понятия» [3, с. 134].

Второе пришествие христиан в Японию произошло уже в период кризиса сёгуната Токугава, когда Япония была открыта.

Дж. М. Китагава отмечает, что миссионерские планы, к первой половине XIX века, были не только у католических миссионеров, но и у Русской Православной Церкви, а также ряда протестантских церквей Европы и Северной Америки [4, с. 322—323]. Однако, оценивая реальное положение Русской Православной Церкви в этот период, данное утверждение вызывает определённые сомнения. Эти сомнения связаны, прежде всего с тем, что сразу при открытии консульства в Японии православная миссия не была создана, а в состав консульской делегации входил обыкновенный священник, не подготовленный к миссионерской деятельности. Только после отъезда заболевшего священника консул в своём письме Святейшему Синоду высказал идею о возможности открытия в Японии православной миссии (см. гл. 1, пт. 1.1.).

Фактически миссионерское движение началось с открытием Японии в 1853 году. Правительство Японии было занято более важными делами, чем надзор за проповедниками. Только с установлением правления Мейдзи начался контроль над деятельностью миссионеров, но он уже был связан не только с ограничением какой-либо конфессии в миссионерской деятельности, а сколько в не допущении столкновений между ними. Одним из девизов первого этапа правления Мейдзи был девиз «Будем подражать Западу, пока не станем равными ему» [9, с. 7]. Япония открывалась культуре Запада, однако это не означало и отказа от собственной культуры, которую решено было сохранить. Это относилось и к религии, христианству разрешалось миссионерство, но основной упор в своей политике японское правительство делало на синтоизм, который как национальная религия, должен был противостоять не только не исконно японскому буддизму, но и попыткам миссионеров из Европы и Америки привить Японии христианство.

Первыми, кто принял православие в Японии, были самураи, жившие на севере Японии. Север Японии представлял собой место, где жили «люди сёгуната Токугава», которые после поражения Токугава потеряли цель в жизни (принципы и идеалы), и вследствие этих обстоятельств они оказались выброшенными на её обочину [6]. В таких исторических условиях приход православия в Японию оказался кстати: православие привнесло в жизнь японцев новые идеалы, принципы и цели.

Отношение к православию было далеко не однозначным; с одной стороны, православие относилось к западной культуре, которая, в глазах японца, была учением захватчиков, а с другой, оно было новой надеждой тем, кто оказался вне «Новой Японии» (Японии эпохи

Мейдзи). Это было связано с философско-религиозно-этическими особенностями японского мировоззрения, которые означали, что религиозное чувство в Японии было довольно слабым, а уровень терпимости высоким, и японцы, не заботясь о нравственных или философских ценностях, принимали иноземные практики и обычаи при условии, что те не пойдут вразрез с уже существующими обычаями [9, с. 87].

Народ с трудом пытался сочетать свои исконные обычаи, например культ предков и богов-защитников, с требованиями христианской религии. Многим людям было непонятно, как можно поклоняться объекту казни (распятию), которое было по синтоистской традиции объектом смерти, то есть нечистым и противопоставлялось таким понятиям как: любовь, жизнь, природа. Это противоречие не укладывалось в мировоззренческую картину японцев. Трудно было объяснить японцам и основные догматы христианства такие как: Бог — Троица или Христос — Богочеловек, который своими страданиями победил смерть, но ещё труднее было японцам понять эти догматы [6]. Дело в том, что в японском языке нет ни слова «Троица», ни «Христос», ни «Богочеловек». При переводе текстов священного Писания и священного Предания, как во время проповеди, перед переводчиками и проповедниками вставала проблема перевода слов и выражений, отсутствующих в японском (как и в других языках народов Востока), таких как: «грех» — это слово миссионеры переводят как «Цуми-дзай», что японцы понимают как «преступление», за которое следует посадить в тюрьму; «оттого-то китаец, да и японец, не может понять, за что миссионер его укоряет, когда он не учинил ничего такого, за что бы мог опасаться тюремного заключения» [3, с. 190]. В японском понимании всё, что не запрещено законом — то разрешено, возможно, именно поэтому в японском языке нет слова «грех», поскольку само слово «грех» обозначает в христианском понимании религиозный проступок или преступление, за которое нет официального наказания, кроме Божьего. Однако в пантеистической традиции боги, как правило, наказывают в том случае, если их не ублажить, задобрить или помянуть. Японцы поминают только умерших родственников, ставших покровителями рода или семьи, в надежде на их поддержку, помощь в повседневной жизни, а также защиту в духовном мире, где злые духи и духи недоброжелателей могут навредить им. В синтоизме духи умерших предков становятся в определённом смысле богами — «ками» [7, с. 20] одними из множества божеств, но в то же время личными духовными покровителями своего рода или семьи.

Поминование у японцев носит так же другое значение, нежели в христианстве. В христианстве — поминование — это молитва о спасении умершего человека, обращённая к Богу. В синтоизме поминование носит другое направление — это прошение или воззвание к духу с просьбами или мольбами о помощи и защите.

В основном сложная духовная конструкция христианства, будь то понятие о греховности или о Богочеловечестве Иисуса Христа, которую лучшие христианские умы пытались выразить на протяжении нескольких веков в эпоху Вселенских Соборов, с её глубокими духовными понятиями (грех, душа, дух и др.), мешала японцам понять христианство, почувствовать её духовную культуру. Зачастую японцы думали, что христианство их мало касается, и предпочитали традиционные религии христианской.

Ещё одна проблема восприятия христианской религии касалась её множественности. В Японии действовали многие христианские миссии: Католическая, Протестантская, Православная. В Японии никогда не было догматических споров, да и догм тоже, они мало в этом разбирались, да и не очень хотели. Японцы не могли понять, чем протестанты отличаются от католиков или православных, для них и католики, и православные, и протестанты были единой христианской церковью и поэтому они без труда переходили из одной христианской церкви в другую.

Отношение японцев к форме религии и её содержанию были различны и это связано, в том числе и с выше перечисленными сложностями в понимании сущности христианства. Во многих случаях японцы руководствовались прагматичным подходом относительно христианства и принимали христианскую веру только из выгоды, в частности из-за обрядов и материальной помощи, которую оказывали христиане. На протяжении всей своей жизни японцы проводят множество обрядов, так например: в синтоизме японцы проводили обряд при рождении ребёнка, так как маленький ребёнок безусловно должен был находиться под защитой духа — предка «ками», в христианстве обряд венчания, который считался очень красивым и нельзя было допустить чтобы, христианский Бог не благословил их, а в буддизме похоронный обряд, в котором родственники должны были красиво отправить своего родственника в мир духов, откуда он мог бы помогать им. Именно из-за такого подхода японцев к христианству среди миссионеров появляется идея о нерелигиозности японцев.

Что касается содержания религии, то японцы к православию относятся почитательно, хотя религиозными их назвать нельзя, как писал

русский священник, побывавший в Японии «...Говоря об отношении японцев к религии, надо заметить, что среди них царствует индифферентизм: нередко можно встретить такого японца, который сам не знает, исповедует он религию синто или буддизм, и большинство обнаруживает полнейшее незнакомство с сущностью и догмами религии, которую исповедует, а среди интеллигенции чаще всего встречается совершеннейшее неверие» [1, с. 173]. Большая часть японцев не верят в сверхъестественные силы и богов, а те, что верят, не особенно религиозны. Однако атеистами их назвать нельзя, поскольку с внешней, обрядовой стороной религии эти люди не порывают и не собираются порывать. Говорить в таком случае об отношении японцев к какой-либо религии или вере вообще нельзя, так же как нельзя говорить о вере всего японского народа, можно лишь говорить о вере отдельных групп японского социума. Нельзя сказать, что христианство не было воспринято японцами. Многие основные принципы: возлюби ближнего своего, ударят по левой щеке — подставь правую, — издавна знакомы и понятны японцам по аналогиям с другими японскими религиями. В Японии чтят память предков, и традиция служения панихид и поминальных трапез была воспринята очень быстро [6]. Это связано, прежде всего, с «синтоистским» погребальным обрядом императорской фамилии, которое состоит из двух этапов:

- обрядов хинкю-но ги (обрядов во «временном мавзолее»)
- обрядов рэнсо-но ги (траурной церемонии и погребения) [2, с. 178].

У людей, имевших средства для постройки «временного мавзолея», имелась возможность провести уменьшенный императорский похоронный обряд, тем же японцам, у которых этих средств не было, приходилось довольствоваться буддийской кремацией.

В христианской религии, погребальный обряд состоит так же из двух этапов:

- совершают панихиду (отпевание) в Церкви, умерший находится в гробу, который символизировал дом, в котором обитал усопший, до воскресения в день Страшного суда.
- лития (краткое заупокойное богослужение) проводится на кладбище.

Всех христиан хоронят по одному (единственному) погребальному обряду, этот обряд доступен каждому христианину, что нельзя было сказать (до XVI века) о Японии.

Исходя из выше перечисленного, нельзя не заметить определённых сходств в погребальном обряде обеих религиозных культур, так как в них отражены основные духовные устремления человеческой

культуры: почитать своих родственников, друзей, знакомых, память о них. Однако в этих религиозных культурах есть также и серьёзные отличия они заключаются в смысловом значении всего обряда: в христианстве (православии) это поминание, молитвы о спасении души умершего, её успокоение, подготовка души к иной жизни, жизни после смерти, после Страшного суда. В христианстве смерть человека это не трагедия, это переход человеческой души из жизни временной в жизнь вечную, каждого христианина по наступлении Страшного суда ждёт воздаяние за свои грехи для грешников и последующее за этим воскресение из мёртвых для праведников.

В синтоизме это вполне естественный переход человека из материального состояния (живого существа) в другое нематериальное (духовного существа), соответственно нет молитв о спасении души умершего, так как, по мнению японцев, её спасти не от чего. В синтоизме нет понятия спасение, но есть переход из мира живых в мир духов, в котором будет жить душа умершего, и откуда умерший сможет помогать своим живущим родственникам, если они будут его помянуть (вспоминать) и задабривать. В синтоистской традиции нет понятия «грех», а соответственно нет грешников и праведников. От такой позиции отношение к поминовению, как форме богослужения, разное: у одних — прошение у Бога спасения умершего, а у других — вспомнить и попросить о поддержке и помощи у умершего.

В Японии даже православие носит традиционный японский оттенок, это выражается, прежде всего, в отношении японских христиан к богослужению. Для христиан главная цель любого богослужения — это Причастие, единение с Богом, в Японии же в одном ряду с ним стоит панихида — как дань уважения предкам [6]; данная позиция является результатом привязанности японцев к традициям (синтоизму), элементы которого стали для них не столько частью религиозной жизни, сколько общественной.

Христианство, по признанию Одэра Хироси, смотрителя храма в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы — «неудобная, сложная религия. Во-первых, ее трудно соотнести с повседневной жизнью. Посты, запреты, долгие службы — все это непривычно, и нужно прилагать усилия, чтобы их выдержать. В традиционных японских религиях все гораздо проще; подойдешь к храму, кинешь монетку в жертвенник, поклонись — и дело сделано. Во-вторых, очень трудно понимать язык богослужения. Опять нужно предпринимать усилия, вдумываться или специально сидеть и разбираться в тексте. Кроме того, многим непонятно, почему в таком красивом храме нельзя просто так

обвенчаться, если невеста православная, а жених, к примеру, буддист или синтоист. Что в этом плохого? Зачем ему обязательно становится православным? В католических церквях и у протестантов это не проблема — женись на здоровье, Сами подумайте: не проще ли японцу, для которого конфессиональная разница неочевидна, пойти более простым путем? К тому же, для его будущей супруги это, возможно, тоже непринципиальный вопрос. Такое тоже, к сожалению, часто бывает» [7]. Все вышеперечисленные сложности говорят о специфике японского мировоззрения по отношению к религии, которое базируется на доступности и лёгкости, а также определённой степени свободы, которой должна обладать религия, чтобы добиться определённых успехов в Японии, но в то же время в этой цитате говорится о ещё одной проблеме, которая касается отношения японцев к православию и другим христианским конфессиям, она связана с самим характером христианства. Эта проблема состоит в непонимании и неприятии характера религиозного сознания японцев христианством, связанного с тем, что христианство признаёт неукоснительную правоту только одной идеи, одной церкви и считает всё остальное враждебным и чуждым. Православие и синтоизм стоит на одной основе — традициях и сохранении традиций, а отличие заключается в «эластичности» этих культур. Православие не эластично и не приемлет нововведений и универсализацию, в отличие от синтоизма.

Отношение к христианству и православию в Японии до сих пор остается неоднозначным, так как образ мышления восточного человека отличается от западного. Однако стоит отметить, что история показывает нам — возможно изменение и не только западного мышления, но и восточного, а вместе с ними и отношения к государствам, религиям, людям.

Список литературы:

1. Арутюнов С.А., Светлов Г.Е. Старые и новые боги Японии. — М. 1968.
2. Бакшеев Е.С. Ритуальная система обряда могари в древней Японии / Человек и духовная культура Востока. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2003. с. 175—203.
3. Дневники святого Николая Японского: в 5 т., т. 1 / Сост. К. Накамура. — СПб.: Гиперион, 2004.
4. Китагава Дж.М. Религия в истории Японии / Пер с англ. Н.М. Селиверстова. — СПб.: Наука, 2005. — 588 с.
5. Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония / А.Н. Мещеряков — М.: Наталис: Рипол Классик, 2006. — 736 с.: ил. — (Серия «Восточная коллекция»).

6. Митрофанова А.В. Япония первыми православие приняли самураи. Интервью с епископом Сендайским Серафимом (22.01.2007), журнал «Фома» № 1 (45) январь 2007 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.foma.ru/article/index.php?news=2491>.
7. Митрофанова А. Неудобная религия. Интервью с смотрителем церкви в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы Одера Хироси, журнал «Фома» № 1 (45) январь 2007 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.foma.ru/article/index.php?news=2487>.
8. Оно Сокио, Вудард Уильям. Синтоизм: Древняя религия Японии / Перев. С англ. — М.: ООО Издательство «София», 2007. — 160 с.
9. Саблина Э.Б. 150 лет православия в Японии. История Японской Православной Церкви и её основатель Святитель Николай. Серия «АИРО — Монография». — М.: АИРО-XXI; СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. — 528 с.
10. Фредерик Л. Повседневная жизнь Японии в эпоху Мэйдзи / Пер с фр. А.Б. Овезовой; Науч. Редакция М.В. Демченко. — М.: Молодая гвардия, 2007. — 310 [10]с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ДИПЛОМАТИЯ СССР ВО ВРЕМЯ ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ 1967 Г.: СПОСОБЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ИТОГИ

Мирошниченко Илья Витальевич
студент 3 курса, БелГУ, г. Белгород
E-mail: ilykha93@mail.ru

Орехова Марина Сергеевна
канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры российской
и всеобщей истории Исторического факультета, БелГУ, г. Белгород

С началом мая в 1967 г. на Ближнем Востоке началось обострение арабо-израильских отношений, которое вылилось в открытое военное противостояние между странами арабского лагеря — Египтом, Иорданией, Сирией и Израилем. Египетский президент Насер мотивировал ввод египетских войск на Синай 18 мая и последующее закрытие Тиранских проливов (для Израиля это было поводом для войны) опасением за судьбу Сирии, которой, согласно сирийским и советским сведениям, угрожала израильская интервенция. СССР высказывался против начала боевых действий

со стороны Египта, однако неожиданный превентивный удар 5 июня нанес Израиль, опасавшийся согласованного нападения со стороны египетского, иорданского и сирийского правительств.

Советское руководство не было едино в прогнозах результата будущей войны. Одна часть госслужащих, не связанная со сферой советско-египетского военного сотрудничества, считала, что война окончится полной катастрофой для арабов. Другая часть, в подавляющем большинстве это были военные специалисты, полагала, что арабы смогут продержаться до начала процесса международного урегулирования конфликта [1, с. 183].

С началом боевых действий 5 июня советская дипломатия поддержала арабские страны и для их защиты взяла курс на скорейшее прекращение конфликта, воздействуя при этом непосредственно на Израиль, либо на США — его главного союзника, а также на деятельность ООН в данном регионе. В день начала Шестидневной войны премьер-министр СССР А.Н. Косыгин передал по телетайпу американскому президенту Л. Джонсону сообщение, в котором выражал надежду, что США «проявит соответствующее влияние на... Израиль» [8].

В тот же день через посольство Финляндии в Москве, было отправлено послание Косыгина к израильскому премьер-министру Л. Эшколу, в котором отмечалось, что «если Израильское правительство не внемлет голосу разума и не остановит кровопролития, то оно возьмет на себя ответственность за происходящее и его возможные последствия» [7, с. 577—578]. Следует отметить, что Финляндия начала официально представлять интересы Советского Союза в Израиле уже после разрыва советско-израильских отношений 10 июня 1967 г. Еще одна любопытная особенность данного письма — это его датировка, которая является незаполненной — « « » июня 1967 г. ». По мнению И. Гинор, это является доказательством некоторой причастности СССР к возникновению войны, поскольку документ, по версии исследователя, заранее готовился в преддверии таковой [11, р. 154—157].

Также Советским Союзом осуществлялись попытки воздействия на Израиль через структуры ООН. Советские дипломаты имели четкие установки, согласно которым, они должны были координировать свои действия с представителями Египта и Сирии, которые были согласны с принятием резолюции провозглашавшей прекращение огня и отвод израильских войск на первоначальные позиции [10, с. 578]. В то же время США были против отвода войск, а также считали, что решение конфликта должно предусматривать свободный проход

израильских судов через Тиранские проливы, против чего выступала советская делегация [6]. В итоге 6—7 июня 1967 г. в ООН единогласно были приняты две резолюции, которые призывали стороны к прекращению огня, но не содержали никаких условий об отводе израильских войск к довоенным границам, что означало поражение Советского Союза на дипломатическом фронте.

Однако израильское правительство не считалось с резолюциями и развернуло наступательные действия против Иордании, захватив 7 июня Старый город в Иерусалиме. В этот же день СССР вновь направил через посольство Финляндии в Москве ноту к правительству еврейского государства, в которой предупреждал, что случае продолжения войны советско-израильские отношения будут разорваны [4, с. 579].

Принятие ООН 9 июня 1967 г. очередной резолюции, в общих чертах подтверждавшей пункты предыдущих, не остановило израильское наступление, направленное уже против Сирии. Наступление на Дамаск — столицу Сирии, главного оплота СССР в ближневосточном регионе, продолжалось. Это стало причиной острой реакции Советского Союза — 10 июня в ноте к правительству Израиля советское правительство сообщало, что приняло решение разорвать дипломатические отношения с еврейским государством [5, с. 580—581]. Незначительная часть советских госслужащих понимала, что этот шаг ограничит возможности лавирования советской дипломатии в ближневосточном конфликте, однако большинство в руководстве партии, включая министра иностранных дел СССР А.М. Громыко и секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова, отказывались пересматривать принятое решение [2, с. 291].

В этот же день премьер-министр Косыгин отправил президенту США послание, где сообщалось, что если Израиль не остановится со стороны СССР «будут приняты необходимые меры, включая военные» [9]. Один из современников указанных событий — капитан советского фрегата Ю. Хрипунков, утверждает, что ему поручалась подготовка наземной операции в израильском порте Хайфа [11, р. 150, 205]. Генерал авиации В. Решетников сообщает, что его эскадрилья бомбардировщиков, располагавшаяся в районе города Прилуки, получила приказ подготовиться к воздушному удару по израильским военным объектам [3, с. 460—463].

Таким образом, советское правительство слишком поздно смогло объективно оценить степень арабского поражения, поскольку изначально ошибалось в будущих прогнозах, а также не смогло предвидеть молниеносную победу Израиля. При всем этом нуждается в более углубленном исследовании вопрос о готовности СССР к эскалации арабо-

израильского конфликта путем советского вмешательства в войну и создания тем самым условий для новой мировой войны.

США всерьез расценили советскую угрозу и оказали давление на Израиль, который, столкнувшись с мировым осуждением и угрозой вмешательства СССР, решил прекратить наступление на Дамаск. Однако в это время большая часть арабского военного потенциала, непосредственно связанного с советским влиянием в регионе, была уже утрачена. В последующие годы СССР был вынужден выполнять требования арабских режимов о поставке оружия, поскольку в противном случае лишился бы опоры в ближневосточном регионе.

Подводя итоги, можно подчеркнуть, что дипломатия СССР с самого начала стала жертвой неверного прогноза результата войны. Дипломатические меры, которые избрало советское правительство, оказались недейственными до тех пор, пока Советский Союз не выступил с позиции радикальных мероприятий, готовность применения которых нуждается в дальнейшем изучении. По окончании войны советское влияние находилось в крайне уязвимом положении, в результате чего СССР стал «заложником» собственной политики поддержки арабского лагеря.

Список литературы:

1. В.А. Золотарев. Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века. М.: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000 г. — 576 с.
2. В.М. Зубок. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М.: РОССПЭН, 2011 г. — 671 с.
3. В.В. Решетников. Что было — то было. М.: Эксмо, Яуза, 2004 г. — 544 с.
4. Заявление советского правительства правительству Израиля 7 июня 1967 г. Ближневосточный конфликт...Том 2: 1957—1967. Отв. ред. В.В. Наумкин. М., 2003 г.
5. Запись беседы первого заместителя министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецова с послом Израиля в СССР К. Кацем 10 июня 1967 г. Ближневосточный конфликт...Том 2: 1957—1967. Отв. ред. В.В. Наумкин. М., 2003 г.
6. Меморандум сотрудника Совета Национальной Безопасности США Н. Дэвиса советнику президента по национальной безопасности У. Росту от 6 июня 1967 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d181>.
7. Письмо советского правительства правительству Израиля, переданное через посредство посольства Финляндии в СССР Ближневосточный конфликт: Из документов Архива внешней политики РФ. 1947—1967: В 2 т. Том 2: 1957—1967. Отв. ред. В.В. Наумкин. М.: МФД, 2003 г. — 704 с.

8. Сообщение от премьер-министра Косыгина президенту Джонсону. 5 июня 1967 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d156>.
9. Сообщение от премьер-министра Косыгина президенту Джонсону от 10 июня 1967 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d243>.
10. Телеграмма постоянного представителя СССР при ООН Н.Т. Федоренко 5 июня 1967 г. Ближневосточный конфликт... Том 2: 1957—1967. Отв. ред. В.В. Наумкин. М., 2003 г.
11. I. Ginor, G. Remez. Foxbats over Dimona: the Soviets' Nuclear Gamble in the Six-Day War. New Haven; London, 2007 — 287 p.

К ВОПРОСУ О ДОСУГЕ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ДОНБАССА (1965—1985 ГГ.)

Сергеева Марина Вячеславовна

аспирант ДонНУ, г. Донецк, Украина

E-mail: marianna-serg@yandex.ru

Современная историческая наука включает в себя такой раздел как история повседневности. Изучению истории создания предприятий, деятельности работников, социалистическому соревнованию и многим другим аспектам, связанным со становлением Донбасса как промышленного региона, посвящалось много исследований, как в советское время, так и после получения Украиной независимости. Одним из наименее изученных аспектов жизнедеятельности инженерно-технических кадров было проведение ими свободного времени — досуга. Хотя некоторые работы советских ученых косвенно касались этой темы. Это труды П.С. Коваленко [13], М.П. Приходько [17], Ю.А. Курносова [14; 15]. Современные исследователи заинтересовались историей повседневности промышленных работников Донбасса только в конце XX века, среди них — З.Г. Лихолобова [16], А. Данилин [8], М.С. Герасимова [2] и многие другие.

Анализ деятельности инженерно-технической интеллигенции Донбасса в свободное время помогает раскрыть менталитет, жизненные цели, отношение к своей профессии. Задачами исследования мы определили характеристику свободного времени инженерно-

технических кадров Донбасса (1965—1985 гг.), которое они проводили для удовлетворения своих нематериальных потребностей. Изучение досуга инженерно-технических работников (1965—1985 гг.) позволит детально реконструировать историю развития промышленности Донецкого угольного бассейна, важнейшего экономического района не только Украины, но и всего постсоветского пространства.

Итак, совокупный бюджет времени любого человека, в том числе и инженерно-технического работника, делится на рабочее и нерабочее. Обе части имеют большую ценность для личности. В рабочее время производятся материальные ценности, за создание которых человек получает денежное вознаграждение, а в свободное время удовлетворяются его физиологические, социальные и духовные потребности. У работников предприятий тяжелой промышленности 1965—1985 гг. в общем недельном бюджете времени рабочее время составлял 25—30 %, а внерабочее — 75—70 % [13, с. 72].

Но, фактическая продолжительность рабочего дня инженеров, техников и руководителей угольной промышленности в 1965—1985 гг. была в 1,3—1,5 раза больше, чем разрешено трудовым законодательством. Так, в 1960-е гг. начальник участка шахты № 1 им. Челюскинцев Деревяноко работал в среднем 13—14 часов, а Самофалов по 11—12 часов в сутки [4, с. 10]. В других отраслях тяжелой промышленности, кроме машиностроения, продолжительность рабочего дня была практически равной работе инженерно-технических работников на шахтах. Проведенные в 1983 г. исследования структуры затрат рабочего времени руководящих работников промышленных предприятий Донбасса установили, что средняя продолжительность рабочего дня инженера, техника и руководителя немного сократилась и составляла около 10,5 часа [1, с. 147].

Так, увеличить свободное время, отведенное для досуга, было возможным только за счет сокращения внерабочего времени, связанного с дополнительными заданиями и домашним трудом. Это, главным образом, касалось инженерно-технических работников мужского пола, которые могли не заниматься хозяйственными делами. Работа по дому была в основном трудом женщин, поэтому у ИТР женского пола практически не было свободного времени для досуга.

Приготовление пищи и связанные с этим занятия требовали от женщин времени. Равенства в этом деле фактически не было. Кухонной работой занималось до 95 % женщин, они проводили на кухне более трети внерабочего времени. Важное место среди занятий женщин занимали стирка, ремонт, чистка одежды, белья,

обуви. Ремонт мебели, предметов домашнего обихода, кухонной утвари, бытовых приборов, жилых и подсобных помещений считался исключительно «мужским делом». Инженерно-технические работники, которые жили в собственных домах в средних и малых городках Донбасса, обязательно имели приусадебный участок и собственное хозяйство. В тоже время, наиболее времезатратным и бесполезным занятием в быту семей инженерно-технических работников было посещение магазинов и рынков. Занятие это было практически ежедневным и отнимало у женщин до 6 часов, а у мужчин — 3 часа в неделю [10, с. 230].

Итогом было то, что инженерно-технические работники женского пола, которые имели семью и детей, практически не имели свободного времени на досуг, фактически все свое время они уделяли ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей. Мужчины имели по сравнению с ними больше свободного времени для досуга, у них часто было хобби, время на встречи с товарищами, чтение книг, просмотр телевизора и т. д.

Просмотр телепередач, чтение газет и книг были главной формой проведения досуга инженерно-технических работников Донбасса 1965—1985 гг. В 1963—1966 гг. научно-исследовательским отделом библиотековедения ГБЛ (Государственной библиотеки имени В. Ленина) было проведено централизованное изучение читательских предпочтений ведущих социальных и профессиональных категорий всего населения СССР. По результатам исследования, среди инженерно-технических работников 78—80 % в свое свободное время читали книжки. В собственности семьи инженеров в среднем находилось до 120 книг [19, с. 55—57]. Эти данные характерны и для ИТР Донбасса. Многие респонденты, среди инженерно-технической интеллигенции Донбасса при сборе автором устной истории, отвечали, что основной формой досуга для них было чтение и просмотр телепередач.

В группе «рабочие и инженеры» основное место среди читательских предпочтений занимала советская художественная литература. Авторы, которые были наиболее популярны среди ИТР — М. Шолохов, В. Лацис, М. Горький, К. Симонов, А. Фадеев, А. Толстой, Н. Островский, К. Паустовский. Лучшими произведениями инженерно-технические работники считали «Живые и Мертвые», «Солдатами не рождаются» К. Симонова, «Брестская крепость» С. Смирнова, трилогия «подполковник медицинской службы», «Дело, которому ты служишь», «Дорогой, мой человек» Ю. Германа.

Кроме того, 69 % инженерно-технических работников указали, что регулярно читали литературно-художественные журналы. Наиболее

популярными были журналы — «Юность», «Нева», «Знамя», «Москва», «Октябрь», «Молодая Гвардия», «Новый мир», «Звезда» и др. [18, с. 130].

Работники крупных предприятий были активными подписчиками периодики. Это дело трудно назвать добровольным. Каждый работник должен был выписывать хотя бы одну центральную государственную газету. На шахте «Добропольская» в 1960-е—1985 гг. все ИТР, члены Коммунистической партии, обязательно должны были выписывать газету «Правда». Наиболее популярными и читаемыми были такие издания как «Правда», «Правда Украины», «Труд», «Социалистический Донбасс» [12, с. 322].

Среди телепередач популярными у инженерно-технических работников были научно-популярные, развлекательные программы, просмотр спортивных матчей и т. д. Многие ИТР увлекались радио, собственноручно собирали приемники и слушали по ним радиотрансляции.

Прогулки, занятия спортом, посещение зрелищных мероприятий, выезды на природу были второстепенной формой проведения досуга. Такой вид отдыха был очень популярен среди инженерно-технических работников, которые не имели семьи и детей. В объединении «Ворошиловградуголь» проводились массовые регулярные выезды на берег Северского Донца, Лутугинского, Исаакиевского и Чернуховского водохранилищ. Молодые специалисты, которые недавно закончили учебные заведения, были увлечены туризмом по СССР [6, с. 10—12].

Центром досуга инженерно-технических работников в городах были клубы, где проходили лекции, торжественные собрания, выступления артистов и другие мероприятия. Кроме того, при клубах и домах культуры действовали различные кружки, библиотеки. Но, в большинстве случаев, клубы в шахтерских городах Донбасса имели слабую материальную базу.

Некоторые инженерно-технические работники с удовольствием принимали участие в кружках художественной самодеятельности. Так, в 1966 г. в Кировске был создан шахтерский мужской вокальный ансамбль. При дворце культуры в поселке Горном действовал шахтерский ансамбль песни и танца [13, с. 74].

Очень популярным среди населения, в том числе и ИТР, было киноискусство. В конце 1970-х гг. кинотеатры, а также дворцы культуры и клубы, где были кинозалы, посещали 92,8 % работников угольной промышленности 1 раз в месяц, 17,1 % — 3—4 раза, более 4 раз — 9,9 %, иногда посещали — 26,2 % [13, с. 75]. Кинотеатры привлекали к себе зрителей доступностью билетов и репертуаром фильмов, с понятными и знакомыми сюжетами. Самыми любимыми

фильмами ИТР были «Большая жизнь», «Шахтеры», «Кавалер золотой звезды» и т. д. Большой популярностью также пользовались комедии.

В летнее время инженеры и техники посещали городские парки, где проходили различные развлекательные мероприятия. В парках отдыха действовали танцевальные площадки, летние кинотеатры, аттракционы, выступали лекторы. Предприятиями для своих работников специально обустроивались места для отдыха. На территории жилого массива Донецкого завода химических реактивов в 1980-е гг. находился Дворец культуры, летний парк с оборудованным пляжем, профилакторий, в котором ежегодно улучшали состояние здоровья до 600 работающих. Кроме того, предприятие имело загородную базу отдыха на берегу Азовского моря и пионерский лагерь в лесу возле села Мымрики [20].

Досуг инженерно-техническим работникам, живущих в общежитиях, пытались организовать в «красных уголках». Они должны были быть оборудованы телевизорами, радиоприемниками, библиотекой. Но, как и в клубах, материально-технические средства для интересного проведения досуга практически отсутствовали.

Партийные и государственные структуры пытались уделять внимание развитию физической культуры и спорта среди инженерных работников. Эти меры должны были улучшить общее состояние здоровья и выносливость инженеров, без которых было невозможно работать в среднем по 10 часов в сутки.

В объединении «Ворошиловградуголь» контроль за развитием физической культуры и спорта осуществлял Совет обороноспособности, спортивной и массовой работы. Количество физкультурников на предприятиях объединения составила 2180 человек, что составляло 46 % от общего числа работающих, большинство из которых были, непосредственно, инженерами и техниками. В объединении действовало 87 спортивных секций, наиболее популярными были по футболу, баскетболу, волейболу и т. д. Под руководством и по инициативе инженеров на предприятиях была введена производственная гимнастика [6, с. 12].

Хотя деньги, предназначавшиеся для развития спорта, часто шли не по своему основному назначению. Так, на культурно-массовую и физическую работу с сотрудниками на Стахановском заводе ферросплавов в 1983 г. было потрачено 10 тыс. руб., хотя по предыдущий смете предполагалось — 15 тыс. руб. [7, с. 30]

Средства, которые выделялись государством, лишь частично направлялись на развитие спортивной инфраструктуры на предприятиях. Большинство культурно-спортивных мероприятий, и связанных

с ними материальных затрат, только декларировалась на бумаге и не воплощалось в жизнь.

Во внерабочее время был распространен, так называемый, «трудовой досуг». В свободное от работы время инженеры и техники участвовали в субботниках: убирали прилегающую к предприятиям территорию, высаживали деревья, участвовали в строительстве в пользу предприятия. Некоторые из ИТР принимали участие в отрядах дружинников.

Из вышеперечисленного становится ясно, что ИТР Донбасса имели небольшой выбор форм проведения своего свободного времени. Это приводило к возникновению в их среде пьянства, которое становилось распространенным явлением. Так, на Авдеевском коксохимическом заводе, на протяжении 1975 г. из 521 ИТР, 162 получили дисциплинарные выговоры за пьянство. На предприятии для борьбы с этой пагубной привычкой стала выходить многотиражная газета «Пьянству бой» [3, с. 10].

Таким образом, нами были рассмотрены основные формы проведения досуга инженерно-техническими работниками Донбасса (1965—1985 гг.). Следует отметить, что выбор форм проведения досуга был достаточно ограниченным, провинциальные клубы, дома культуры и спортивные секции не имели достаточной материально-технической базы, свободного времени для полноценного досуга не хватало. А коллективные выезды в областные центры на спектакли или концерты были нечастыми, билеты туда преимущественно доставались передовикам производства и рабочим, а не ИТР. Для инженерно-технических работников главной формой досуга в 1965—1985 гг. был просмотр телепередач, чтение книг, журналов. Такой способ восстановления сил не способствовал активизации творческого потенциала инженерного корпуса, которые к началу 1980-х гг. из востребованной творческой профессии превратились в простых распорядителей производства.

Список литературы:

1. Буждежан А.В. Чорна металургія Донбасу у 1950—1980-ті рр. XX ст.: дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / Артем Володимирович Буждежан. — Донецьк, 2008. — 286 с.
2. Герасимова М.С. Дозвілля у повсякденному житті населення Донбасу в 1945—1953 рр. / М.С. Герасимова // Нові сторінки історії Донбасу: зб. ст. / редкол.: З.Г. Лихолобова (голов. ред.) та ін. — Донецьк, 2007. — Кн. 13/14. — с. 218—235.
3. Государственный архив Днепропетровской обл., ф. 4243, оп. 4, д. 4913, 148 стр.

4. Государственный архив Донецкой обл., ф.р. 2689. оп. 1, д. 2146, 103 стр.
5. Государственный архив Луганской обл., ф.р. 13, оп. 3, д. 145, 142 стр.
6. Государственный архив Луганской обл., ф.р. 2838, оп. 1, д. 420, 12 стр.
7. Государственный архив Луганской обл., ф.р. 2846, оп. 1, д. 837, 113 стр.
8. Данилин А. Материальное положение шахтеров и их семей в 1950 — первой половине 1960 гг. / А. Данилин // *Нові сторінки історії Донбасу: ст. / [редкол.: З.Г. Лихолобова (голов. ред.) та ін.]. — Донецьк, 1999. — Кн. 7. — с. 160—174.*
9. Донецкая область за 70 лет: Ст. сборник / Сост. Р.Г. Виленчук, А.С. Воробьев, Я.И. Гонтарь. — Донецк, 1987. — 251 с.
10. Измайлова К.В. Хатне господарство шахтарських родин Донбасу / К.В. Измайлова // *Вісник Луганського університету імені Т. Шевченка. Серія «Історичні науки», під. ред. д.і.н., проф. М.С. Бурьяна. — № 23 (210). — грудень 2010 р. — с. 228—234.*
11. Коваленко П.С. Развитие городов / П.С. Коваленко. — К.: Наук. думка, 1980. — 299 с.
12. Кузіна К.В. Побут гірників України у 1960—1980-х рр. ХХ століття (на прикладі шахти «Добропільська» Донецької області) / К.В. Кузіна // *Історичні і політологічні дослідження. — 2007. — № 1/2 (31/32). — с. 319—323.*
13. Кузіна К.В. Проблеми культури та дозвілля у повсякденному житті населення шахтарських міст Донбасу (1950—1980-ті рр.) / К.В. Кузіна // *Нові сторінки історії Донбасу. — Кн. 19. — Донецьк: ДонНУ, 2010. — с. 72—78.*
14. Курносів Ю.О. Соціально-політичний розвиток УРСР (середина 1960-х — початок 1980-х рр.). I частина / Ю.О. Курносів // *Український історичний журнал. — 1990. — № 5. — с. 79—86.*
15. Курносів Ю.О. Соціально-політичний розвиток УРСР (середина 1960-х — початок 1980-х рр.). II частина / Ю.О. Курносів // *Український історичний журнал. — 1990. — № 6. — С. 101—108.*
16. Лихолобова З.Г. Проблемы технического развития угольной промышленности (середина 1960—1985 гг.) // *Нові сторінки історії Донбасу: ст. / голов. ред. З.Г. Лихолобова; Донец. держ. ун-т. — Донецьк, 1998. — Кн. 6. — с. 231—242.*
17. Приходько М.П. Житло робітників Донбасу: процес виникнення і розвитку робітничих поселень / М.П. Приходько. — К.: Наук. думка, 1964. — 108 с.
18. Сидорова Г.П. Массовая литература и читательские предпочтения 1960-х — начала 1980-х гг. / Г.П. Сидорова // *Социологические исследования. — 2011. — № 2. — с. 128—136.*
19. Сидорова Г.П. Советская хозяйственная культура повседневности в массовой художественной литературе 1960—1980-х гг.: ценностный аспект / Г.П. Сидорова. — Ульяновск: УлГТУ, 2011. — 302 с.
20. Этапы становления // *За коммунистический труд (орган Луганского машиностроительного завода). — Луганск. — 1976. — 17 сентября.*

**ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ АКТРИСА
КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ
ГЛИКЕРИЯ ФЕДОТОВА
В ТЕАТРАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КРЫМА**

Шендрикова Снежана Павловна

канд. ист. наук, доцент ТНУ,

г. Симферополь

E-mail: snezhnashendrikova@rambler.ru

История театра в Крыму очень богата гастрольными спектаклями столичных знаменитостей. В разное время здесь побывали со своими лучшими постановками М. Щепкин, М. Савина, П. Орленев и другие прославленные актеры. В 1894 году с лучшими своими работами в Симферополе, Севастополе, Феодосии и Ялте побывала Гликерия Николаевна Федотова. В 1906 году, пребывая на лечении в Саках, она тоже выступала перед крымчанами.

Крымским сюжетам в творческой судьбе Г.Н. Федотовой посвящена данная научная публикация.

В разное время творчество Г. Федотовой занимались Н.М. Павлов (подготовил первый очерк об актрисе, приуроченный её 25-летний сценической деятельности), Георг Гоян (издал монографию, посвященную жизни и творчеству Федотовой), Людмила Касьяненко (неоднократно упоминала о московской знаменитости в Крыму в своих работах).

Однако величие таланта, многогранная сценическая жизнь нам, современникам, оставили большое наследие и возможность искать и находить новые страницы в жизни и творчестве Г.Н. Федотовой.

Гликерия Николаевна Федотова родилась 10 (22) мая 1846 года в городе Орле [4, с. 435—438]. Рано осиротев (мать девочки умерла, когда она была совсем маленькой, отец погиб во время Крымской войны под Севастополем) [2, с. 11]. До шести лет Луша росла в доме своего деда, орловского чиновника В.И. Покровского. «Видится мне сам дедушка, — вспоминала Гликерия Николаевна, — бритый, с бакенбардами, во фраке со светлыми пуговицами, в старинной высокой и широкой шляпе» [1, с. 17—18]. В семилетнем возрасте девочку взяла под свою опеку, удочерив, помещица Познякова. В 1853 году приёмную дочь отдали учиться в частную немецкую школу-пансион. А в 1856 год, в девятилетнем возрасте Лукерия Познякова была зачислена в Московскую театральную

школу [5, с. 47]. Сначала девочка занималась в балетном классе, но, не смотря на столь юный возраст, будущая актриса уже тогда понимала, что больше ей по душе драма. Настойчивый и властный характер Гликерии Николаевны уже тогда проявился: «... она решительно объявила начальству о своём желании продолжать занятия в драматическом классе» [5, с. 47]. В результате этого, её зачислили в драматический класс, руководителем которого был актер Малого театра И.В. Самарин, прекрасный опытный педагог, один из учеников и последователей М.С. Щепкина. «Самарин сразу обратил внимание на талантливую ученицу. Обратил на неё внимание и Щепкин, который принял в её судьбе живейшее участие» [5, с. 47]. Девочка на каникулах жила в его доме. Артист занимался с Гликерией сценическим мастерством.

Уже в двенадцатилетнем возрасте, с 1858 года, начинающая актриса выступала на сцене Малого театра [7, с. 62—63].

В начале 1863 года (по некоторым данным в 1862 году) [4, с. 435—438]. Гликерия Познякова окончила театральную школу и была зачислена в драматическую труппу Малого театра [5, с. 47].

8 (20) апреля 1863 Гликерия Познякова вышла замуж за актера Александра Филипповича Федотова. Она приняла фамилию мужа и с этого момента до своего последнего выхода на сцену, выступала как Федотова [1, с. 75].

С 1870 года Гликерия Николаевна систематически выезжала на гастроли. Актриса объехала почти всю Россию. За гастрольные годы она успела побывать в 81(!) городе Российской Империи [6, с. 191—192].

Крым, к сожалению, не может похвастать постоянными или длительными гастролями Г.Н. Федотовой. И вместе с тем, в 1894 году известная русская актриса побывала летом в четырех крымских городах со своими спектаклями. Начиная с 12 июня она дала 5 спектаклей в Севастополе: 12 числа — «Цепи», 14 числа — «Преступница», 16 числа — «Счастливец», 17 числа — «Тетя Лиза», 19 числа — «Вторая молодость» [1, с. 378].

Следующим крымским городом на пути странствующей актрисы был Симферополь. Спектакли начались 21 июня пьесой А. Сумбатова «Цепи». 23 июня актриса играла в «Счастливец» В. Немировича, 24 июня симферопольцы могли посмотреть «Преступницу» Г. Вильде. «Вторая молодость» П. Неvejeина с участием Г. Федотовой шла 26 июня. 3 июня был дан спектакль «Тетя Лиза» по пьесе В. Ландау-Крымова и три пьесы А. Островского. Любимого отечественного драматурга Г.Н. Федотова представила симферопольцам: 29 июня —

«Василису Мелентьеву», 1 июня — «Грозу» и 5 июля — «Без вины виноватых» [5, с. 379].

По мнению краеведа Л. Касьяненко «именно «Гроза» стала самой большой сенсацией симферопольских гастролей Федотовой. Этой работе актрисы было посвящено большинство отзывов» [2, с. 13].

Симферопольцы настолько были потрясены высоким искусством московской актрисы, что через двадцать шесть лет, вспоминая и отмечая это событие, журнал «Артист» писал о Федотовой в роли Мелентьевой: «...с каким мастерством передаёт актриса малейшие изгибы разнообразных свойств богатой натуры Василисы. Федотова... сливается настолько полно с изображаемым лицом, что является действительно живым образом...» [3, с. 15].

В Феодосии Гликерия Николаевна с 7 по 12 июля показала четыре спектакля («Цепи», «Преступница», «Вторая молодость», «Василиса Мелентьева»).

Завершала свои крымские гастроли Федотова в Ялте в августе 1894 г. Здесь ею было представлено шесть спектаклей: 10 числа — «Преступница», 11 числа — «Без вины виноватые», 12 числа — «Цепи», 15 числа — «Вторая молодость», 16 числа — «Василиса Мелентьева», 18 числа — «Гроза».

Журнал «Артист» за 1894 год в «Провинциальной хронике» напечатал заметку о ялтинских гастролях Г. Федотовой: «Ялта. Здесь закончились гастроли Г.Н. Федотовой, совершившей с товариществом под управлением С.Н. Новикова артистическую поездку по портовым городам Черного и Азовского морей. Товарищество, за всеми расходами и уплатою разовых гастролёрше, получила по 80 коп. на рубль, что надо признать очень хорошим результатом» [8, с. 256].

Насыщенный гастрольный график и постоянные переезды подорвали здоровье Г. Федотовой. Тяжелый недуг отнял актрису у сцены, но привел снова на крымскую землю. В мае 1906 года Федотова, находясь в так называемой «потельне» Сакской грязелечебницы, написала письмо своему другу, актеру М.И. Лаврову: «Получила невыносимую болезнь: — на нервной почве — подагра, на подагрической — неврит с ревматическими осложнениями; года четыре болезнь всё усиливалась, и дошло до того, что я уже совсем лишилась ног, возят в кресле» [1, с. 242]. Это письмо датировано 12-м мая 1906 года.

Здесь, в Крыму, находясь в грязелечебнице, сидя в инвалидном кресле, Федотова все же устраивала театрально-литературные вечера, на которых медперсоналу и больным читала отрывки из своих монологов: «Собралось человек триста. Впереди два-три ряда стульев,

остальное — больничные кровати. Кое-где между рядов — кресла на колёсах. В них — больные, которые не могут ходить.

Вместо сцены — простой столик, за которым, тоже в кресле, с двумя большими колёсами по бокам, сидит Гликерия Николаевна.

Её черное платье резко выделяется на белом фоне больничной стены... Два стакана с... букетами заменяют кулисы, две стеариновые свечи — рампу...

Одна за другой проходят сцены ... В зале слёзы ... Аплодисментам нет конца ... Все желают здоровья, возвращения на сцену. Гликерия Николаевна в восторге. «Милые мои, милые!» — только и слышится её обычное приветствие» [1, с. 241]. В течение всего пребывания на курорте Федотова устраивала в зале лечебницы творческие вечера для всех желающих.

Гликерия Николаевна Федотова выступила на сцене в последний раз в своей жизни в 1912 году 8 января по случаю 50-летия своей сценической деятельности. В преддверии юбилейных торжеств, на афише Малого театра красным цветом было написано: «Заслуженная артистка Императорских театров Г.Н. Федотова». Цветы, поздравительные адреса, заметки в газетах — заполнили жизнь актрисы в эти дни. В зрительном зале её родного театра собрался весь цвет московской интеллигенции: журналисты, ученые, писатели, артисты. «Юбилейный спектакль, — как пишет Г. Гоян, — имел ... целью оказать материальную поддержку больной артистке: сбор дал по тем временам очень крупную сумму — 20000 рублей» [1, с. 254].

В 1924 году правительство Российской Федерации присвоило Г.Н. Федотовой звание Народной артистки республики, а в 1925 — удостоило её звания Героя труда [4, с. 435—438]. Однако, в одной из газет «Известия» ЦИК СССР в феврале 1925 года была напечатана траурная заметка «о кончине 27 февраля в 1 час 25 минут дня народной артистки республики, заслуженной артистки государственных академических театров Гликерии Николаевны Федотовой» [1, с. 275].

Подводя итоги, нужно сказать, что Гликерия Николаевна Федотова отдала театральному искусству всю себя. Благодаря ежегодным гастрольным поездкам к искусству великой актрисы могли прикоснуться провинциальные зрительные залы. Помнит и гордится этим и сегодняшний Крым.

Список литературы:

1. Гоян Г. Гликерия Федотова. Жизнь и творчество великой русской артистки: монография. М.: Искусство, 1940. — 400 с.
2. Касьяненко Л.Г. Храм Мельпомены. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2007. — 88 с.
3. Касьяненко Л.Г. Храм Мельпомены — 2. Симферополь: Доля, 2010. — 128 с.
4. Марков П.А. Театральная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1967. — 1136 с.
5. Мильвидская Т.Н. Памятные даты. Г.Н. Федотова (к 125-летию со дня рождения) // Среднее специальное образование. — 1971. — № 4. — С. 47—49.
6. Провинциальная хроника // Артист. — 1890. — книга 7. — С. 191—192.
7. Провинциальная хроника // Театрал. — 1895. — № 19. — С. 62—63.
8. Провинция // Артист. — 1894. — № 41. — С. 256.

4.3. ЭТНОЛОГИЯ

«ВСЯ СЕМЬЯ НА МУЗЫКУ ИГРАЛИ НА ВСЯКИЕ»: СКРИПИЧНОЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВО НА ДОНУ

Пальгов Сергей Юрьевич

*канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой музыкального фольклора
и этнографии ВИИ им. П.А. Серебрякова, г. Волгоград
E-mail: palgov@yandex.ru*

Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка — важная составная часть музыкальной культуры каждого народа. Они тесно связаны с материальной и духовной культурой, историей этноса. Будучи специфической формой отражения мировоззрения, художественных вкусов народа, инструментальная музыка сформировалась в самобытное эстетическое явление, представляющее значительный интерес для исследователей народного художественного творчества. Наличие тех или иных музыкальных инструментов позволяет судить об исторических контактах местного населения.

По русской скрипичной игре существует обширная литература [3; 4; 7; 8; 9; 11; 12; 13]. Рассматриваемый смычковый инструмент и игра на нем были распространены в Курской, Смоленской, Брянской, Псковской областях. Это подтверждают многочисленные полевые записи, выполненные этномузыкологами московской научной школы — К.В. Квиткой, А.В. Рудневой, Б.Ф. Смирновым, Н.Л. Котиковой, Т.Н. Казанской и др. Об инструментальной культуре донского казачества в научном мире имеются не достаточно полные представления. В.А. Апраксин в своей вышедшей недавно книге [1] приводит сведения о скрипичном исполнительстве в Хоперском округе Области войска Донского (в частности в Кумылженском муниципальном районе Волгоградской области), что расширяет наши представления об инструментарии верховых казаков. В ходе многочисленных фольклорно-этнографических экспедиций в сельские населенные пункты Волгоградской, Ростовской и Астраханской областей [обследованы 31 район (из 33-х) Волгоградской, 2 — Ростовской, 2 — Астраханской областей. — П.С.] только в одном хуторе (х. Ильменский-1 Михайловского муниципального района Волгоградской области) были зафиксированы

воспоминания о скрипичном музицировании и изготовлении струнных фрикционных инструментов.

Практически всех исследователей привлекало лишь песенное творчество. И это понятно: лишь немногие из мастеров народного пения являлись знатоками традиционных инструментальных наигрышей. Овладеть техникой игры на музыкальном инструменте мог далеко не каждый музыкально одаренный человек. В то же время еще во времена царствования Александра I «в Новочеркасске песенники Атаманского полка пели на обедах у атамана. Пение сопровождала очень часто скрипка, вывезенная казаками из Италии. В скрипачах-самоучках недостатка не было» [6, с. 62]. «В первой трети XX века происходит обновление традиционной культуры. В ней появляются урбанизированные формы, которые можно отнести к досуговым. К ним относятся так называемые балы (танцевальный вечер), постепенно проникшие в станицы Области войска Донского из поместий донских дворян, залов дворянских собраний и атаманского дворца. Другое распространенное его наименование — «вечер». Балы были излюбленной формой времяпрепровождения молодежи. В отличие от «бесед», где собирались обычно женатые люди и звучали казачьи песни без сопровождения, молодежь не столько пела, сколько играла и танцевала под аккомпанемент музыкальных инструментов» [5, с. 246]. «Обычно для таких балов снимали просторную комнату, договариваясь с ее хозяйкой об оплате. На балы шли только по приглашениям, которые могли быть устными или письменными. Устраивали игры, танцы. Из музыкальных инструментов, сопровождавших балы, были гармонь, скрипка, бубен. Музыканты начинали играть танцы. Чаще других танцевали «Барыню», вальс, «Парочку» [2, с. 84].

«Обобщение полевых материалов позволило выявить типичный состав инструментальных ансамблей донской глубинки. В разных районах Дона они отличались своеобразием: гармоника, скрипка, бубен (Нижний и Верхний Дон); скрипка, «волонжа» или «басоля» (бас), бубен (Северский Донец, Верхний Дон); гармошка, 4—5 скрипок, бубен. Часто играла одна гармошка или скрипка и гармошка. Состав инструментального ансамбля варьировался в зависимости от эпохи и местных условий. Важной особенностью инструментальных ансамблей было их сходство с польскими, белорусскими и украинскими капеллами. Это проявляется как в составе, так в распределении функций: в ведущей роли струнных инструментов — скрипок и баса — и подчеркивании ритма ударными (бубен, литавры)» [5, с. 246—247].

В ходе полевой работы в поселениях Нижнего Поволжья и Подонья игру на ударных, щипковых, фрикционных и воздушных самозвучающих идиофонах, аэрофонах зафиксировать не удалось. Воспоминания о существовании на Верхнем Дону фрикционного хордофона (скрипки) и музыкальном исполнительстве на нем сохранились в памяти сельских жителей. «На зимних вечерах, а также весенне-летних праздниках, на «улице» обязательно были свои музыканты, которые бесплатно развлекали молодежь. В каждом хуторе были свои гармонисты, балалаечники, скрипачи, причем балалайки и скрипки делали сами. Игрой на скрипке и бандуре владела жившая цыганская семья Иващенко: сам хозяин Иван Григорьевич и его дети Евграф, Иван и Тимофей. Неплохим скрипачом был Трофим Гаврилович Саломатин. Вплоть до 1935 года уже при народах выступили престарелые скрипачи: Петро Васильевич Сечин, Василий Тимофеевич Мишин. С 1930 года эта музыка исчезает» [1, с. 161]. «Наступил всенародный праздник Пасха. С первого же дня Пасхи приступает к развлечениям и молодежь. На этих праздниках и музыканты с гармониями, скрипками, балалайками» [1, с. 186—187]. «Под праздник, а то и вечерами, когда мало работы, люди, особенно молодежь, собираются на «улицу». Там и скрипки, балалайки, гармонь — ох и хорошо играли. Песни, пляс — всю ночь, аж Грушев зарею стонет!» [1, с. 228]. Информатор — уроженка х. Грушева Апраксина С.Д. 1883 г.р.

Инструментальные ансамбли, в состав которых наравне с другими инструментами входила скрипка, сопровождали и обряды семейного круга. Центральным, как известно, являлся свадебный обряд с обилием разноплановых обрядовых и театрализованных действий. Мастера-инструменталисты приглашались на значимые и узловые моменты как довенечной части, так и послевенечной. Им отводилась особая роль. Солисты-инструменталисты и местные инструментальные ансамбли веселили молодежь, сопровождали танцы, аккомпанировали певцам, исполнителям традиционных песен на сговоре, на девичнике. «Танцы [на сговоре. — П.С.] происходили под балалайку и даже под оркестр, состоявший обычно из двух скрипок, дудочки и цимбалов» [2, с. 117]. «Накануне свадьбы, обычно вечером, у невесты назначается «девичник». Собираются ближние и дальние подруги, бывает, и ребята, танцуют и поют с музыкой. Музыканты — балалаечники, скрипачи, гармонисты — обычно хуторские ребята» [1, с. 168]. Скрипач вместе с родными следовал за женихом и невестой в свадебном поезде. «С песнями, музыкой свадебный кортеж на рысях мчится к дому невесты... Во дворе жениха

с невестой подводят к разным упряжкам: жених садится с дружкой, а невеста со свашкой, которая забирает икону себе. Прежде чем ехать, невеста становится на сани (или тарантас), перекрестится на восток, поклонится на все четыре стороны и заплачет — из родного дома она уходит навсегда. Упряжка трогается следом — с песнями, с гармонью, скрипкой, балалайкой под аккомпанемент бубна выезжает поезжанье. Путь — к церкви... Свадебный кортеж на рысях трогается от церкви. Опять песни, музыка, опять всякий имеет право остановить свадьбу на дороге — только после угощения спиртным открывается путь» [1, с. 169, 170, 172]. «Одно время пошёл отец к одним на свадьбу играть. День играть там, другой играть. А летнее время — дялов много. А у нас сямья — всё-таки нас было пятеро детей у матери и старая старушка. Она [мать. — П.С.] за ним пошла: «Пойдём, дед, домой, дялов много». А он: «Погоди, Манечка, ишо поиграю, повесялюся». А она на него озозлилась, взяла скрипку, повяла его домой под ручку. Вяла, вяла, он бурчит, ворочается. Она взяла этой скрипку, гокнула об землю, ногами всю потоптала. На восемнадцать частей разбила этой скрипку. Он заплакал. Гварит: *«Лучше б ты мне голову оторвала, чем ты мою музыку разбила»*. Пошёл, взял ведро, собрал щепочки. Приходить домой, плачешь, сидить: «И всё-таки надо ж её собрать. Ведь это ж мой труд, *моя любимая забава*». Начал собирать, всю собрал, склеил, заделал, покрасил, ни за что ни узнать, что она на восемнадцать частей была разбита. Опять пошёл наш отец всеялиться и по свадьбам, и скрозь. Ну и тут уж и мать погорявала опосля, что она так ему бяды такой наделала» [10]. В приведенном выше фрагменте воспоминаний как нельзя лучше показано трепетное отношение скрипача к своему любимому инструменту [текст, выделенный курсивом. — П.С.].

Игра на скрипке для скрипача, который пользовался особым почётом и уважением среди односельчан, не являлась средством для заработка. Наряду со всеми хуторскими жителями, он занимался трудовой деятельностью в местном колхозе или совхозе.

Собиратели фольклора в ходе многочисленных фольклорно-этнографических экспедиций фиксируют на аудио пленку произведения в исполнении отдельных аутентичных инструменталистов. Вопросы, связанные с изготовлением самих музыкальных инструментов, остаются «за кадром». Популярность музыкального инструмента и повышенный спрос породили кустарное скрипичное производство, которое просуществовало до 30-х годов XX в. Сведений о местных мастерах-самоучках в домашних условиях создававших инструменты у нас практически нет. Появившиеся в нашем

распоряжении документальные свидетельства кустарного изготовления струнно-смычковых инструментов в Подонье несколько восполняют этот пробел.

В прошлом, по имеющимся у нас сведениям, в х. Ильменский-1 Михайловского муниципального района жил мастер по изготовлению струнных и струнно-смычковых музыкальных инструментов: балалаек, скрипок, виолончелей — Митрофан Васильевич Марчуков. Он был единственным скрипачом в округе. Судя по предоставленным дочерью скрипичного мастера фотографиям, держали смычковый инструмент близко к профессиональному способу: на плече с участием подбородка. «Задумал сделать скрыпку. Попробовать — получится или не получится. Стал делать. Сделал замечательную скрыпку вот себе и двоюродному брату. Две скрыпки сделал. На них сам струны делал. Резали овец, из овчинных кишок вытягал такие тоненькие струночки и вот на этих струнах играл. Потом уж когда появились в магазинах, стал покупать металлические, а то играл на самоделке. С этого задумал сделать выланчель, или как её назвать попроще. Мы называли выланчель (большой такой, красивый, хороший)» [10].

На начальном этапе освоения музыкального инструмента дети раннего возраста подбирали по слуху песни, услышанные ими в исполнении взрослых певцов. При музицировании в домашней обстановке скрипку использовали в учебно-воспитательных целях. С ее помощью дети разучивали старинные народные песни. Родитель-скрипач объяснял им особенности мелодики, структуры традиционных песен. «Мине научил играть, дочку, сестру научил играть. Три брата у мене было. Он их всех понаучил. Он и я им подсказывала. Заиграю песенки, они и учатся от меня. Танцы, песни все. Мы всему, вся семья на музыку играли на всякие. Вот все музыки он исполнил, поделал» [10]. Нам не удалось узнать у дочери скрипичного мастера ни количество струн на «марчуковской» скрипке, ни ее строй.

Кустарным образом мастером был собран рояль «Рая» (возможно, фисгармония), названный им по имени жены. «Задумал он сделать рояль. Он ее назвал Рая, по-своему. Большая она, с метр шириной, в квадрате с метр. Ходил на речку (от нас речка семь километров), он набирал ракушек, из них выпиливал клапана как пуговицы красивые: и золотистые там, и беленькие, и серебристые, разноцветные, шестьдесят штук в этой его в рояле. И нанизу у него были два ишо нажима. Они тоже повторяли, когда он играет на своих клапанах. Замечательной, такой мелодичный тон, что невозможно хороший какой. И вторили ему там басы, два баса вторили.

А если на скрипку играть, то одни басы яму вторили, тогда ж он на клапана не исполняет» [10].

Инструментальный репертуар донских скрипачей состоял из свадебных и плясовых наигрышей, бытовых танцев, традиционных, современных, военных песен периода Великой Отечественной войны. «А исполнял всякие вальсы, «Катюшу», песни всякие, иной раз и сам подпоёт. Отец был очень музыкальный у нас человек» [10].

Появление в первой половине XX в. гармоники, ее быстрое распространение среди казачества, простота в освоении игры привело к вытеснению скрипки из музыкального быта. Во второй половине XX в. скрипки, виолончели исчезли из музыкального быта казаков. В настоящее время редко можно встретить и балалаечников. Кустарное производство струнно-смычковых музыкальных инструментов на Верхнем Доне ушло в прошлое. Как важнейший атрибут свадебного действа скрипка вместе с изменением, упрощением обряда в наши дни утратила свое главное назначение и исчезла из музыкального обихода казачества Дона.

Инструментальное наследие донского казачества как специфическая форма отражения истории, мировоззрения, художественного сознания и быта народа, представляет значительный интерес для науки и является актуальной темой будущих исследований.

Список литературы:

1. Апраксин В.А. Казачья старина. Очерки. — Волгоград: Издатель, 2010. — 256 с.
2. Астапенко Г.Д. Быт, обычаи, обряды и праздники донских казаков XVII—XX вв. — Батайск: Батайское книжное издательство, 2002. — 229 с., илл.
3. Казанская Т.Н. О традиционном искусстве народных скрипачей Смоленщины / Музыкальный фольклор. Труды ГМПИ им. Гнесиных. Сост. В.И. Харьков. Вып. XV. — М., 1974. С. 79—111.
4. Казанская Т.Н. Традиции народного скрипичного искусства Смоленской области / Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка: Сб. ст. и материалов: В 2 ч. // Сост. И.В. Мацневский; под общ. ред. Е.В. Гиппиуса. Ч. 2. — М.: Сов. композитор, 1988. С. 78—106.
5. Казачий Дон: Пять веков воинской славы. — М.: Яуза, Эксмо, 2010. — 416 с.
6. Картины былого Тихого Дона. Краткий очерк истории войска Донского. Т. 2. — М.: Граница, 1992. — 224 с.
7. Квитка К.В. Избранные труды: В 2 т. / Сост. В.Л. Гошовский. — М.: Сов. композитор, 1971. Т. 1. — 384 с.

8. Квитка К.В. Избранные труды: В 2 т. / Сост. В.Л. Гошовский. — М.: Сов. композитор, 1973. Т. 2. — 423 с.
9. Котикова Н.Л. Народные песни Псковской области / Под общ. ред. С.В. Аксюка. М.: Музыка, 1966. — 371 с. с нот.
10. Полевая запись автора в июле 1989 г. Х. Ильменский-Г Михайловского муниципального района Волгоградской области. Информатор — дочь М.В. Марчукова Еремина Анастасия Митрофановна 1907—2006 гг.
11. Руднева А.В. Курские танки и карагоды: Таночные и карагодные песни и инструментальные танцевальные пьесы. — М.: Сов. композитор, 1975. — 309 с., 16 л. ил.
12. Смирнов Б.Ф. Народные скрипичные наигрыши, записанные на родине М.И. Глинки / Под общ. ред. С.В. Аксюка. — М.: Сов. композитор, 1961. — 80 с.: нот.
13. Ямпольский И.М. Русское скрипичное искусство: очерки и материалы. Том 1. — М.-Л.: Музгиз, 1951. — 516 с. с илл. и нот.

ОПТИМИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УКРАИНСКОГО ИНСТИТУТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Чуприй Леонид Васильевич

*канд. филос. наук, доцент НИСИ,
г. Киев*

E-mail: chupriy2006@ukr.net

Существенным фактором общественной консолидации и объединения нации вокруг общезначимых стратегических приоритетов гуманитарного развития может стать выработка совместных объективных оценок прошлого. Одним из инструментов выполнения этой цели должны стать соответствующие государственные институты, в частности Украинский институт национальной памяти. Институт должен осуществлять координацию деятельности государственных структур по формированию и реализации государственной политики памяти, реализовывать совместные проекты с неправительственными организациями.

Однако, на пути реализации его задач стоит ряд вызовов, ответ на которые требует поиска средств для оптимизации и повышения

эффективности его работы. В этом контексте важным является изучение успешной деятельности соответствующих зарубежных структур, в частности Института национальной памяти Польши и Центра исследований геноцида и сопротивления Литвы.

В Украине потребность по созданию института, который должен координировать исследования и деятельность по вопросам формирования исторической памяти, существовала с 90-х годов прошлого века. Когда в Украине происходили проблемы переосмысления национальной истории и открывались неизвестные страницы исторического прошлого, с особой остротой возникла проблема ликвидации «белых пятен» истории, опровержения предыдущих исторических стереотипов и мифологем. Процесс присвоения истории нуждался и нуждается в четко сформулированной государственной политике, способствующей налаживанию адекватной коммуникации с обществом путем донесения объективной информации о реалиях отечественной истории и направленной на достижение общественной и политической консолидации с целью уменьшения негативных последствий культурно-цивилизационного разлома, которой существует в Украине.

Вначале в 90-х прошлого столетия в Украине был зарегистрирован Институт геноцида, однако концепция его деятельности так и не была должным образом выработана. Потребность в этом особенно артикулировалась после негативных общественных последствий избирательной кампании 2004 года, когда политические силы манипулировали вопросами отечественной истории и фактически способствовали актуализации темы региональных расколов, подчеркивали наличие противоположных общественно-политических ценностей и геополитических ориентаций в разных регионах. Возникла фактическая потребность не только продолжать процесс присвоения украинской истории, но и реабилитировать общество от актуализированных мифологем и навязанных и ретранслируемых некоторыми политиками отрицательных стереотипов.

В мае 2005 г. по поручению Президента Украины в Секретариате Президента Украины была создана рабочая группа для наработки проекта Указа Президента о создании Украинского института Национальной памяти (УИНП). УИНП был создан согласно Указа Президента Украины № 1087/2005 от 11 июля 2005 «О дополнительных мерах по увековечению памяти жертв политических репрессий и голодоморов в Украине» [3].

Согласно Постановлению Кабинета Министров Украины № 764 от 31 мая 2006 Украинский институт национальной памяти (УИНП)

создан как центральный орган исполнительной власти со специальным статусом, деятельность которого направляется и координируется Кабинетом Министров Украины. Украинский институт национальной памяти является специально уполномоченным центральным органом исполнительной власти в сфере восстановления и сохранения национальной памяти Украинского народа. Постановлением Кабинета Министров Украины № 927 от 5 июля 2006 «Об утверждении Положения об Украинском институте национальной памяти» [2] были утверждены организационные и структурные аспекты функционирования института. Согласно Положению, Институт разрабатывает и представляет предложения по формированию и реализации государственной политики относительно: восстановления объективной и справедливой истории Украинского народа; пропаганды древности украинской нации и ее языка, изучения творческого наследия лучших представителей украинской нации в сфере политики, культуры, образования, науки и техники, военного искусства.

Финансирование УИИП определены Закон Украины № 376-V от 28.11.2006 г. «О Голодоморе 1932—1933 годов в Украине» [1], согласно которому он содержится за счет средств государственного бюджета как специальный уполномоченный центральный орган исполнительной власти в сфере восстановления и сохранения национальной памяти Украинского народа. Некоторое время УИИП был финансово подчинен Государственному комитету архивов, что создавало трудности в планировании работы института. До 2007 г. бюджетное финансирование УИИП практически отсутствовало. Первые мероприятия УИИП, в частности проект закона о признании Голодомора геноцидом украинского народа были подготовлены на общественных началах. При формировании государственного бюджета на 2007 г. институтом был подан запрос на финансирование в размере 15 млн. грн. Бюджетный комитет запланировал выделить 5,8 млн. грн., но потом снизил эту сумму до 2 млн. грн. В центральном аппарате УИИП должно работать 105 человек, но выделенных бюджетом средств хватило лишь на финансирование работы 35 сотрудников. Только в 2008 году произошли положительные изменения в плане финансирования, в частности Кабинет Министров Украины выделил Института национальной памяти 60 миллионов гривен для завершения работ по сооружению первой очереди Мемориального комплекса памяти жертв Голодомора в Украине. В данное время финансирование института происходит в полном объеме.

Украинский институт национальной памяти имеет четыре основные структурные подразделения. Департамент формирование

политики национальной памяти и исторического анализа отвечает за формирование и реализацию государственной политики в сфере восстановления и сохранения национальной памяти Украинского народа и обеспечения всестороннего изучения этапов борьбы за восстановление государственности Украины в XX веке. Управления аналитически-информационного и организационного обеспечения осуществляет проведение экспертиз, научных конференций, выставок, издательских и других мероприятий по обеспечению функционирования института.

Управление мемориалов, музеев и заповедников обеспечивает планирование и организацию деятельности мемориалов, музеев и заповедников, которые подчинены институту. Государственная межведомственная комиссия по делам увековечения памяти жертв войны и политических репрессий осуществляет поиск и благоустройство захоронений жертв войны и политических репрессий.

Подводя итоги, следует отметить, что Украинский институт национальной памяти направляет свои усилия на реализацию государственной политики памяти. Но также следует отметить ряд проблем, которые затрудняют реализацию потенциалу Украинского института национальной памяти в сфере сохранения и формирования национальной памяти:

1. Несовершенство законодательства. В парламенте должен быть одобрен закон об Украинском институте национальной памяти, который бы четко определял статус института, делал его независимым от действующей исполнительной власти и назначал главным распорядителем бюджетных средств. Председатель Института должен по представлению Президента Украины утверждаться Верховной Радой Украины.

2. Отсутствие широкой региональной сети представительств УИМП (на данный момент институт имеет своих представителей в Сумах и Чернигове), которые бы на местах осуществляли мониторинг соответствующих проблем и проводили координацию деятельности государственных структур по реализации государственной политики памяти. Для сравнения — Институт национальной памяти Польши имеет десять отделов в регионах, еще в восьми городах действуют представительства.

3. Отсутствие современной издательской базы УИМП, которая должна была бы обеспечивать издание научных изданий института и соответствующих журналов. Сейчас Украинский институт национальной памяти имеет только один собственный журнал «Современность». Для сравнения: Институт национальной памяти

Польша выпускает три собственных журналы, в частности журналы «Бюллетень Института национальной памяти Польши», «Память и справедливость», «Аппарат репрессий в Польской людю». Центр исследования геноцида и сопротивления жителей Литвы издает журнал «Геноцид и сопротивление».

4. Недостаточно налажено сотрудничество Центрального архива национальной памяти с украинскими архивохранилищами и архивохранилищами других стран, в частности с Государственным архивом Российской Федерации, Центральным архивом Федеральной службы безопасности России, архивными учреждениями США, Канады, Германии, Польши, Франции и т.д.

5. Недостаточный уровень популяризации деятельности УИМП в отечественных СМИ. Среди печатных СМИ лишь некоторые помещают статьи и материалы о деятельности Института (среди них — «Современность», «День», «Зеркало недели», «Без цензуры», «Украина молодая»). На ведущих телеканалах и на радио представлено незначительное количество сюжетов о его работе.

На современном этапе формирования отечественной исторической памяти усилия и власти и общественности должны быть направлены на решение этих проблем и превращения Украинского института исторической памяти в главный координационный центр по сохранению и популяризацию исторической памяти украинцев.

Список литературы:

1. Закон Украины № 376-V от 28.11.2006 г. «О Голодоморе 1932—1933 годов в Украине» // Официальное Интернет-представительство Президента Украины [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.president.gov.ua/ru/documents/5280.html>.
2. Постановление Кабинета Министров Украины № 927 от 5 июля 2006. «Об утверждении Положения об Украинском институте национальной памяти» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.president.gov.ua/ru/content/golodomor75>.
3. Указ Президента Украины № 1087/2005. «О дополнительных мерах по увековечению памяти жертв политических репрессий и голодоморов в Украине» // Официальное Интернет-представительство Президента Украины [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.president.gov.ua/ru/documents/2982.html>.

4.4. ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТКАНИ ПАРИНД

Иброхимов Муродали Файзалиевич

*канд. ист. наук, доцент Технологического университета
Таджикистана, г. Душанбе
E-mail: murodali_f@list.ru*

Упоминания о весьма популярной в прошлом ткани *паринд* можно встретить в письменных источниках, охватывающих значительный хронологический период: от VII века до начала XX. В средневековых словарях на персидском языке («Бурхони коте'», «Гияс-ул-лугот» и др.) дается одинаковое определение этого вида текстиля — она представляла собой «шелковую материю простого тканья» [5, т. 1, с. 162; т. 2, с. 100; 7, с. 171; 12, с. 139]. Другими словами, эта материя не содержала тканый орнамент и не может быть причислена к группе камчатных тканей. Особенностью последних является наличие сложного узора, выполненного в технике изменения переплетения на различных участках ткани, с варьированием цвета нитей или без него. Вероятнее всего, *паринд* представляла собой одноцветную ткань без тканого узора, которая могла быть белой, зеленой, красной или другой расцветки. Цвет материя приобретала за счет ткачества уже окрашенных нитей или путем гладкой окраски после тканья.

Иного мнения придерживаются исследователи, принимавшие непосредственное участие в исследовании шелков VII—VIII вв., обнаруженных на горе Муг (А.М. Беленицкий, И.Б. Бентович, В.А. Лившиц и А.А. Гаврилова). Здесь были обнаружены девять фрагментов узорчатых шелковых тканей с затканым орнаментом. В них участки фона и узора исполнены разными переплетениями, узор по какому-нибудь фону (синему, фисташковому, пурпурному, зеленому, белому) выткан нитями другого цвета или той же расцветки, что и в фоне. Так, фрагмент размером 9,5×8 см, который составлял часть мешочка, будучи одноцветным (фисташковым), содержит крупный орнамент: на полотняном фоне материи выполнен орнаментом, вытканый четырехремизным саржевым переплетением. Материя оформлена узорами растительного характера, между которыми располагаются крупные медальоны, образованные двумя рядами «перлов» в виде овалов.

Реставраторы предположили, что внутри медальонов был зеркально построенный узор, состоящий из двух фигур драконов, между которыми находилась декоративная полоса из ряда «перлов». Основываясь на упоминаниях названия ткани в мугских документах, а также в хронике Табари, упомянутые исследователи предполагают, что эти находки могут быть образцами ткани *паринд* [3, с. 114—115; 4, с. 31].

Примерно того же мнения придерживается и археолог В.Б. Хенинг, который считает, что *паринд* — это шелковая монохромная ткань типа *дама*, в которой орнамент достигался атласным переплетением на полотняном фоне. Т. е. разница между этой характеристикой и строением мугских шелков заключается только в виде переплетения узорчатых участков (атласное и саржевое соответственно).

В мугском документе В-16 имеется следующее сообщение применительно к *паринд* (*принг*): «Пять штук плотной зеленой *принг* были отправлены «хахсарскому государю Афаруну» от «его презренного ничтожнейшего слуги Ревака» [10, с. 127]. Однако как видим, эта заметка скорее указывает на отсутствие узора в материи.

Теперь что касается упоминания названия материи в сообщениях историка Табари применительно к периоду арабского завоевания Центральной Азии. Согласно его описанию, местный глава антиарабского движения был одет в «штаны из *дибо*, украшенного кругами, и плащ из *паринд*, обшитый каймой из *дибо*» [3, с. 112]. Здесь засвидетельствован факт применения *паринд* в мужской одежде. Однако логичнее предположить, что в данном случае красочные полоски камчатной ткани *дибо* служили для украшения плаща из ткани *паринд*, которая очевидно не содержала узора и была одноцветной.

В то же время, однозначно утверждать про отсутствие орнамента на ткани *паринд* также нельзя. Составитель «Бурхони коте́», соглашаясь с мнением о простоте тканья материи, добавляет, что термин «*паранд*» употреблялся также для обозначения «узорчатой (ткани) *парниён*» [7, с. 232]. Отсюда следует, что узорчатые шелка, фрагменты которых обнаружены на г. Муг, в Малом кургане могильника Катанда II на Алтае, в могиле кочевника у Наинте-Суме (Монголия), возможно и являются образцами *паринд*, если только брать во внимание широкое толкование названия ткани [4, с. 31—37].

В то же время, приведенный отрывок текста из «Бурхони коте́» порождает еще одно недопонимание. В настоящее время бытует мнение, будто *паринд* и *парниён* представляли собой одну и ту же ткань. Так, в «Таджикско-русском словаре» говорится, что *паринд* и *парниён* являются одним и тем же «родом шелковой

ткани» [11, с. 298]. Однако детальное исследование данного вопроса показывает, что это не так. К примеру, поэт А. Фаррухи (X—XI вв.), восхищаясь прелестью входящей в свои права весны, пишет о двух разных материях — одноцветной (ивовой расцветки) *паринд* и красочной *парниён* [8, с. 317]. Далее, Низами в поэме «Лейли и Меджнун» упоминает про *паринд*, похожую на *парниён*, а в «Семь красавиц» поэт говорит о совместном использовании их в качестве постельного белья [9, т. 2, с. 43; т. 3, с. 166]. Таким образом, правильнее было бы говорить о двух разных текстильных изделиях.

Парниён представляла собой утонченную разновидность очень дорогой ткани *дибо*. Производили ее гладкой и разноцветной. Красочную ткань оформляли печатанием узоров посредством трафаретов (калыбов). Такой способ отделки (как и прием перевязки) называли «баста» [12, с. 142]. Богатство орнамента, красочность ткани, наличие в узорах красок разнообразных оттенков засвидетельствованы многочисленными авторами. В частности, лириками Рудаки и Муизи упомянута красочная, разноцветная *парниён*. Среди всего многообразия расцветок преобладали красный и, особенно, зеленый оттенки [1, с. 112]. На наш взгляд, *паринд* представляла собой одноцветную ткань, которая по внешнему виду и назначению была подобна гладкой разновидности *парниён*.

Помимо составителя упомянутого мугского документа, о зеленом цвете материи писали также Рудаки и Фирдоуси. В юридических документах засвидетельствованы, кроме того, темно-синий, голубой и белый цвета ткани. Так, в одном из сохранившихся документов на согдийском языке говорится об одежде из *паринд* белого цвета. О ткани голубого (небесного) цвета упоминают Джамии и Бедил. Наибольшее же число оттенков ткани засвидетельствовано в произведениях Низами: белый, желтый, зеленый, голубой, пурпурный, огненно-красный (цвета цветка граната), фиолетовый и черный [1, с. 60; 13, т. 8, с. 351; 9, т. 1, с. 94; т. 3, с. 82; т. 4, с. 145; 2, с. 600].

Паринд имела разнообразное применение: шла на мужскую и женскую одежду, халаты, знамена и т. п. Кроме того, как узнаем из «Шахнаме», *паринд* часто применялась царями взамен бумаги в качестве материала для письма. Так, письма на такой ткани — *нома дар паринд* — писали мускусом индийские цари иранскому царевичу Виштаспу, позже — владыке Ирана Хосрову Парвизу [13, т. 6, с. 9; т. 9, с. 355]. Выражение «шелковая бумага», на приобретение которой было потрачено 8 драхм, встречается в документе А-5 мугской коллекции [10, с. 182]. Очевидно, она приобреталась для употребления в качестве письменного материала. Сохранившиеся до наших дней надписи на шелке являются

свидетельством того, что в древности и раннем средневековье использование шелковой ткани в качестве письменного материала было достаточно распространенным явлением. Найденные шелковые свитки содержат разнообразные тексты как религиозного, так и светского характера. Есть все основания считать, что эти свитки являются образцами *паринд*. К таковым относятся, к примеру, часть согдийских «Старых писем», найденных около Дуньхуана (II—IV вв.) и фрагмент согдийской надписи V—VI вв. из Бухары [6, с. 510].

Понятно, что материя, предназначенная для письма, не могла быть разноцветной, красочной.

Принимая во внимание такое назначение *паринд* белого цвета, вспомним историю про завещание Адама, составленное на имя его сына Шиса. Оно, согласно легенде, приведенной в «Истории Систана», было составлено на белом шелке, доставленном из рая архангелом Джабраилем. Впрочем, это к вопросу о времени начала изготовления рассматриваемой ткани, следы происхождения которой теряются в глубине веков. Она входит в число первых шелковых материй, употреблявшихся на территории раннесредневековой Центральной Азии.

При идентификации ткани еще один момент добавляет сложности: термин «парандин», отмечают составители средневековых словарей, обозначало «всякое изделие из шелка» [5, т. 1, с. 162; т. 2, с. 100; 7, с. 171; 12, с. 139].

Что касается название ткани, оно происходит, вероятно, от корня «пар» (букв. «пух, перья»). Слово «парин» в переводе с таджикского означает «из пуха, перьев». Помимо этого, «паранд» означает «лезвие, острое, а также меч, клинок». Отсюда название материи можно расшифровать как «тонкий, легкий», что должно отражать особенности строения и основных свойств изделия.

В заключение заметим, что сведениями об изготовлении *паринд* в Центральной Азии мы не располагаем. Скорее всего, ее доставляли сюда из Китая, Египта, Сирии. Производство *паринд* в этих краях засвидетельствовано поэтами Фирдавси и Низами [13, т. 8, с. 92; 9, т. 4, с. 207].

Таким образом, остается ряд вопросов, ответы на которые еще предстоит получить. В их числе:

1. Если упомянутые археологические находки раннесредневековых шелков с крупным затканым орнаментом являются образцами ткани *паринд*, почему в средневековых словарях зафиксирована простота ткань материи?

2. Почему нельзя предположить, что упомянутые текстильные находки могут быть образцами *парниён* или *дибо*, которые

по распространенности в ту пору не уступали *паринд* и, к тому же, были действительно узорчатыми и красочными?

3. Если *паринд* и *парниён* разные ткани (что вероятнее всего), почему допускалось применение названия одной из них по отношению к другой?

4. Почему весьма популярная в Центральной Азии материя была исключительно импортной, ведь в VII—VIII вв. местные ткачи сами могли производить весьма утонченные шелковые ткани (к примеру, *занданачи*)?

Список литературы:

1. Абуабдулла Рудаки. Ветер Мулияна: Сборник стихов (тадж.). — Душанбе: Адиб, 1999. — 192 с.
2. Бедил А. Соч. (перс.): В 8 т. - Т. 5. Сборник маснави. — Душанбе: Адиб, 1992. — 672 с.
3. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Лившиц В.А. Камчатные ткани с горы Муг // Сов. этнография. — М., 1963. — № 4. — С. 108—119.
4. Бентович И.Б., Гаврилова А.А. Мугская и катандинская камчатые ткани // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. — Вып. 132. — М., 1972. — С. 31—37.
5. Гиясуддин Мухаммад. Гияс-ул-лугот (перс.). — В 3 ч. — Ч. 1. — Душанбе, 1987. — 480 с.; Т. 2. — 1988. — 416 с.
6. История таджикского народа: В 6 т. — Душанбе, 1998-2008. — Т. 1: Древнейшая и древняя история — 1998. — 752 с.
7. Мухаммадхусайни Бурхон. Бурхони коте' (перс.). — В 2 ч. — Ч. 1. — Душанбе, 1993. — 416 с.
8. Низами Арузии Самарканди. Четыре статьи (тадж.) // Жемчужины прозы. — Душанбе, 1987. — Т. 1: Образцы персидско-таджикской прозы, X—XIII вв. — С. 306—340.
9. Низами Гянджави. Сборник (перс.): В 5 т. — Душанбе: Ирфон, 1982—1984. — Т. 1. Хусрав и Ширин. — 1983. — 464 с.; Т. 2. Лейли и Меджнун. — 1982. — 368 с.; Т. 3. Семь красавиц. — 1983. — 416 с.; Т. 4. Книга побед. — 1984. — 496 с.
10. Согдийские документы с горы Муг. — М.: Изд-во вост. лит., 1962. — Вып. 2: Юридические документы и письма. — 222 с.
11. Таджикско-русский словарь. — М.: ГИС, 1954. — 789 с.
12. Убахи Хафиз. Тухфат-ул-ахбоб или Словарь Хафиза Убахи (перс.). — Душанбе: Ирфон, 1992. — 288 с.
13. Фирдоуси. Шахнаме (тадж.): В 9 т. — Душанбе: Адиб, 1987—1991. — Т. 6. — 1989. — 551 с.; Т. 8. — 1990. — 612 с.; Т. 9. — 1991. — 495 с.

4.5. КНИГОВЕДЕНИЕ И БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ

РОЛЬ БИБЛИОТЕКИ КАК КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА В ПОСТРОЕНИИ НЕЗАВИСИМОГО ГОСУДАРСТВА (ИЗ ОПЫТА НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ УКРАИНЫ ИМЕНИ В.И. ВЕРНАДСКОГО)

Захарова Наталия Борисовна

*канд. ист. наук, науч. сотр. Нац. б-ки Украины им В.И. Вернадского,
г. Киев*

E-mail: natazachar@bigmir.net

После 1991 г. перед Центральной научной библиотекой имени В.И. Вернадского (далее ЦНБ) как научным и культурным учреждением открываются новые возможности для культурно-просветительской деятельности, развития научно-организационных и научно-исследовательских принципов и направлений в этой работе, в выборе стратегии библиотечной деятельности. Меняются общественные и культурные ориентиры, государственная политика в области культуры, создается национальное библиотечное законодательство, совершенствуется инфраструктура библиотек и библиотечное образование. Созданы новые условия для развития функции популяризации библиотечных фондов, активного участия библиотек в общественно-политической, экономической и культурной сфере Украины как независимого государства.

Библиотека и библиотечные фонды как социокультурные объекты признаны национальным культурным достоянием, заносятся в специальный Государственный реестр. Возрастает значение крупного книжного и рукописного фондов в вопросах национального строительства, открываются перспективы автоматизации библиотечных технологий. Именно в этот период прорабатывается вопрос новой концепции структуры и функций ЦНБ, ее деятельность направлена на оптимизацию использования многоаспектных возможностей, в том числе и социокультурных. Этому способствовало и дальнейшее развитие культурно-просветительской деятельности Библиотеки.

Для реализации совершенствования системы научно-информационного обеспечения деятельности Академии наук было принято

Постановление Бюро Президиума АН Украины № 48-Б от 14 февраля 1991 г. «Об упорядочении работы по информационному обеспечению, организации выставочной деятельности и пропаганды научно-технических достижений Академии наук УССР». Согласно этому документу ЦНБ им. В.И. Вернадского переданы функции основного информационного подразделения АН Украины [2, с. 577]. Предоставление ЦНБ научно-информационных функций положительно повлияло на ее дальнейшее развитие, в том числе позволило гармонизировать культурно-просветительскую функцию. С 1992 г. происходят структурные изменения в Библиотеке, начинают функционировать вновь созданные научные институты и центры, обеспечивающие комплексное решение задач сбора, хранения и использования документной информации и документально-информационных ресурсов. Созданы научно-исследовательские институты — библиотековедения, украинской книги, рукописи, архивоведения, биографических исследований и центры — библиотечно-информационных технологий, консервации и реставрации, культурно-просветительский, редакционно-издательский.

Важным фактором дальнейшего развития стала не только новая структура Библиотеки, но и новые возможности для работы в новом здании, где, кроме обслуживания читателя книгой, начали проводить разнообразные научные и культурно-просветительские мероприятия. Главным подразделением, который проводил эту работу, стал культурно-просветительский центр (далее КПЦ), созданный в новом помещении на базе отдела информационно-массовой работы. Положение о Культурно-просветительском центре, утвержденное в 1994 г. генеральным директором Библиотеки А.С. Онищенко, зафиксировало значительно больший по сравнению с другими этапами деятельности этого направления спектр культурно-просветительской деятельности. Перед КПЦ были поставлены следующие основные задачи:

- Проведение исследований, направленных на изучение культурно-просветительской функции научной библиотеки, ее культурно-просветительской деятельности и внедрение результатов в практику работы ЦНБ и научных библиотек Украины;
- Организация культурно-просветительской деятельности с применением новых форм и методов пропаганды научных знаний, фондов ЦНБ, основных направлений ее работы;
- Участие в научно-методическом обеспечении и организации повышения квалификации специалистов ЦНБ, других библиотек Украины (по профилю деятельности центра).

Создание КПЦ стало новым этапом этой работы, которая вышла за узкие ограничения в видах, формах и методах культурно-просветительской деятельности. Значительно возрастает количество культурно-просветительских мероприятий и улучшается их качество. Проводится предварительная серьезная научно-организационная работа по подготовке таких мероприятий. К книжным тематическим выставкам готовятся тематико-экспозиционные планы, к научно-просветительским комплексным мероприятиям — сценарные планы. Значительно увеличивается количество выставок, расширяется их тематический репертуар. Так, в 1992 г. было организовано 423 выставки новых поступлений, на которых представлено более 100 тысяч экземпляров литературы, а также 148 тематических и персональных книжных выставок, где экспонировалось около 12 тысяч изданий. Только в 1994 г. с выставок, которые подготовили сотрудники КПЦ, читателям было выдано 14 153 ед., а в 1995 г. — 28417 ед. Было также подготовлено 19 картотек и списков литературы на книжные выставки.

Выставочная деятельность в библиотеках является открытой системой, которая развивается. Изменения и тенденции развития современного библиотечного обслуживания влияют на деятельность библиотек в целом и на выставочную работу в частности. Ведь активное продвижение в библиотечное обслуживание информационных и телекоммуникационных технологий требует теоретического осмысления и практического применения в выставочной деятельности библиотек новых возможностей, в том числе и мультимедийных технологий. Основные требования к выставочной работе, как всегда, — это комфортность, наглядность, доступность, оперативность. Библиотечные выставки наглядно представляют разделы фонда и отдельные издания, демонстрируют связь явлений, событий и документов, облегчают визуальное восприятие информации.

В современном мире основным двигателем прогресса все больше становится наука как основа создания и внедрения высоких инновационных технологий. Именно поэтому тематика книжных выставок в этот период была достаточно разнообразной и отражала, прежде всего, наиболее актуальные научные направления: «Искусственный интеллект», «Социология как наука», «Космос: наука и мифы», «Славянская письменность», «Проблемы бионики», «В.И. Вернадский и ноосфера», «Из истории математики в Украине», «Сонет в украинской литературе», «Экология человека», «Языки программирования», «Персональные компьютеры и их применение в науке и технике» и т. д.

С 1995 г. основной акцент делается на информационном обеспечении академических учреждений. Таким образом, тематика выставок была сформирована преимущественно на основе научных разработок в академических учреждениях Украины — «Надежность и безопасность работы АЭС», «Космическая технология», «Современные научные направления: разработки ученых НАН Украины», «Возможности биотехнологии», «Диалекты украинского языка». В 1996 г. особое место в тематическом плане выставочной работы отведено проблемам исторического развития Украины. Эту тему раскрывали такие выставки, как: «Независимой Украине — 5», «Президенты Украины».

Укрепление национальной духовности украинского народа, государственных устоев в целом остается ведущей темой в культурно-просветительской деятельности ЦНБ этого периода. Этой теме были посвящены многочисленные книжные выставки. В 1992 г. — «Турция в работах украинских ученых», «Из истории экономической науки в Украине», «История политической мысли в Украине», «Зеленые сокровища Украины», «Голодомор в Украине глазами диаспоры», «Украинская публицистика». Большой интерес и дискуссии вызвала выставка «Как и когда начала формироваться украинская нация». Как видим, тематика весьма разнообразна: рассматриваются в историческом аспекте языковые, литературные и исторические вопросы, проблемы экологии и политики. Количество выставок, посвященных Украине, все увеличивалось, а интерес к ним значительно возрастал.

Библиотека активно пропагандирует документы и материалы по истории мировой литературы, науки и культуры. Ведь исследование творческого пути выдающихся личностей, ученых, политических или государственных деятелей, деятелей культуры или искусства, открывает возможности для получения новых знаний о них, приоритеты и ценности, мировоззрение и моральные устои. Сочетание биографического подхода в подборе документов для выставочной экспозиции и анализа творчества, представленного на ней, открывает своеобразную лабораторию лица в конкретно-исторических обстоятельствах и имеет не только познавательный интерес, но и поучительно воспитательный смысл. Таким образом, книжно-документальные выставки к юбилеям выдающихся ученых, литераторов, художников является одной из основных форм пропаганды библиотечных фондов и важным средством культурно-просветительской деятельности. Такие выставки готовились ежегодно и были посвящены К. Паустовскому, Олесю Гончару, Б. Патону,

П. Кулишу, И. Мечникову, А. Палладину, М. Рыльскому, И. Фонвизину, А. Богомольцу, Теодору Драйзеру и др.

Большое внимание уделялось координации культурно-просветительской деятельности всех подразделений ЦНБ. Центральным координирующим подразделением оставался вновь созданный центр, который активно сотрудничал с другими подразделениями Библиотеки. Работа КПЦ пересматривалась с учетом предыдущего опыта проведения различных выставок и культурно-просветительских мероприятий, научно-информационной работы в области истории книги и культуры, а также поиска новых форм и методов деятельности Библиотеки в области пропаганды знания. С помощью тематических книжных выставок подразделения Библиотеки активно пропагандировали свои фонды.

Работа по пропаганде уникальных фондов ЦНБ проводилась и за ее пределами. Среди заказчиков — Комиссии Верховного Совета Украины, Украинский дом, Федерация профсоюзов Украины, Музей книги и книгопечатания Украины, Центр современного искусства Сороса. Только в течение 1992 г. состоялось восемь выездных выставок.

Знаменательным событием в научной и культурной жизни Украины в 1993 г. стало празднование 75-летия Академии наук Украины и Центральной научной библиотеки им. В.И. Вернадского. Этой дате были посвящены книжные выставки в помещении Библиотеки, выездные книжно-иллюстративная выставка в Экспоцентре «Наука» и планшетные — в Национальном театре оперы и балета им. Т.Г. Шевченко. В 1994 г. по просьбе Министерства иностранных дел Украины для Посольства Украины в Израиле была организована книжно-иллюстративная выставка «Юбилей Шолом-Алейхема в Украине». В 1995 г. по заказу Израильского культурного центра Библиотека экспонировала выставку «Ценные и редкие издания из фондов ЦНБ».

Сотрудники Библиотеки проводили большую научно-поисковую работу, участвовали в подборе материалов для съемок документальных фильмов. Как научные консультанты лишь в 1993 г. они участвовали в поиске материалов для съемок 57 научно-документальных фильмов. Материалы из фондов ЦНБ активно использовали режиссеры и художники телевидения, театров, работники музеев, реставрационных мастерских, художники и студенты. В частности, библиотечные документы были использованы при подготовке телепередач, для обновления экспозиций музеев, а также создании новых музеев, при художественном оформлении пьес в киевских театрах.

Искали новые формы и методы культурно-просветительской работы. Значительное внимание уделялось налаживанию контактов

с творческими союзами Украины, подготовке персональных выставок произведений живописи и декоративно-прикладного искусства, на которых экспонировались работы профессиональных и самодеятельных художников. Хорошие творческие отношения сложились у Библиотеки с Союзом фотохудожников Украины, с Киевской городской ассоциацией мастеров народного творчества и ремесел «Творчество», Союзом художников Украины и др. Библиотека, которая получила новые замечательные залы для проведения конференций, выставок, встреч, значительно расширяет круг своей культурной сферы деятельности. В выставочных залах экспонируются выставки изобразительного искусства, способствующие эстетическому воспитанию читателей. Такие выставки имели успех у читателей Библиотеки, киевлян и гостей города, они стали традиционной формой культурно-просветительской деятельности ЦНБ.

Большую популярность приобретают комплексные массовые мероприятия как важная форма культурно-просветительской деятельности. Некоторые из них стали традиционно ежегодными. Так, совместно Комиссией по разработке научного наследия одного из основателей Библиотеки академика В.И. Вернадского с 1991 г. ежегодно 12 марта проводятся научные чтения академика В.И. Вернадского. Темы таких чтений были достаточно разнообразными: «В. Вернадский и современная Украина», «Научная мысль и цивилизация», «Живое вещество и его деформация в Украине», «Вернадский и книга» и др. Другими ежегодными мероприятиями стали День славянской письменности и культуры, День науки, День аспиранта. Например, ко Дню славянской письменности и культуры было проведено заседание круглого стола на тему: «Выпускники Киево-Могилянской Академии и их влияние на развитие славянской культуры» (1992); День науки был посвящен связям с научными центрами за рубежом.

Библиотека проводила и заседания круглых столов по актуальным проблемам современности. Ежегодно проходило более 40 мероприятий в рамках лектория «Наука вчера, сегодня, завтра», дискуссионного клубов «Ученый в современном мире», «Наследие» и «Киев и киевляне», где посетители могли встречаться с писателями и учеными, прослушать цикл лекций. В частности, в обсуждении проекта Конституции Украины совместно с Центром исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г.М. Доброва НАН Украины для руководящего состава ЦНБ был проведен научно-практический семинар «Управление предпринимательской деятельностью и кадровый менеджмент» (1992); ко Дню науки было проведено заседание круглого стола на тему: «Из истории науки в Украине» (1993); ко Дню славянской письменности

и культуры состоялась научная конференция «Славистические центры в Украине», а Украинская академия политических наук совместно с ЦНБ стали инициаторами конференции «Будущность Украины: оценка ситуации, поиск путей развития».

С 1995 г. приобрела популярность такая форма культурно-просветительской деятельности, как презентация издания или продукции отдельных издательств. В частности, после проведения таких акций Библиотеке были подарены 1-й и 2-й тома факсимильного издания рабочих тетрадей А.С. Пушкина, напечатанные в Лондоне; хронологический справочник «Украина от древнейших времен до современности»; монография «Политология посткоммунизма» и др. Таким же образом попали в фонды Библиотеки монографическое исследование «Богдан Хмельницкий: социально-политический портрет», «Беловежье: 1991—1996» (посвященная первому Президенту Украины — Л.М. Кравчуку), аудиокассеты «Сад божественных песен».

Новшеством в культурно-просветительской деятельности НБУВ стали литературно-музыкальные вечера. Поклонники классической музыки имели возможность прослушать произведения Ф. Шопена, Л. Бетховена, Н. Паганини, П. Чайковского, а в декабре 1993 г. с успехом прошел Фестиваль французской музыки, организаторами которого были ЦНБ и Французский культурный центр в Украине. Литературно-музыкальная гостиная принимала гостей, как в главном корпусе Библиотеки, так и в зале нотных изданий в Филиале № 1.

Для новых читателей, гостей, студентов и преподавателей Библиотеки проводились обзорные экскурсии и экскурсии-лекции. Перед экскурсией посетители имели возможность посмотреть документальный фильм «Библиотека смотрит в будущее». После ввода в эксплуатацию главного корпуса значительно возрос интерес к Библиотеке. Только в 1992 г. было проведено 144 экскурсии, с историей ЦНБ ознакомилось около 2 тысяч человек. Желание ознакомиться с деятельностью главной библиотеки Украины продолжается и поныне. Правда, количество желающих значительно уменьшилась.

О мероприятиях и выставках, организованных в ЦНБ, систематически сообщалось через средства массовой информации, посредством объявлений, афиш и приглашений в помещениях ЦНБ, филиалов и библиотек научно-исследовательских учреждений АН Украины. Для детального ознакомления с деятельностью Библиотеки и информирования о ее мероприятиях дважды в год выходил из печати информационный бюллетень.

В середине 90-х годов XX ст. укрепляются международные контакты в вопросах культурной политики. После распада СССР

и экономического кризиса, охватившего страны бывшего СССР, библиотеки имели большие трудности. Разрыв профессиональных связей, распад системы книгоиздания и книгораспространения, рост цен, инфляция, налоги — все это создало опасность культурной и информационной изоляции. Однако библиотечное сообщество и непосредственно библиотеки начали противодействовать процессу культурного разобщения и направили свои усилия на возрождение профессиональных связей и взаимопомощи в вопросах сохранения и развития единого информационно-гуманитарного пространства, широкому диалогу в области культуры. В 1992 г. был создан Международный библиотечный союз — Библиотечная Ассамблея Евразии (далее — БАЕ), который помогает в решении общих профессиональных задач, формировании нового культурного и информационного пространства на демократических принципах. В его состав, кроме Украины, вошли Россия, Беларусь, страны Кавказа и Средней Азии. БАЕ организует дискуссии, проводит конференции, семинары, круглые столы по гуманитарным вопросам. В 1992—1996 гг. БАЕ организовала несколько конференций: «Через библиотеки — к согласию народов», «Человек в мире культуры», «Информационное общество и библиотека», «Культура, информация и современные геополитические проблемы», «Интеграционные процессы в области библиотечного дела стран СНГ» [1].

Развивалась международная культурно-просветительская деятельность библиотеки. Все мероприятия, независимо от тематики, способствовали взаимодействию государств, обмену информацией, происходит взаимообогащение культур. Так, в 1992 г. в ЦНБ экспонировалась большая фотовыставка, которая ознакомила посетителей с жизнью и творчеством классика австрийской литературы XX ст. Йозефа Рота. Выставку и каталог к ней представили Федеральное министерство иностранных дел Австрии и Информационный центр новой австрийской литературы в Вене; в 1993 г. — была представлена большая фотовыставка, посвященная жизни, творчеству и общественной деятельности известной сербской писательницы и переводчицы Десанки Максимович, организованной обществом «Украина — Сербия»; большой интерес многочисленных посетителей вызвала фотовыставка «История библиотек», предоставленная Министерством иностранных дел Франции и Французским культурным центром в Украине, с которым активно с начала его существования сотрудничал Культурно-просветительский центр Библиотеки. В 1994 г. значительным событием в научной и культурной жизни Библиотеки стала выставка даров Федерального правительства Германии, на которой демонстрировалась продукция

72 немецких издательств, а в рамках Дней французской культуры в помещении ЦНБ прошли поэтический спектакль и камерный концерт фортепианной музыки; в 1995 г. «Памяти Гленна Миллера» — так называлось комплексное мероприятие в честь выдающегося американского музыканта, а к Национальному празднику Франции была подготовлена выставка художественной фотографии «Париж. Франция. Достопримечательности» и выставка плакатов «Большой Лувр». Значительный интерес вызвали: встреча с автором фотовыставки Эриком Жираром и показ цикла видеofilмов о крупнейшем музее Франции и его коллекции; в 1996 г. экспонировалась выставка австрийской фотохудожницы Лины Дайнхардштайн «Вена в фотографиях».

Национально-культурное возрождение общественной жизни в Украине сопровождается и установлением гармоничной основы для деятельности библиотек. ЦНБ имела тринадцатимиллионной фонд литературы универсального содержания, отражающий всю историю развития человечества и украинской истории и культуры. Она получила мировое имя в области библиотечной и библиотечно-библиографической деятельности, активно включилась в процесс информатизации общества, который начался еще в 80-х годах.

С 1996 г. Центральной научной библиотеке Украины им. В.И. Вернадского возвращается статус национальной в соответствии с Указом Президента Украины от 5 апреля 1996 г. № 244/96 «О предоставлении Центральной научной библиотеке им. В.И. Вернадского статуса национальной». Библиотека теперь именуется Национальная библиотека Украины имени В.И. Вернадского [3]. Отныне Библиотека разрабатывает систему мероприятий, направленную на создание нового позитивного имиджа по всем направлениям деятельности. Активное участие в этом принимает Культурно-просветительский центр: разрабатывается логотип Библиотеки, определяются ее характерные черты как научной и национальной библиотеки, научного, информационного и культурного всеукраинского центра.

Список литературы:

1. Игумнова Н.П. Библиотеки в культурном взаимодействии народов (к пятой годовщине основания Библиотечной Ассамблеи Евразии) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: // URL: [http://192.168.4.10/articles/crimea/1997/doc/sl/sl doc/12html](http://192.168.4.10/articles/crimea/1997/doc/sl/sl%20doc/12html) (26.03.2008). — Название с экрана.
2. Національна академія наук України. 1918—2008: до 90-річчя від дня заснування / голов. Ред. Б.Є. Патон. — К.: Вид-во КММ, 2008. — 624 с.
3. Онищенко О.С. Національна бібліотека України імені В.І. Вернадського у 1918—1998 рр.: основні етапи розвитку / О.С. Онищенко, Л.А. Дубровіна // Бібл. вісн. — 1998. — № 5. — С. 5—17.

4.6. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕТОДОЛОГИИ СТАТИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИСТОРИКОВ

Бражжникова Анна Сергеевна

*аспирант Оренбургского Государственного педагогического
университета, г. Оренбург*

E-mail: anutabrazhnikova@mail.ru

Методика работы со статистическими источниками, сопоставление их с прочей исторической документацией, играют важную роль в деле реконструкции событий прошлого. Архивы России содержат огромный пласт статистической документации, нуждающейся в грамотной и тщательной обработке учёными. Между тем, без знания законов статистической науки и методов работы со статистическими документами такая процедура становится затруднительной. Российскими дореволюционными учёными были заложены основы методологии статистических исследований, принципы обработки и анализа статистической информации. Рассмотрению основных механизмов работы дореволюционных учёных с источниками, включающими статистические сведения, посвящена данная статья.

Ведущим дореволюционным историком, посвятившим свою научную жизнь изучению вопросов статистики в России, был Карл Герман. Его книга «Всеобщая теория статистики» (1809 г.) посвящена вопросам становления данной научной дисциплины в стране, организации статистики в России, методике работы со статистическими источниками. Труд по большей части носит теоретический характер — через понятия раскрываются принципы и законы статистики. К. Герман отказывается понимать статистику как науку, применяя к ней термин знание, поскольку статистика имеет своим предметом дела, а не понятия. Учёный подчёркивает особую связь между статистикой и политикой, поясняя её употреблением в Европе XVII века данных понятий как синонимов [2, с. 36]. Изначально возникнув как наука

государственного уровня, статистика призвана была своими исследованиями отражать интересы государства. Главными богатствами последнего, по замечанию К. Германа, являются люди, земля, произведения и деньги [2, с. 75]. Потому любой статистический источник аккумулирует сведения о населении, земле, природных богатствах региона и капитале. Достоверность статистической информации, содержащейся в источниках, напрямую зависит от важности её для правительства. Чем выше необходимость государства в получении тех или иных статистических данных, тем ниже степень достоверности последних. Ежегодные отчёты губернаторов наглядно иллюстрируют данное положение. Сведения об урожае, природных богатствах и капитале не отличаются высокой достоверностью. К. Герман затрагивает в своём исследовании источниковедческий аспект работы со статистическими источниками. Чтобы постичь истину, учёный должен прибегать к сравнению всех статистических сведений друг с другом, отдавая предпочтение наиболее достоверным и информативным.

Учёный-экономист Д.П. Журавский в труде под названием «Об источниках и употреблении статистических сведений» (1846 г.) пишет об отсутствии в России статистики как научно организованной дисциплины. Статистику Д.П. Журавский понимает как метод, применяемый к изучению всех явлений в природе и жизни [6, с. 91]. Источники, так или иначе оперирующие статистической информацией, в корне порочны, так как составлены без учёта диктуемых самой статистикой требований. Так, фактические границы помещичьих и крестьянских имений, отражённых в подобного рода источниках, не всегда совпадают с данными геодезических карт. Учёный констатирует отсутствие постоянной величины земельных десятин, переданных во владение различных сословных групп землемерами. Например, для казённых земель эта величина достигала 80 саженой в длину и 30 — в ширину, тогда как для поместных — 80 саженой в длину и до 40 саженой в ширину. Однако, подсчёт урожайности со всех видов земель осуществлялся по однообразной схеме без учёта реальной площади участка. Чтобы достичь максимально верных результатов урожайности, необходимо с помощью геодезической съёмки поделить все земельные угодья на участки с одинаковыми площадями [4, с. 116]. Д.П. Журавский критикует такие источники по народонаселению, как переписи и метрики за их неполноту и несопоставимость информации. К примеру, в переписи имеем дело с посемейным учётом населения, а в метриках — с индивидуальным. В перепись включаются лица вне связи с их вероисповеданием, метрические книги же учитывают лишь христиан. Наконец, метрики не знают исключений по сословному признаку, тогда

как перепись даёт обширный список групп, не подлежащих учёту. Усовершенствование статистических источников в России Д.П. Журавский видит в наличии смежных, перекликающихся вопросов в этих источниках. В этом случае проверка их друг другом превратится в полезную и плодотворную работу.

Труд дореволюционного историка А. Бушена «Об устройстве источников статистики населения в России» (1864 г.) затрагивает проблему достоверности таких статистических источников, как переписей, метрических книг, текущих списков населения. Исследователь приходит к выводу о несовершенстве всех трёх названных статистических источников в России. К примеру, переписи населения или ревизии критикуются А. Бушеном за неполноту ввиду исключения из них целых групп населения, таких как потомственные дворяне, нижние военные чины, находящиеся на государственной службе лица и т. п. Метрики, составляемые приходскими священнослужителями, не внушают автору доверия по причине преуменьшения в них сведений по населению в сравнении с его реальной численностью. Так, в метрические книги записываются только лица христианского вероисповедания, тогда как евреи, магометане, иудеи и язычники не находят в подобных записях никакого отражения [1, с. 79]. Текущие списки населения, по мнению А. Бушена, преувеличивают количество населения по причине внесения в статистическую таблицу одного и того же лица различными ведомственными инстанциями. Причины недостоверности статистических данных учёный усматривает в отсутствии в стране единой статистической службы наподобие государств Европы, однообразных правил для юридического удостоверения личности в России, а также в менталитете русского человека, его стремлении скрыть истинное положение вещей от правительства. Усовершенствование источников статистики населения А. Бушен видит в обеспечении регистрации личности от произвола и подлога, гарантии достойного вознаграждения работы статистиков в стране, повышении самосознания граждан [1, с. 122]. Немаловажное значение имеет создание условий для взаимной проверки статистических источников, отсутствующей в России.

Проблеме статистического учёта населения посвящена работа Н.П. Дьяконовой «Об устройстве источников статистики населения в России» (1864 г.). В ней автор характеризует основные документы, составляющие в совокупности полный статистический учёт населения — переписи, текущие списки и метрические книги. Все три источника подвергаются исследователем критике: переписи и метрические книги за неполноту сообщаемых сведений, текущие списки учёта населения — за превышение показателей по причине

неоднократного внесения в таблицу разными ведомствами одного и того же лица [3, с. 32]. Н.П. Дьяконова даёт сравнительный анализ развития статистики в европейских государствах и в России. Исследователь отмечает достоинство статистики за рубежом — координацию деятельности всех статистических ведомств; её гражданственный характер, выражающийся в осознании членами общества ответственности за утаивание необходимых правительству статсведений, разработку системы текущего учёта разных категорий населения. Как замечает Н.П. Дьяконова, ни один из принципов организации западной статистики в нашей стране не нашёл должного отражения. Первый — по причине отсутствия в России единого статистического центра, где бы аккумулировалась вся информация, поступающая из регионов; второй — из-за сугубо обывательского отношения русского человека ко всякому роду статистических показаний; третий — потому, что отсутствовала поверка одних источников другими. В связи с этим не представляется возможным ручаться за достоверность любого статистического источника отечественного происхождения. Для того чтобы добиться точности в статистических измерениях, Россия должна кардинально изменить систему сбора и учёта статистических сведений. Необходимым является создание в стране единого статистического центра, в который бы стекалась информация из различных губерний, и который бы координировал работу местных статкомитетов.

Выдающимся учёным, посвятившим свои работы становлению российской административной статистики, был Ю.Э. Янсон. Его «Сравнительная статистика населения» (1892 г.) описывает методические приёмы исследования статистических источников по народонаселению. Ю.Э. Янсон анализирует демографическую обстановку в губерниях Европейской России, раскрывает влияние на неё множества факторов: здоровья молодого поколения, способного к воспроизведению, соотношения возрастов между мужчиной и женщиной, готовых к созданию семьи, племенных особенностей народа, его вероисповедания, а также законодательной основы, регулирующей процесс вступления населения в брачные отношения [8, с. 155]. Учёный описывает механизм вычисления основных демографических показателей: рождаемости, смертности, брачности. Так, для определения рождаемости необходимо число рождений за период времени поделить на число женщин детородного возраста. Ю.Э. Янсон определяет последний в границах 15 и 50 лет [8, с. 151]. Общая смертность вычисляется посредством отношения всех смертей за определённый период к общему числу жителей. Однако,

для определённой категории населения смертность будет высчитываться через отношение смертельных исходов в данной группе населения к общей её численности. Для этого, замечает профессор Ю.Э. Янсон, необходима чёткая информация о возрасте населения и её привязанность к возрастным группам — детям, юношам, зрелому поколению, пожилому и старикам. В России, где не только не проводится деление населения по возрастам, но и само оно нередко утаивает свои года, данная операция не представляется возможной. Для определения максимально точных показателей брачности, Ю.Э. Янсон советует оперировать отношением количества браков к 1000 жителей за какой-то период. Анализируя рассмотренные выше демографические показатели, профессор Ю.Э. Янсон констатирует их постоянный изменчивый характер ввиду естественного и механического перемещений населения, не находящий отражение при подсчёте. Учёный проводит границу между естественным и механическим движением населения, подчёркивая необходимость связи обоих понятий с общей его численностью в той или иной губернии страны.

В «Теории статистики» (1894 год) Ю.Э. Янсон говорит о причинах несовершенства статистической науки в России. Среди таковых — скептическое отношение населения ко всякому роду статистической информации, противоречие правительственных постановлений о сборе статистических сведений, погрешность самих статистических источников [7, с. 148]. В своём труде учёный констатирует отсутствие координации между Центральным Статистическим комитетом и местными статучреждениями. Совет Центрального Статкомитета с момента своего образования в 1857 году не распоряжался собственными полномочиями в полном объёме. Данное обстоятельство было продиктовано связью последнего учреждения с Министерством Внутренних Дел, которое не интересовало процесс усовершенствования способов работы со статистическими материалами, разрабатываемый в рамках Совета ЦСК [7, с. 156]. Порочность статистических сведений, по мнению профессора Ю.Э. Янсона, объясняется централизацией системы их сбора и децентрализацией последующего контроля над ними. В самом деле, сбор статистических сведений по одному профилю возлагался, как правило, на одного человека, тогда как контроль за последними осуществлялся рядом инстанций. Другой причиной несовершенства статистических данных являлась предъявляемая к местным комитетам просьба предоставлять не первичные статсведения, а данные, оформленные в виде сводов. Начальные же сведения никто никогда не проверял. В «Теории статистики» Ю.Э. Янсон затрагивает вопросы

обработки статистических сведений, предлагая включать последние в таблицы, диаграммы и графики.

Знаменательным событием явилось опубликование в 1898 году работы А.И. Чупрова — профессора Петербургского университета — «Статистика». В ней автор освящает главные требования, предъявляемые к составлению статистических источников. Таковыми являются: единообразии пунктов статистического учёта в однородной документации, чёткость поставленных вопросов, наличие перекрёстных вопросных пунктов, предполагающее проверку полученных сведений [5, с. 137]. Немаловажное значение для достоверности получаемой информации играет способ опроса населения, которое может быть опрошено с помощью бланков или посредством деятельности специальной службы, предназначенной для сбора статистических данных в губернии. Критикуя первый способ за неполноту и пробелы в запрашиваемой информации, А.И. Чупров говорит о некомпетентности низших чиновников в вопросах статистики, что прямо отражается на характере получаемых с мест сведений. Касаясь в своём труде основных направлений статистики, таких как аграрная, промышленная, медицинская, уголовная, статистика населения, образования — А.И. Чупров констатирует отсутствие в стране юридического оформления названных категорий статистики. В странах Европы, где статистика населения, образования и медицины поставлена под правительственный контроль, данные отрасли науки отличаются высоким уровнем достоверности сведений. В России же полученные статистические сведения служат исключительно доказательством благополучия и процветания государства, потому чиновники на местах стремятся обойти в своих отчётах негативные моменты развития губернии или же скрасить последние. В своей работе «Статистика народонаселения в России» (1898 г.) А.И. Чупров замечает, что занимающиеся опросом населения низшие инстанции склонны округлять возраст людей, что препятствует изучению истинной демографической обстановки в губернии [6, с. 28]. Учёный обращает также внимание на ошибки при обработке статистических сведений, поступающих в местные статкомитеты. К примеру, для определения показателя брачности по губернии необходимо число лиц, зарегистрированных в браке, поделить на количество людей, достигших брачного возраста, а не на всё население губернии, как это нередко встречается [6, с. 51]. То же самое касается, например, вычисления детской смертности — количество умерших в раннем возрасте должно делиться не на всё население, а исключительно на общую цифру детей по губернии. А.И. Чупров в своих работах затрагивает методические аспекты работы учёного с источниками

статистического происхождения. Особую роль учёный отводит процессу выявления статистических закономерностей, грамотному построению графиков и таблиц, сравнению статистических сведений друг с другом.

Таким образом, историки дореволюционной России понимали статистику как метод, применимый к изучению общественных наук и, в первую очередь, к истории. Другими словами, статистика в их представлении являлась «пищей» для истории. Учитывая государственный характер статистики и признавая население основным мерилom государственных ценностей, дореволюционные учёные в большей степени разрабатывали демографическое направление в статистике. Труды А.И. Чупрова, Ю.Э. Янсона и А.И. Бушена имеют сходную часть заглавия — *статистика населения в России*. Дореволюционным историкам принадлежит пальма первенства в разработке методики сопоставления статистических источников друг с другом. Советские же учёные, воспользовавшись этой методикой, создали собственные труды по методологии статистического исследования. «Теории статистики» К. Германа, А. Чупрова, Ю. Янсона остались во многом непревзойдёнными последующими поколениями исследователей. Важно отметить, что методологический характер работ историков дореволюционной эпохи был продиктован осознанием ими несовершенства статистических источников по народонаселению в России. Критикуя последние за неполноту и противоречивые сведения, учёные призывали к сопоставлению источников между собой, грамотному их оформлению, отвечающему всем статистическим требованиям, а также к обеспечению согласованности работ местных статкомитетов по стране со стороны государства. Внутренняя критика статистических источников сочеталась у дореволюционных авторов с внешней: несовершенство представлений о статистике в России оказывало прямое влияние на содержание источников, не отличающихся достоверностью.

Список литературы:

1. Бушен А. Об устройстве источников статистики населения в России. Спб.: тип. В. Безобразова, 1864. 122 с.
2. Герман К. Всеобщая теория статистики. Спб.: тип. Императорской Академии наук, 1809. 107 с.
3. Дьяконова Н.П. Об устройстве источников статистики населения в России. Спб. 1864. 127 с.
4. Журавский Д.П. Об устройстве и употреблении статистических сведений. Киев: тип. И. Вингебера, 1846. 207 с.
5. Чупров А.И. Статистика. М. 1898. 300 с.

6. Чупров А.И. Статистика народонаселения в России. М. 1898. 107 с.
7. Янсон Ю.Э. Теория статистики. Спб.: тип. А.Е. Ландау, 1886. 893 с.
8. Янсон Ю.Э. Сравнительная статистика населения. Спб.: тип. Дома призрения малолетних, 1892. 452 с.

СОВЕТСКАЯ ЦЕНзуРА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Дианов Сергей Александрович

*д-р ист. наук, доцент Пермского института (ф) РГТЭУ, г. Пермь
E-mail: dianov-sa@rambler.ru*

В современной исторической науке набирает обороты диспут о месте и роли органов политической цензуры в духовной жизни СССР. Многие оценочные суждения, появившиеся в 1990-е годы, сегодня представляют предмет дискуссии, как например: большевики создали институт тотальной цензуры — «одной из самых жесточайших, которые когда-либо знал мир» [1, с. 82]. Сразу подчеркнем, что выделить сформировавшиеся научные школы со сложившимся исследовательским аппаратом, особыми правилами изучения и традицией представляется довольно затруднительным. Одним из последствий т. н. «архивной революции» 1990-х годов можно считать известное равнодушие историков к концептуальным обобщениям, что влечет за собой эмпиризм в исследованиях и нестрогость методов. В такой ситуации позволительно выделить применяемые историками методологические подходы при изучении советской цензуры, помня о том, что один и тот же историк в разных трудах может попеременно выступать и как сторонник «тоталитарной» интерпретации советского прошлого, и как типичный «ревизионист» в стиле А. Гетти.

С первой половины 1990-х годов среди российских исследователей шел процесс осмысления истории советской цензуры через призму *тоталитаризма*. В описании несущих конструкций Главлита (Главного управления по делам литературы и издательства) как института тоталитарной политической системы в своих работах ее применили А.В. Блюм, Г.В. Жирков, Т.М. Горяева, А.Ю. Горчева и др. [2] В своей статье А.Ю. Горчева нашла возможным применить к характеристике органов Главлита такие эпитеты, как «тотальная цензура», «тотальный гнет», «вседозволенность контроля», «безграмотные исполнители», «многотысячная армия цензоров».

Главлит, по ее мнению, представлял собой настоящую машину уничтожения свободы мысли и слова. С определенной долей иронии исследователь назвала «безнравственной» практику социалистических соревнований в цензурных органах [4, с. 32—40]. В 1994 г. состоялась презентация книги А.В. Блюма, которая стала первой в отечественной историографии монографией, посвященной истории Главлита. А.В. Блюм предпринял попытку реконструировать процесс создания Главлита, местных органов цензуры, а также проанализировать практики деятельности цензоров в период НЭПа. Вместе с тем избранная методология не позволила ему объективно интерпретировать многие факты и явления. «Шестое июня 1922 г. — одна из самых страшных, роковых дат в истории страны: именно в этот день вышел декрет Совнаркома о создании Главлита...» — такое экспрессивное суждение было положено в начало главы «Как был создан Главлит» [1, с. 82]. Все содержание книги пронизывала идея осуждения цензурной политики советского правительства.

Параллельные исследовательские поиски в рамках концепции тоталитаризма проводили, в частности, уральские ученые. В ноябре 1995 г. в г. Екатеринбурге состоялась Международная научная конференция «Цензура в России». В изданном по материалам конференции сборнике были опубликованы статьи историков-краеведов А.И. Бакановой, Г.И. Степановой, Н.В. Кузнецовой и др. В своей статье А.И. Баканова описала содержание практики библиотечной цензуры в 1920—1930-е гг. В частности, изучению подвергся вопрос о репрессиях в отношении коллектива издателей Уральской советской энциклопедии. В статье Н.В. Кузнецовой «Репрессированный П. Бажов и его репрессированные книги» повествовалось о творчестве уральского писателя П.П. Бажова и его книгах, оказавшихся под запретом. В публикации Г.И. Степановой подчеркивалось, что уральские отделения Главлита были задействованы партийными органами в осуществлении тотального политического контроля за настроениями населения региона [3].

Во второй половине 1990-х годов происходит переход от осмысления общих проблем истории советской цензуры к специальным темам. Научный интерес у исследователей-цензуроведов вызывали объекты цензурного контроля: СМИ, издательское дело, радиовещание, зрелища и выставки. Так, В.С. Измозик исследовал тему «цензура и перлюстрация» [9, с. 26—35]. М.В. Зеленов сосредоточил внимание на теме «Главлит и историческая наука» [11, с. 21—36]. В начале 2000-х гг. Г.В. Жирков в формате учебного пособия подвел предварительные итоги под изучением темы «цензура и журналистика» [10].

В 2000-е годы история советской цензуры пополнилась несколькими фундаментальными трудами. В 2000 г. Т.М. Горяева завершила работу над докторской диссертацией «История советской политической цензуры. 1917—1991 гг.». Обращение к институциональному подходу дало возможность автору разработать оригинальную периодизацию становления и функционирования государственного цензурного аппарата. Т.М. Горяева предложила выделить шесть периодов:

1. 1917—1922 гг. — период ведомственной цензуры;
2. 1922—1930 гг. — период организации и становления государственной цензурной системы (Главлита, Главреперткома, Главискусства);
3. 1930—1953 гг. — период, который вместил деятельность Главлита в структуре Наркомпроса и кратковременное подчинение Главлита МВД СССР;
4. 1953—1966 гг. — период временной либерализации, понижения статуса Главлита в политической системе государства;
5. 1966—1987 гг. — период бюрократического «благополучия и покоя», во время которого не менялись роль и место Главлита в системе органов управления;
6. 1987—1991 гг. — период агонии цензурной системы, попытка реформировать Главлит и его окончательная ликвидация.

Одним из главных выводов Т.М. Горяевой следует считать, что на рубеже 1930—1940-х гг. полностью сложилась система партийно-государственного управления страной [5]. Важнейшим условием и определяющим звеном в этой системе стала политическая цензура, проводившаяся как через Главлит, так и напрямую, по партийной вертикали.

Параллельно с комплексным исследованием Т.М. Горяева завершила работу над темой цензурного контроля над радиовещанием. В отечественной историографии появилась монография, в которой раскрывались этапы становления в СССР государственно-идеологического контроля над радиовещанием. Привлекая разного вида источники, в том числе и микрофонный материал 1920—1930-х гг., Т.М. Горяева показала, что радио не сразу стало объектом контроля. Только во второй половине 1920-х гг. органам Главлита было поручено осуществление предварительной цензуры в отношении материалов, предназначенных в радиоэфир [6].

Главным достижением исторических исследований начала 2000-х гг. стала разработка понятийного аппарата по цензурной проблематике. Так, М.В. Зеленов в своей докторской диссертации ввел в научный оборот такие понятия, как «цензура» в *функциональном и субстанциональном*

смыслах, «цензурная система», «цензурная политика» и «политика в сфере цензуры» [12]. *Цензурной политикой* он предложил назвать организационные и регулятивно-контрольные мероприятия цензурной системы или отдельных ее частей, направленные на ограничение информации. Понятие же «политика в сфере цензуры» шире, чем цензурная политика, так как включает весь комплекс организационных и регулятивно-контрольных мероприятий в рамках цензурной системы. Это не только ограничение информации, но и кадровая и организационная политика, налаживание учета и контроля, создание коммуникативной системы между различными частями цензурной системы. Политику в сфере цензуры определяли руководящие органы ЦК ВКП (б), но проводили и Наркомпрос, и Главлит, и библиотеки.

В изданной монографии М.В. Зеленов дал полное описание цензурной политики аппарата ЦК ВКП (б) в 1922—1929 гг., реконструировал кадровые, организационные, контрольные решения [13]. Впервые был показан процесс принятия и разработки положения о Главлите 1922 г.

Все исторические исследования, опубликованные за последние 5—7 лет по истории Главлита и его местных органов, условно можно разделить на три группы. *Первая* группа представлена работами исследователей в регионах, которые занимаются изучением вопросов становления института политической цензуры на территории РСФСР. В ней следует выделить диссертационные работы Н.Н. Клепикова, А.М. Подлужной, Ф.К. Ярмолича [14]. Используемая источниковедческая база в данных работах является типовой, как и уровень научных обобщений. Согласно их выводам органы Главлита конструировались в советской провинции довольно длительное время, испытывали перебои с материальным обеспечением и финансированием в целом. Партийные и советские органы активно вмешивались в деятельность местных органов Главлита, что являлось серьезным препятствием в реализации направлений цензурной политики. Вместе с тем довольно слабо освещенным оказался вопрос о кадровом составе местных крайобллитов. Так, например, А.М. Подлужная вместо анализа кадрового состава цензурного ведомства представила данные только об аппарате советских служащих Пензы в целом. Заметим отсутствие работ по данной тематике в национальных республиках (Татарстан, Башкирия, Мордовия и др.). Выразим суждение, что изучение процессов становления местных органов Главлита в автономных республиках СССР — весьма перспективная работа.

Вторая группа представлена работами, авторы которых занимаются изучением форм взаимодействия Главлита и других

органов советской цензуры — Главреперткома, Главискусства, Отдела Политконтроля ОГПУ-НКВД. Среди них определённый интерес вызывают исследования А.С. Смыкалина, который, в частности, описал основные формы совместной деятельности работников Главлита и чекистов, выдвинув при этом тезис о том, что в начале 1930-х гг. взаимодействие репрессивных органов с цензурными становится все более активным [15, с. 142].

Третью группу представляют исследования, посвященные изучению социального статуса работников органов Главлита. Разработкой этой темы сегодня активно занимается свердловский исследователь Е.Н. Ефремова [8, с. 345—353; 183—197]. По ее мнению в 1930-е гг. уральский цензор осознавал значимость своей профессии, которая выражалась и в формулировке высокой миссии советской цензуры, и в системе поощрительных мер за хорошую работу. При всем этом цензор всегда ощущал зыбкость своего положения: любое отступление от инструкции, самовольное расширение или сужение своих функций вели к утрате этого статуса, а иногда и к лишению свободы. В другой статье Е.Н. Ефремова постулировала вопрос о партийной цензуре, осуществляемой в 1920—1930-е гг. аппаратом Свердловского испарта. Развитие данной проблемы получило и в ряде трудов автора [7].

Очертим основные методологические подходы к изучению цензурных практик советской эпохи. Мы видим работы, выполненные в традиции тоталитарной школы, уделяющей особое внимание формам и методам политического контроля над публичным словом, жестом, актом; связи идеологической политики и задач цензуры, шлифованию особого «советского языка». Параллельно тоталитарному развивается иное научное направление, генетически восходящее к западному «ревизионистскому». Историки, работающие в нем, исследуют, прежде всего, учреждения, ответственные за цензуру: кадры, внешние и внутренние социальные связи, статус цензурных органов в общей системе власти.

В заключение обозначим еще одну важную проблему, которая нуждается в дальнейшем изучении. Речь идет, прежде всего, о формировании *историко-антропологического* подхода: изучение органов цензуры через призму биографий непосредственно самих служащих цензурного ведомства. Иными словами, чтобы понять как функционировали органы советской цензуры, необходимо учесть их антропологическую компоненту.

Список литературы:

1. Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917—1929. СПб., 1994. — 320 с.

2. Блюм А.В. Частные и кооперативные издательства 20-х годов под контролем Главлита (по архивным документам) // Книга: Исследования и материалы. 1993. Т. 66. С. 175—191; Жирков Г.В. История советской цензуры: Период комиссародержавия (1917—1919) // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 1. 1994. № 2. С. 82—92; Горяева Т.М. Исключить всякие упоминания...: Очерки истории советской цензуры. Минск, 1995. — 225 с.
3. Баканова А.И. Из истории цензуры на Урале (обзор источников) // Цензура в России: матер. Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1996. С. 53; Кузнецова Н.В. Репрессированный П. Бажов и его репрессированные книги // Там же. С. 66—70; Степанова Г.И. Деятельность органов цензуры в документах Центра документации общественных организаций Свердловской области (1918—1991 гг.) // Там же. С. 30—34.
4. Горчева А.Ю. Главлит: становление советской тотальной цензуры // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 1992. № 2. С. 32—40.
5. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917—1991 гг. М., 2002. — 407 с.
6. Горяева Т.М. Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х — 1930-х годах. Документальная история. М., 2000. — 175 с.
7. Дианов С.А. Повседневная жизнь партийной организации обллита в 1930-е г. // Вестник Томского государственного университета. Томск. Сер. «История». 2011. № 3 (15). С. 97—104; Партийная организация Свердловского обллита в 1933—1941 годах: состав и практики профессиональной активности // Научное мнение: научный журнал. Санкт-Петербургский университетский консорциум. СПб., 2011. № 7. С. 65—71, и др.
8. Ефремова Е.Н. Статус советского цензора в отчетах Свердловобллита // Жизнь провинции как феномен духовности: сб. ст. по матер. Всерос. науч. конф. Н. Новгород, 2010. С. 345—353; Она же. Партийная цензура историко-краеведческих изданий 1920—1930-х гг. на Урале // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 4 (82). С. 183—197.
9. Измозик В.С. Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 26—35.
10. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX—XX вв. М., 2001. — 368 с.
11. Зеленов М.В. Главлит и историческая наука 20—30-х годов // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 21—36.
12. Зеленов М.В. Политика аппарата ЦК РКП (б) — ВКП (б) в области цензуры исторической науки в 1919—1929 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2000. — 540 с.
13. Зеленов М.В. Аппарат ЦК РКП (б) — ВКП (б), цензура и историческая наука в 1920-е годы: монография. Н. Новгород, 2000. — 540 с.
14. Клепиков Н.Н. Политическая цензура на Европейском Севере РСФСР-СССР в 1920—1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2005; Ярмолич Ф.К. Цензура на Северо-Западе СССР. 1922—1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010, и т. д.
15. Смыкалин А.С. Перлюстрация корреспонденции и почтовая цензура в России и СССР. СПб., 2008. — 315 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ, ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

17 декабря 2012 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 24.12.12. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 10,625. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3